

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 2
2024

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

*Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы
в электронном виде с фотопортретом и краткой
биографической справкой автора. Редакция не вступает
в переписку с авторами и не рецензирует присланные
произведения.*

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, Ю.Н. БОГДАНОВ,
В.Н. КРУПИН, М.М. ПОПОВ,
В.В. СОРОКИН, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 2911

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868—5819 «Московский Вестник», 2024, № 2

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий*.....7

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Леонид Чекалкин

Время счастья 10

Михаил Щербаченко

Мадам де Маникюр 21

Виктор Перегудов

Я это всё обдумаю потом... 74

Алексей Беклемышев

Письмо из Аргентины 84

Вилен Иванов

Главное — от жизни не устать... 106

Владимир Хан

Курсантские рассказы 115

Сулейман-Хаджи Аутаев

Стихи из книги «В тени матери» 127

Кирилл Усанин

Три рассказа 138

Лилия Агадулина

Три рассказа 155

Влад Красноярский

Там у родника открыт исток... 171

Энвер Аминов	
Последнее земное утро моего брата	180
Игорь Зуев	
Храм незыблем стоит... ..	189
Сергей Каратов	
Три рассказа	195
Марина Копылова	
Неотправленное письмо	219

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Иван Голубничий	
Национальное своеобразие и общечеловеческая универсальность поэзии Махтумкули Фраги	228
Махтумкули Фраги	
Смелый за Отчизну жизнь положит... ..	237

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Как воспитать читателя? Проблемы семейного чтения.	
Круглый стол.....	248

*225 лет со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина!*

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

(1799–1837)

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836 г.

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

6 июня Россия отпраздновала 225-летнюю годовщину со дня рождения великого русского гения Александра Сергеевича Пушкина, и весь текущий год проходит под знаком этой знаменательной даты. Пушкинский юбилей даёт нам крайне необходимый в нынешней стремительной жизни повод обратиться к творческому наследию нашего главного поэтического классика и ещё глубже осознать его значение для судьбы России, его роль в формировании русского национального самосознания и литературного языка, а также неизбывную глубину его поэтических прозрений. Значение Пушкина – о ком Аполлон Григорьев с прозорливой непосредственностью сказал, что он «наше всё»; кто, по выражению Сергея Есенина, «русской стал судьбой»; чьи стихи и проза входили в жизнь многих поколений россиян с самых ранних лет и формировали национальное мироощущение на всю дальнейшую жизнь – столь глубоко, что в каждый новый исторический период оно раскрывается новыми смыслами и продолжает быть источником духовных сил. В современном мире, ожесточённом и исполненном противоречий, ставящем под сомнение основополагающие принципы бытия, зачастую отвергающем традиционные представления о добре и зле, – в этом мире наследие Пушкина помогает нам сохранить твёрдую духовно-нравственную опору, здоровое национальное самосознание и всечеловеческую открытость, братское чувство по отношению ко всем народам. Пушкин – это наша русская, российская гордость, это наша общая духовная мощь, это красота и универсальность русского языка, объединяющего народы многонациональной России в единый несокрушимый монолит. На рубеже прошлого и нынешнего веков, когда российская государственность подверглась испытаниям и противостояла либерально-западной экспансии, слово Пушкина давало нам уверенность в нашей правоте и помогало выстоять. Сегодня,

в год 225-летия Пушкина, мы видим, что наши усилия были не напрасны: Россия с гордостью смотрит в прошлое, и с надеждой и верой – в грядущее. Пушкин для каждого россиянина, независимо от его национальности, является символом единства и источником духовной силы.

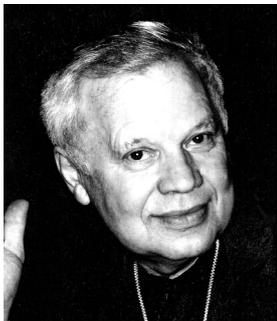
Журнал «Московский Вестник» был основан при участии А.С. Пушкина, и этот факт на постоянной основе запечатлён на титульном листе издания. В своей работе журнал продолжает развивать пушкинскую традицию в непростых условиях современности. Как мы понимаем эту задачу? Это приверженность традиционным ценностям России в её многонациональной полноте. Это глубокое, талантливое и честное отображение и осмысление жизни во всём её бытийном многообразии. Это уважение к истории Российского государства. Это бережное отношение к русскому литературному языку, и одновременно признание его права на развитие, в соответствии с объективными требованиями текущей эпохи. Литературный процесс последнего времени свидетельствует о том, что интерес современных писателей всё чаще обращается на явления действительной человеческой жизни. Постмодернистские тенденции, навязанные отечественной словесности за годы западнического влияния, давно уже поставили себя за пределы литературы как таковой и утратили читательский интерес. Динамично развиваются традиционные жанры, появляются новые талантливые авторы. Расширяется взаимодействие русских писателей с писателями наших братских национальных республик. Интерес народов друг к другу стимулирует деятельность переводчиков, и в результате общенациональный литературный процесс обретает всё более прочную основу. «Московский Вестник» держит курс на укрепление связей между национальными литературами, на укрепление дружбы народов нашей великой России. Завет Пушкина «Россия! Встань и возвышайся!» звучит для всех нас как вдохновляющий призыв и руководство к действию.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА,
ОЧЕРК**

Леонид ЧЕКАЛКИН

Леонид Иванович Чекалкин – поэт. Родился в 1940 г. в Монголии, где проходил службу его отец. В 1943 семья переехала в Москву. В 1958 окончил с отличием школу и поступил в МАИ. В начале 60-х состоялся поэтический дебют. Автор 72 книг. Член МГО Союза писателей России. Почётный академик РАЕН. Награждён государственными и правительственными наградами.

Живёт в Москве.

ВРЕМЯ СЧАСТЬЯ

* * *

Озеру полночному не спится –
Цепи у причала зазвенели,
Устремляясь в небо, полетели
Потревоженные птицы.
Я глаза зажмурю и открою,
И во всех подробностях увижу:
Подплывает горизонт всё ближе,
Исчезает тихо под горою.
И шеренгой длинную деревья
Сверху – вниз, поближе к водопою
Устремились, но в оцепененье
Замерли над каменной тропею...
Длится ночь осеннего покроя.
Озеру холодному не спится,
А вверху немые вьются птицы
И не могут обрести покой.

* * *

Я иду по краю света,
Но за край – не захожу.
По хорошему совету
Чистым воздухом дышу.
Вижу: в полных три объёма
Липа древняя стоит.
Со вчерашнего заката
Догорает, не горит.
Старичок сидит, не дремлет,
Трубкой пышет в небосвод...
Будто старец старцу внемлет:
Кто кого переживёт...

А мальчишки у причала
Тянут лодку из воды.
Чайка громко прокричала –
Не накликала б беды.

* * *

Ни почёта, ни славы
Мне не нужно теперь.
Я ушёл от облавы,
Здравомыслящий зверь.
Я – той вятской породы,
У которой в крови
Обретенье свободы –
Не важнее любви.

ВРЕМЯ СЧАСТЬЯ

Опять стремлюсь, любимая, к тебе –
Ко мне вернулась прежняя отвага.
Я понимаю так: моей судьбе
Решительного не хватало шага.
Я в дом вошёл, преодолев пути,
А сердце чует – нужно попрощаться...
Порою важно вовремя уйти,
Чтобы вернулось время счастья.

ПРЕДВИДЕНЬЕ

Загадывать не сложно наперёд,
Хотя не всё предвижу.
Счастливых дней – наперечёт,
Где слышу всё и вижу.

И потому спешу сберець
Запас конечный воли,
Чтоб понимать живую речь,
На фоне острой боли.

СТАРИКИ

1

Не повышайте голос на меня,
Прошу, не пробуждайте лихо.
Вот лист осеннего огня
К земле слетает тихо.
Не повышайте голос никогда,
Каким бы гость ваш не был –
Приходит он порой сюда,
Чтобы послушать небо –
Волшебных не увидев птиц,
Услышать их святое пенье
На фоне отлетающих страниц –
Листвы в процессе их паренья.
Давайте лучше помолчим,
И вместе сбережём мгновенья,
А возраст наш – неизлечим,
И требует немало терпенья.

2

Морозная хрупкость стволов,
Ветвей оголённая смелость –
Затеряна ранняя зрелость
В сумятице поздних годов.
Мороз снегопадом сражён,
И в хлопьях летящего снега
Печален скорей, чем смешон
Живой силуэт человека.

И поступь его – тяжела,
Скупы и неловки движенья...
А снег продолжает круженье –
Зима незаметно пришла.

ПАЛА ЛИСТВА

Обречённая пала листва,
Беззащитными стали деревья.
Постаревшая память родства
Охраняет примеры доверья.
Слишком редко случались они
В одинаково длившихся буднях,
Освещали их скудно огни –
Свет сочится из прошлого трудно...
Острота ощущений ушла,
Лишь порой среди ночи
Невзначай промахнётся игла,
Ткань сшивавшая строчек.
Ощущение давних разлук,
Окропленное каплею крови,
Возвращает лишь память-паук
Из угла сиротливого крова.

ТРЕВОГА

В чистом поле снег клубится.
Может, ветер низовой? –
Безрассудный всадник мчится –
С непокрытой головой.
Преисполненный тревоги,
За спиной оставив кров,
Он, не ведая дороги,
Снеговой крошит покров.

И – нахлѣстывает плѣтка,
Оставляя след огня
На боках упругих, потных
Запалѣнного коня.
Видно, чѣрная кручина
Посетила отчий дом.
Вот и веская причина –
Устремиться в ночь верхом.
Скрылся всадник оголтелый,
Пролетел и... позабыт.
Только след остался белый
От стремительных копыт.
Ночь простѣрлась от порога
В даль – по улочкам пустым...
Не рассеялась тревога,
Растворился снежный дым.

ПАМЯТИ ДЕДА

С трудом я представляю обиход –
Весь быт его – простой и сложный.
Но вижу ветхий пароход,
Идущий от земли острожной.
И за кормой струится след
С бегущей к берегу волною...
Пропал мой каторжанин-дед,
Лохматою богатый бороною.
Не мог он думать обо мне –
Другую постигал науку,
Он просто сгинул по весне,
И подарил в наследство муку –
Латать в династии пробел,
Искать, не находя, причины
Цены – Строительства побед,
И жизни вятского мужчины.

НАСЛЕДСТВО

Позднее наследство – ранняя капель
Возвращает в детство к зрелости, теперь.
Прежняя примета в окончанье дня:
Трудно до рассвета выжить без огня.
Следуя велению: «Знай, огонь, гори!» –
Я кладу поленья в печку до зари.
Наступленье мысли чувствую теперь –
Живо ощущение будущих потерь.
Осознание боли: время – не избыть...
Никогда счастливым и не нужно быть.

НА КРАЮ БЕЗДНЫ

Календарным верю числам,
Приглашаю солнце в дом,
Наполняю будни смыслом –
Поэтическим трудом.
Как могу, слагаю песни,
В одиночестве творю –
Мне, как прежде, интересна
Жизнь у бездны на краю.

МАТЬ

Мама стряпала лепёшки,
Чтоб на краешке земли
Дети ели понемножку,
Потихонечку росли.
Время душу истомило
И измучило нутро...
Мама яблочк засушила –
С горкой – полное ведро.

Мамы – нет, осталась память,
И теперь в достатке лет
На могиле мёрзнет камень,
Где отсутствует портрет.
Я лица её не помню –
Время, что ли утекло?
Всё смотрю, пейзажем полный,
В запотевшее стекло.

ДУХ ВОСКРЕШЕНЬЯ

...А дух воскрешенья витал,
Пока вспоминалось волненье,
Которое вдруг испытал,
Впервые вступив во владенье
Томительной точности слов
И тайной печали подтекста.
Пока избавлялся от снов
Нелёгкого праздника детства.
Когда ощутил, что не зря
Живу, коль могу подивиться
Привычке, с которой заря
От ночи спешит отделиться.

СНЫ ОСНОВ

От простуды зазнобило,
Кашель мечется в груди...
Вспоминаю то, что было,
То, что будет впереди.
Вызревает беспокойство:
Помешать не сможет хворь
Делу правильного свойства –
Чуять в небе кротость зорь?

Помешать святому чувству –
Вызвать запасы слов
Для служения искусству,
Вспоминая сны основ?

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Приходите, друзья, –
Я сегодня вернулся из плена
Госпитальных палат и военных врачей,
Возродился из тайны забвенья и тлена.
Погружая лицо в родниковый ручей,
Я увидел глаза моей женщины милой,
Охранявшей бесценно моё житиё,
И почувствовал с новой, утроенной силой,
Как мне дорого было участие её
В одолении чувства отчаянной боли,
Приходившей нередко в палату мою...
А теперь говорю: – Я не знаю, доколе,
Но сегодня – живым перед вами стою.

СИРОТСТВО

А над полем снег клубится,
Строит снежную гряду.
Схоронились в гнёздах птицы,
Кто в лесу, а кто – в саду.
Из вопросов безответных
Есть один, и тот – беда:
– Неужели мой наследник
Здесь бывает иногда?
Был давно или намерен?
Снег идёт, всё – замело.

И пришла пора – помедлить,
Подождать, чтоб рассвело.
Долго длятся утро, вечер –
Вспоминаю всю родню,
Ставлю свечи, свечи, свечи
И в молчании стою.
А семья теперь не снится,
Обращаю внутрь глаза:
Вновь ищу родные лица –
Оживают образа.

СЛЕДЫ ПОКАЯНЬЯ

А зов полночный – невесом,
Хотя и нежностью наполнен,
Он разбавляет зыбкий сон,
В него сгоняя волны
Той взбудораженной воды
Морского содержания,
Которая сотрёт следы
Ночного покаянья.

ТАЙНА СНОВ

Не скажу, не поделюсь, не выдам
Эту тайну прихотливых снов –
Многоцветную, таинственного вида,
С неразборчивым набором слов.
Сберегу, пока сильна простуда,
И не всё доступно сердцу и уму,
В тайне тайну сохраню, покуда
Непонятен сон мне самому.

ВЕТЕР УДАЧИ

К прожитым годам в придачу
Я ещё немного поживу –
Ветер посулил вчера удачу,
Я в неё поверил наяву.
В жизни так бывало не однажды –
И всегда умел преодолеть
Тот порог немаловажный,
За которым тишина и твердь
С облаком, познавшим неизвестность, –
Без границ, запретов и оков...
Я родную не покину местность,
Надо мною – стая облаков.

Михаил ЩЕРБАЧЕНКО

Михаил Львович Щербаченко – писатель, журналист, член МГО СП России. Родился в 1952 г. Работал в «Строительной газете», «Труде» и «Российской газете», председателем Комитета по телекоммуникациям и СМИ правительства столицы, заместителем руководителя пресс-центра мэрии Москвы и главным редактором журнала «Вестник мэрии Москвы». Автор книг и многочисленных публикаций в СМИ.

Живёт в Москве.

МАДАМ ДЕ МАНИКЮР

Повесть-сценарий

Всё началось с того, что мне позвонили с федерального телеканала и предложили написать сценарий сериала. Сказали, что знают мои книжки и считают, что там есть перспективные сюжеты и персонажи.

Далее объяснили правила игры. Сериал рассчитан на главную целевую аудиторию – зрительниц от сорока пяти и выше, по преимуществу домохозяйек. Они предпочитают либо костюмированное кино об интригах королевского двора, либо истории о судьбе близкой им простой русской женщины. Первый вариант затратный, денег на него сейчас нет, остаётся отечественная мелодрама. Формат – четыре серии по часу.

Сюжетная схема должна быть немудрёной. Девушка родом из села или райцентра. Ранний доверчивый интим, предательство возлюбленного, внебрачный ребенок, уход из постылого отчего дома, мытарства по неприветливой жизни, отмороженный ухажёр, раскаявшийся первый любовник, коварная подруга, похотливый начальник, благородный, но бедный заступник. Допускаются темы воровства, коррупции и даже продажной любви, но тактично, без изврата. Несколько драк, можно с поножовщиной и огнестрелом. Пара смертей, насильственных или естественных – на выбор сценариста.

Разумеется, возможны отступления от схемы, авторскую фантазию никто не сковывает. Главное – держать в голове вкусы целевой аудитории. Иначе зритель не поймёт, уйдёт на другой канал, а надо же зарабатывать на рекламе. Поэтому обязателен счастливый финал, так сказать, хэппендец. На грани неликвидного возраста, вдоволь намыкавшись, героиня находит своё счастье.

Сразу скажу, что ничем подобным я сроду не занимался, но почему бы не попробовать? Выдвинул встречные пожелания:

сотрудничать с режиссёром, участвовать в актёрском кастинге, присутствовать на съёмках. И думать забудьте, ответили мне, вы вручаете нам сценарий, мы отдаём его продюсеру, а дальше всё в его воле.

В таком случае, включил я оскорблённое авторское достоинство, условие такое: показываете мне сериал до эфира, и в случае несогласия убираете мою фамилию из титров. В наступившей паузе слышалось изумление, будто я отказываюсь от прижизненного монумента перед останкиным телецентром. Ладно, это мы вам обещаем, последовал наконец ответ.

И я начал думать о героине фильма.

«Я никогда не буду женщиной, а интересно, что они чувствуют». Эта фраза юмориста всегда мешала мне описывать дамские эмоции. Почти во всех моих историях действие ведут мужчины, понимать их поступки куда проще и привычнее – всё равно, что разбираться в себе самом, далеко ходить не нужно. Женщины же обычно присутствуют на вторых ролях, что объясняется вовсе не отсутствием интереса к противоположному полу (интерес как раз всегда был огромным), а неуверенностью. Боязнью, что из-под пера, то бишь клавиатуры, выйдет мадам с мужским образом мыслей, с мужской логикой, это сразу все увидят и посмеются над автором.

Но, так или иначе, заказ был принят, колёсики в голове закрутились, и в воображении возникли очертания будущей героини. Привиделась женщина лет тридцати пяти-тридцати восьми, одновременно жертвенная и эгоцентричная, хитрющая и легковерная, неподкупная и продажная, лицемерная и искренняя, непредсказуемая и расчётливая, трусливая и бесстрашная, холодная и страстная, волевая и беспомощная. С судьбой, разрезанной пополам. С тайной. Женщина, от которой никогда не знаешь, что получишь, и ради которой стоит и жить, и сочинять.

Но это всё абстракции, желателен же зримый образ. А с этим у меня всегда были проблемы. Только начнёшь обдумывать, как он из себя, твой персонаж, как выглядит, как ходит и сидит, чем пахнет, – и всё, наступает ступор. То ли дело великие. «Он

пожал маленькую ему поданную руку и, как чему-то особенно-му, обрадовался тому энергическому пожатию, с которым она крепко и смело тряхнула его руку. Она вышла быстрою походкой, так странно легко носившею её довольно полное тело». Вот вам и Анна Каренина.

Но в нашем случае, при отсутствии у автора таланта портретиста, придётся поступить иначе. Хотя от кастинга, как вы помните, меня сразу отстранили, всё равно я представлял себе актёров, которые могли бы сыграть главные роли. Не сегодняшних исполнителей, специально для которых придуман одноразовый термин «звезда сериала» и которых вы рискуете забыть ещё до выхода в свет этой книжки, а артистов, чьи лица смотрели на вас с открыток, порознь или коллекциями продававшихся в книжных магазинах и киосках «Союзпечати», ныне «Пресса». Наборы эти назывались «Звёзды советского кино». Они-то нам и пригодятся, молодые или забывчивые могут погуглить.

Но всё же свериться с классиком не вредно. Как там у Гоголя? «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча...». Что ж, разложим свой пасьянс.

Если смешать темперамент Неёловой, женственность Фатеевой, лукавство Удовиченко, глубину Фрейндлих, обаяние Андрейченко, коварство Тереховой, сексуальность Лавровой, интеллект Демидовой, утончённость Вертинской, порочность Полищук, породистость Максаковой-старшей, нервозность Соловей, да добавить тембр голоса Купченко, – как раз получится моя героиня.

Однако, для ясности желательно остановиться на одной актрисе, в которой просматривается собрание названных качеств. Кто может ею быть? Выбор автора – Елена Сафонова. Времени первой «Зимней вишни», с короткой стрижкой. Кто помнит, тот меня поймёт.

Теперь имя. Пролистал по памяти справочник собственной жизни, а в придачу два десятка сохранившихся телефонных книжек. Получилась Людмила Вадимовна Миладинова (удаление на второе «и»). Мило, музыкально.

Далее надо было придумать героине профессию. В голову долго ничего не приходило, но не было бы счастья... Корочеч, помогли пандемия с карантином. Закрылись косметические салоны, а с ними стали недоступными, как их именуют, услуги ногтевого сервиса. И в этом месте позволю себе ёмкое лирическое отступление.

«Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» – кто же спорит? Но одно дело думать, а совсем другое – стричь себе эти самые ногти. Занятие это я сызмальства не любил; у старых ножниц вечно не сходились кончики, кусачки рвали заусенцы, пилка оставляла острые уголки, которые потом цепляли одежду. Противнее же всего было, распарив ноги в чугунной ванне, скоблить пятки безопасной бритвой. Как только тупое от рождения лезвие «Балтика» натыкалось на трещинку, вода окрашивалась кровью, будто римский патриций вскрыл себе вены. Пятку приходилось заклеивать пластырем, сквозь который всё равно сочилась кровь, пачкая домашние тапки.

И когда появились первые деньги, я перенёс урегулирование ногтевого вопроса в косметический салон, препоручив его профессиональным маникюршам. Было это много лет назад, но до сих пор люблю поболтать с ними об их безусловно полезной и по-своему увлекательной работе.

Вот так не связанные с темой сериала ковидные ограничения подсказали профессию героини. Быть ей маникюршей.

Ну, хорошо, а кто ещё, кроме неё? С кем столкнёт и переплетёт её госпожа фортуна? И тут я осознал, что обращаюсь с многочисленными персонажами своих историй как-то не по-хозяйски. Создал человечка (срисовал с себя, или с других, или, что называется, высосал из пальца), а он просуществовал всего-то на двух-трёх страницах, а дальше поминай как звали. Читатель потратил на него всего несколько минут – и на том спасибо.

А может, отряхнуть их и нанизать, будто кусочки шашлыка, на вертел заново придуманного действия? Дать им новую жизнь, а там поглядим, что получится. В конце концов, переработка того, что тобой же и придумано, – это уж точно не плагиат,

поскольку тырить у самого себя не противозаконно и даже не безнравственно.

К тому моменту, когда сюжетные линии и персонажи сериала стали более-менее отчётливыми, произошел облом. Позвонили с телека и сказали, что заказ отменён. На канал пришли новые люди с новым видением, новыми контентом и форматами, но пока без денег. Так что сорри.

Сперва я расстроился: сбили, гады, кураж. А потом вздохнул с облегчением: не надо подстраиваться под целевую аудиторию и соблюдать гендерный баланс. И никто без моего ведома не перекроит эту историю и не навяжет хэппендец. Нет фильма – ну и ладно, будет что-то вроде повести с элементами сценария и кинематографическими приёмами, на которые автор уже настроился.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ. ЛЮДМИЛА

Если бы в фильме были начальные титры, они шли бы под музыку вот на каком фоне. Лёгкие и умелые руки маникюрши обрабатывают кутикулы, касанием электродрели снимают огрубевшую ткань, полируют, шлифуют, покрывают лаком... Искусная работа с ногтями выглядит интимно и чувственно. Венец сеанса – массаж кистей и стоп. Пятьдесят оттенков ногтей, по-другому не скажешь.

Место действия – спальный район Москвы, косметический салон. Самый обычный, без признаков роскоши и понтов. Сюда обычно стараются запихнуть всё что можно: солярий, стоячий или лежащий, массажный стол, парикмахерское кресло... Такие заведения обычно держат женщины с Кавказа – Лалы, Заремы, Диляры. Но наша героиня не хозяйка салона, она наёмный сотрудник.

Маникюрша Людмила Миладинова работает за столиком, покрытым кипельно-белой салфеткой, перед ней разложены щипчики, кусачки, пилочки, всевозможные лопаточки и скребки. Попутно, извиняясь перед клиенткой, отвечает на звонки,

записывает на приём, договаривается, к кому и когда приедет на дом. По всему видно, что спрос на её услуги высок.

Три года она работает в этом салоне, владеет всеми тонкостями и новациями профессии, в кругу понимающих людей считается мастерицей класса «люкс». С коллегами общается исключительно по делу, никаких чмоки-чмоки и исповедей за чашкой кофе. Держит всех, в том числе клиентов, на дистанции, хотя и делает это «мягкой лапкой». Что у Людмилы в прошлом, откуда она вообще взялась, никто в салоне не знает. Известно лишь, что снимает квартиру неподалёку и на работу ходит пешком. Старается ничем не выделяться, но окружающие чувствуют нездешность этой женщины.

Единственный человек, с которым она любит поболтать, – старый мужской парикмахер. Вот и сейчас она подглядывает, как работает Акоп Саркисович. И мы посмотрим краем глаза.

Представьте, к примеру, что у вас на голове три волосины, как у автора. Постричь вас триммером – пять минут и на выход. Но тогда вам надо не к Акопу Саркисовичу, потому что он церемонно усадит вас в кресло, отрегулирует высоту, наденет на клиента пелерину, обовьёт шею белоснежным полотенцем. Потом тонкими ножницами сострижет волоски на ушах и подравняет брови.

После этого он откроет опасную бритву – ту самую, которую некогда правили-точили о ремень, а потом в отечественных парикмахерских запретили, опасаясь то ли порезов, то ли операций «чик по горлу». Но у мастера старой школы свои правила. Он подравняет бритвой виски, шею, и только после этого возьмет приятно шуршащие ножницы и начнёт собственно стрижку. Пятиминутной механической скоблёрке триммером он предпочтёт долгую и кропотливую работу. По сути, комбайн заменит косой. И в качестве финального аккорда поднесёт к вашему затылку зеркало, дабы вы заценили безупречную шлифовку.

Акоп Саркисович охотно развлекает Людмилу историями о том, как он стриг разных знаменитостей, попутно пытаясь в очередной раз разгадать, что же за птица эта маникюрша.

Как-то он наблюдал разговор владелицы салона и бухгалтера, нервно обсуждающих, как оформить документы для налоговой инспекции, и Людмила, просто проходя мимо, дала подсказку. Дамы выпали в осадок.

Однако, трёп с парикмахером пора заканчивать: пришёл мужчина, клиент без записи. Он садится в кресло, маникюрша опускает в ванночку с тёплой водой его правую руку и на безымянном пальце видит золотой перстень с печаткой, на которой оттиснута статуэтка Оскара. Того самого, ради которого в Лос-Анджелесе ежегодно раскатывают красную дорожку.

И холодная волна прошлого накрывает героиню.

А нас с вами ждёт флэшбэк – так киношники называют сюжетный возврат к прошлому...

В просторную приёмную входит женщина. Входит не медленно и не быстро, не робко и не нагло, а с тем спокойным и уверенным видом, который внятно сообщает: мне надо, вот я и пришла. «Там гость», – предупреждает секретарша, хотя точно знает, что с тем же успехом она могла бы сказать: «там террористы» или «там премьер-министр Англии», – женщина, никак не реагируя, пересекает приёмную и входит в кабинет, где и зародится главная интрига нашей истории.

При её появлении двое мужчин встают из-за кофейного столика.

– Позвольте вам представить, – церемонно объявляет хозяин кабинета. – Ум, честь и совесть нашего банка, директор департамента vip-клиентов. Людмила Вадимовна Миладинова.

Да-да, читатель, перед вами та самая маникюрша. Вы бы и сами узнали её, хотя, конечно, из вежливости не подали бы виду, что разглядели различия. И дело даже не в том, что в салоне вы видели простоватую брюнетку в джинсах и кроссовках, а сейчас это яркая шатенка, в деловом костюме, с брендовой брошью на лацкане и на 12-сантиметровых шпильках. Речь о различиях иного порядка.

Бывает так, что встречаешь женщину с разрывом в три-четыре года, и она по-прежнему мила, ухожена, подтянута, привлекательна. Вроде бы ничего не изменилось. Но только в одном

случае дама стоит дорого и дорожает день ото дня, как нефть в начале нулевых, а в другом – цена её с трудом удерживается на среднем уровне и имеет тенденцию к снижению. Извиняюсь, конечно, за вульгарность сравнения, не хочу оскорбить ваш вкус, просто добиваюсь наглядности.

Так вот, Людмила в банке – это нефть в начале нулевых.

– Если это ваши ум, честь и совесть, что вы оставляете за собой? – весело спрашивает гость.

– Жадность, – влёт отвечает за шефа Людмила. Чем сразу обозначает свой статус: ей можно всё.

– Так и есть, уж она-то знает! – смеется шеф. – Жадность! Что ещё нужно банкиру, чтобы его клиенты спали спокойно? Экономика должна быть экономной, как учил Леонид Ильич Брежнев на двадцать шестом съезде партии. А перед тобой, Людмила Вадимовна, наш новый клиент.

– Пока потенциальный, – уточняет гость.

– В смысле, с хорошим потенциалом, – каламбурит президент банка. – Алексей Авдеевич Полуянов. Я полагаю, в представлениях не нуждается.

– Естественно, – Людмила ничем не выдаёт, что слышит это имя впервые; такие приёмчики у них с шефом обкатаны до блеска. – Значит, и на нашей улице перевернулся грузовик с апельсинами?

– Тогда уж с Никами, золотыми орлами, берлинскими медведями, а может, венецианскими львами, каннскими пальмовыми ветвями, – что у них там ещё? – расстилается банкир, пока Полуянов идет к Миладиновой, вежливо дожидаясь, когда дама первой подаст руку.

– Ещё Грэмми и, конечно, Оскары, – гость деликатно пожимает пальцы Людмилы, и она мигом сканирует, что у него нет обручального кольца, зато на безымянном пальце правой руки – ну, читатель, смелее!

Всё верно, тот самый перстень с Оскаром, который увидела маникюрша у своего клиента. И клиентом, теперь это уже понятно, был тот самый Алексей Полуянов, а вот как занесло его, именитого и богатого, в затрапезный салон на московской окра-

ине, – точнее, зачем автор придумал неожиданную для обоих персонажей встречу, – вам этого пока еще знать не полагается. Имейте терпение и уважение к сочинителю.

Людмила Вадимовна, Алексей Авдеевич и президент банка – кстати, пора и его представить: Юлиан Юрьевич Сокольский, к вашим услугам, – переходят к делам. Вернее, переходят хозяин и гость, а Миладинова, знающая наперёд монолог шефа, лишь делает вид, что участвует, сама же тем временем гуглит в своём айфоне господина Полуянова и понимает, что в сеть wpłyвает жирная рыба.

Что ж, за такого клиента стоит побороться. Продюсер, генеральный директор кинокомпании «Двадцать пятый кадр», снявшей сериалы о морпехах и других вооружённых до зубов беретах, вампирах, плетущих интриги в доме правительства, и доблестных советских спортсменах, вырывающих золотые награды назло козням западных спецслужб. Последнее достижение фирмы – киносага о провале цветной революции в одной из бывших союзных республик, прошедшая недавно на главном телеканале в прайм-тайме. Ни одного из этих блокбастеров Людмила не смотрела, но шум был большой и наверняка денег срубили подходяще.

Ну, ладно, а сам-то Полуянов что за птица? Сорок семь лет, ВГИК, стажировка в США, разведён, романы с... ого, видные жрицы рублевского гламура! И с любопытством уже женского рода Миладинова изучает гостя. Почему бы и нам не присоединиться, надо же создать мало-мальски зримый образ.

Кто из лицедеёв подходит на эту роль, какие и чьи качества нам понадобятся? Энергия Караченцова, харизма Шакурова, обаяние Збруева, неврастеничность Кайдановского, уверенная сила Джигарханяна, реактивность Борисова, развращённость Янковского, глубинная грусть Даля... Не слишком ли замахнулся, спросит автора читатель, одного такого «вместилища» не найти. И это, увы, правда. Тогда надо выбрать исполнителя, который может всё это сыграть.

Леонид Филатов, царство ему небесное, вот кто нам нужен. Времен картин «Экипаж» и «Успех».

Пока мы с Людмилой визуализируем продюсера, сам он внимательно слушает сладкую песню о главном в исполнении банкира. О чём бишь главном? О деньгах, о чём же ещё.

Между прочим, нам с вами тоже не вредно послушать. Неро-вен час, предложат то же самое, что предлагает г-н Сокольский г-ну Полуянову, а мы уже будем иметь мнение. Итак, вкладчики категории А, как называет их банкир, доверяют ему свои деньги, которые он размещает под очень высокие проценты, раза в полтора выше тех, что рекомендованы Центробанком. При этом сразу предупреждает, что в открытую делать этого не может, ЦБ шкуру дерёт, поэтому депозиты приватные (приятное слово), в реестре банка не значатся, что весьма привлекательно для тех, кто не хочет светить доходы.

Деньги работают, обеспечивая аппетиты своих владельцев, в стабильных европейских государствах. Риски нулевые, выплата процентов ежеквартальная, безусловный возврат вложенных сумм при наступлении чрезвычайной ситуации. Которая, уверяет Юлиан Юрьевич, никогда не наступит. Потому что мы – непубличное кредитное учреждение с неброским названием «Экономный», сидим в холодке, в конце четвёртой сотни банков, не пиаримся. У нас всё очень скромно, сами видите. И банкир обводит рукой свой кабинет. Но Полуянов намётанным киношным взглядом уже заценил здешние фишки (они же при-мочки, они же фенечки).

Если вам доводилось посещать руководителей банков, то вы не могли не заметить, что их кабинеты мало чем отличаются друг от друга. Всюду увидишь помпезный стол красного дерева, за которым в кресле, обтянутом тёмно-зелёной кожей с золотыми заклёпками, восседает хозяин. Сбоку от него либо за спиной оборудована библиотека, где выстроены переплеты Брокгауза-Ефрона и иных раритетов, в которых, экая досада, даже не разрезаны страницы.

По стенам кабинета развешаны в рамках благодарственные письма, подписанные руководителями могучих ведомств. На приметном месте обычно выставлены предметы увлечения владельца – старинные сабли-пистолеты или китайские вазы

эпохи Мин. Не считается нескромным повесить свой портрет работы Шилова или Никаса. Детали могут различаться, но, по сути, банкирский стиль содержит один-единственный послыл: мы – нерушимая крепость, прячьте у нас ваши денежки и ничего не бойтесь!

Банк «Экономный» обосновался в конструктивистском здании, где, начиная с тридцатых годов, размещались разные союзные министерства, и Сокольский занимает наркомовский кабинет, дизайн которого создавался в эпоху ранней индустриализации и позднего раскулачивания. Стены обшиты деревянными панелями, пол покрыт истёртым дубовым паркетом в ёлочку, столешница помнит кулаки и локти крупных руководителей, а вдавленное сиденье массивного стула – их же задницы.

Сначала Юлиан Юрьевич хотел сделать всё дорого-богато, а потом передумал. Советская кондовость стала казаться ему спартанской аскетичностью, выражать деловую целесообразность и сосредоточенность на главном направлении, которую подчёркивал портрет вождя над головой столоначальника. Главные клиенты были родом из «совка», поэтому цитатки типа «ум, честь и совесть», «экономная экономика», парафразы «от каждого – по возможностям, каждому – по его вкладу», «мы рождены, чтоб бабки сделать быльё» и прочие побасенки Сокольского в стенах его кабинета казались и кажутся вип-вкладчикам уместными и остроумными, вселяют доверие и покой.

Полуянов про себя ставит плюс за чистоту стиля, а Сокольский тем временем резюмирует: у нас, как видите, всё просто, только клиенты не простые. Ох, не простые, такие люди, такие люди!.. Да вы скоро с ними познакомитесь, аккуратно через неделю представится случай!

И Юлиан Юрьевич вручает Алексею Авдеевичу приглашение на приём по случаю своего пятидесятилетия. Посидим тепло, по-домашнему, без пафоса...

И встык – грохот оркестра в переполненном зале наимодежнейшего столичного ресторана. Звучит поппури из песен Пахмутовой. Гостям уже показали десятиминутное кино о богатой событиями жизни юбиляра. С развесёлым дикторским текстом

и вкраплениями кадров из советских комедий («Мама такая хорошая, про паровоз поёт» и «Не виноватая я, он сам пришёл!»). Завершал фильм каскад фотографий, где виновника торжества дружески обнимают актуальные деятели политики, шоу-бизнеса, спорта и теневого мира, а также поочередно Ленин, Сталин и Брежнев, – фотошоп вызвал особый восторг гостей.

Музыка смолкает, на сцене возникает поэт-юморист, звезда ветхозаветной телепередачи «Вокруг смеха». Звучит панегирик, написанный онегинской строфой. Последние строчки: «Ты наш кумир, ты наш гарант, ты экономный наш гигант!». Хохот, овация.

Публика в восторге.

Юбиляру рукоплещут многочисленные гости, над рассадкой которых он лично пыхтел не меньше месяца. Дело это чрезвычайно тонкое и ответственное. Надо выдержать иерархию, кого-то сблизить, кого-то развести, учесть массу нюансов. Расставлять на столах таблички – дурной тон. Свободная рассадка – демократично, но неосмотрительно. Обязательно нужно самому, не ленись, хорошенько изучить зал, подвигать с официантами столики, понять, откуда какой обзор, наконец, многократно разложить гостевой пасьянс, пока не откроется оптимальная комбинация. И, в идеале, отвести каждого гостя на его место или после дружеских объятий отдать на попечение Миладиновой, которая знает всех и вся и никогда не напутает.

Перемещаясь с бокалом вдоль столиков, уставленных съестными и алкогольными деликатесами, Сокольский досадует, что на корм ухнули бешеные деньги, и одновременно испытывает благостное удовлетворение от удачной рассадки, которая через новые вклады и новых клиентов должна возместить юбилейные расходы.

Кстати, новый клиент, – он выглядит довольным. Юлиан Юрьевич скользит глазом по Полуянову, продуманно усаженному рядом с двумя патриархами банка: Георгием Назаровичем Куницыным, сенатором от морозного региона, и Сергеем Елисеевичем Лимановым, генералом, до недавнего времени руководителем силового ведомства. Эта парочка бодрых семи-

десятилетних «випов» не может не расположить новичка, а тут ещё и Людмила подыгрывает. Выглядит, зараза, потрясающе.

Купающийся в любви и благодарности Юлиан Юрьевич совершает ритуальный обход, обнимаясь с гостями и не особо вслушиваясь, что они кричат ему на ухо. Каждый из этих людей искренне предан Сокольскому, и он тоже любит их всех, таких несхожих меж собой государственных управленцев, народных избранников, губернатора (хоть и дальнего), олигарха (хоть и «лайт»), префекта, ректора, военачальника, хирурга, живописца, космонавта, ритейлера, телеведущего, посла, олимпийского чемпиона, оперную диву, а также владельца трактира «Семёныч», в котором юбиляр устраивает как private деловые встречи, так и весёлые пьянки-гулянки для своей вип-паствы (и который ещё станет местом действия для некоторых важных эпизодов нашей истории). Очень разные люди, но такие милые, когда объединяются одним-единственным – зато каким! – словом. Это магическое для каждого банкира слово – «вкладчик».

За десяток лет хитроумный и общительный Сокольский, выражаясь его любимым советским слогом, сформировал бригаду вкладчиков капиталистического труда. Эти люди, которых жизнь сделала глубокими индивидуалистами, сами себе удивляясь, действительно стали подобием коллектива: звали друг друга на дни рождения, ходили на презентации и выставки, на матчи и премьеры, хлопотали о лечении, помогали детям с трудоустройством, а внукам – с детсадами и гимназиями.

Оказалось, что деньги, лежащие в одной кубышке, сплачивают их владельцев, создают, можно сказать, чувство родства. Размеры накоплений, разумеется, никто не обсуждал, это было бы неприлично, но бывалая публика определяла объём вклада по косвенным признакам. С минимальными, заметим, погрешностями.

Присутствие рядом с тобой привилегированных персон, помимо того, что поднимало тебя в собственных глазах, ещё и снимало сомнения относительно надёжности Сокольского и всего его заведения. Вкладчики приводили новых клиентов, тоже, как правило, людей непростых. Соответственно, множились связи

банкира, – он называл их «вязки». А вязки создавали ощущение защищённости; случись что – всегда можно позвать подмогу.

Постойте, мы с вами еще не собрали зримый образ Юлиана Юрьевича, а он в этой истории человек далеко не последний. Так что остановим сюжет и мысленно полистаем фотографии звезд советского кино.

Что же мы у них возьмём? Вальяжность Басилашвили, импозантность Лазарева-старшего, ум Юрского, гипнотизм Гафта, лоск Ширвиндта, хитрый глаз Табакова, западную стильность Будрайтиса, ироничную лёгкость Яковлева. Но вы снова скажете: куда, однако, метнул! Бери кого-то одного!

Тогда – Михаил Козаков. Тоже царство ему небесное. Не из «Человека-амфибии», а из «Обыкновенной истории» и «Безымянной звезды».

Сафонова – Филатов – Козаков. Слушайте, первоклассный получается ансамбль! Жаль, что несбыточный. Но пофантазировать никто же не запрещает.

А теперь вновь проследуем на бал. Держа весь зал в полезрения, Сокольский наблюдает, как Полуянов танцует с Людмилой. Ладно, пусть пообжимаются, до романа дело не дойдёт, люди умные, понимают, что производственные отношения важнее неустойчивых романтических связей, которые рано или поздно заканчиваются, разрушая заодно и деловые контакты. А это никому из нас не нужно. И Юлиан Юрьевич взлетает на сцену, берёт микрофон и в наступившей тишине проникновенно произносит:

– Мечта каждого банкира – жить как можно дольше и умереть в один день с клиентом!

Зал отвечает овацией.

На этом автор закончил бы первую серию, если бы она была.

ВТОРАЯ СЕРИЯ. ВКЛАДЧИКИ

Загородный дом Миладиновой. Просторная, элегантно обставленная гостиная. Особые приметы: несколько напольных

амфор, расписанных сюжетами из древней мифологии, по стенам гравюры с изображением греческих богов – Зевса, Афины, Аполлона, Артемиды... Откуда эта античные аллюзии? Подождите, всему своё время. Пока же на очереди вполне земные заботы.

Маникюрша Нонна трудится над ногтями Людмилы, давней своей клиентки, почти приятельницы. Хозяйка поторапливает её, скоро выдвигаться в аэропорт. У выхода уже томятся в ожидании два тёмно-коричневых чемодана с известным вензелем. Несколько лет назад, вы должны помнить, фирма-производитель установила макет такого чемодана на Красной площади. По ёмкости он был многократно вместительнее багажа банкирши, но и в сундуках Людмилы поместился гардероб, которого экономной даме хватило бы на год. Миладинова же уезжает на неделю, но кто знает, какая там, на Кипре, погода, какая публика и какое у неё будет настроение.

Под ногами путаются и трещат Владислав – сын Людмилы, со своей подружкой Ритой. Проспали до полудня, теперь срочно куда-то уматывают, суетятся и отвлекая Миладинову от увлекательного повествования Нонны о новомодной раскраске ногтей на пальцах ног. «Взяла бы да научила меня своему маникюру-педикюру, – шутливо просит хозяйка. – А то выгонят из финансистов, хоть будет чем на бублик заработать». «Не бойсь, не брошу, – в тон отвечает Нонна, втирая крем в кисти клиентки. – Придет время – научу, ты ещё меня обставишь». И обе не догадываются о пророческом смысле этой болтовни.

Миладинова переводит взгляд с Влада на Риту и обратно, в который раз пытаюсь понять, складываются ли они в пару. Она всегда придиралась к подружкам сына, хотя двигала ею не ревность чокнутой мамы и не святая вера в то, что дитя достойн лучшей пассии. Людмила убеждена, что ему нужна не просто красивая-умная-богатая, а именно подходящая девушка. Та, которая даст парню мотивацию, проще говоря – пинок. Такой, который сама она не смогла дать своему БУ («бывший в употреблении», если кто не в курсе).

Пинать-то она его пинала, но, как теперь ясно, не в то место. Шла по трафарету: под лежащий камень вода не течёт; чем

ты хуже других; в кого ты превратился; мужик должен нести ответственность; хорошо устроился, жена получает больше него, – набор известный. Одних эти заклинания стимулируют прокладывать путь к звёздам, других – прокладывать путь подальше от доставшей его бабы. Людмилину же муж принадлежал к третьему подвиду: он вообще никак не реагировал. Так что уйти пришлось ей, забрав маленького Влада и вернув девичью фамилию. А ведь была любовь.

Приходится признать, что следующая его жена оказалась куда умней. Какой подход она применила, неведомо, а только прежде инертный БУ поднялся в полный рост. Сейчас живёт в Канаде, мутит успешный бизнес, родил еще двоих детей, но и с Владом прекрасно ладит, деньги неплохие переводит, сын к нему в Торонто летает и, вернувшись, нахваливает отцовскую жену.

Вообще сынок тот ещё подарок. После развода он с БУ долго не виделся, Людмила сгоряча приложила руку, а уже будучи старшеклассником, Влад каким-то образом наладил контакт, они сплавали вместе в круиз, и с тех пор время от времени сын попрекает мать за то, что рос без отца. Научился интриговать, устраивать разводки, вызывать чувство вины, когда ему что-то надо, и жить как тот телёнок, который двух маток сосёт.

Подружек он раньше менял часто, а с Ритой завис, хотя вместе пока не живут, только встречаются. Владу с его упёртым и капризным норовом нужна женщина хитрая и терпеливая, вроде второй жены БУ, как думает о ней Людмила, хоть и не видела её никогда. Судя по всему, дружба с отцовской семьёй подвела сына к мысли создать собственную.

Рита – очевидный претендент и, по сравнению со своими предшественницами, имеет преимущества. Она вообще нравится Людмиле: обаятельная, шустрая, в меру независимая, в меру податливая, острая на язык, но понимающая, когда его прикусить. Судя по их с сыном постоянным прикосновениям, там всё как надо. Правда, не москвичка, но это, скорее, плюс, меньше нахальства. Родом из Краснодара, отец – главврач больницы, мать предприниматель, владеет сетью продуктовых магазинов,

сама Рита учится в платном негосударственном вузе. По всему выходит, подходящая.

Но проверить всё же не мешает.

Алексей Полуянов везёт с вокзала отца. Вдовствующий Авдей Тимофеевич прибыл к сыну из своего райцентра, чтобы чуток развеяться. «Показал бы, что ли, куда ты ходишь в своей Москве, с кем дружбе водишь», – просит он сына. А у того в глазах его зажигаются черти: «Ладно, батя, давай покажу!».

Не буду описывать вам знаменитый ночной клуб на набережной возле Лужников, вы наверняка в нем не раз бывали. Именно туда сразу после полуночи брошен на растерзание пасторальный Авдей Тимофеевич. Бугай-фэйсконтроль едва не лишается чувств, увидев перед собой такое чудо, но узнает сына и со словами: «Не стареют душой ветераны!» пропускает парочку внутрь. В омуте греха Полуянову-старшему неожиданно всё нравится; Алексея тут же окружают друзья-подруги, которые с восторгом принимают предка из глубинки...

Раскрасневшийся Авдей Тимофеевич выглядит очень довольным.

– Может, и мне в Москву перебраться, – осторожно зондирует он почву, когда они с сыном под утро едут домой. – Поближе к современной медицине. А то ведь годы...

– Да ладно, – хохочет Алексей, – видал я твои годы! А насчет переезда давно предлагаю, хватит тебе в медвежьем углу торчать. Вот только дом дострою, и можешь заселяться.

– А зачем тянуть, – мигом оживляется папа. – Я могу и на стройке пожить, буду за твоими шабашниками приглядывать, а то, небось, дурят тебя. А со мной не пройдет.

– Недурная, кстати, идея, – соглашается Алексей и разгоняется по пустой Москве до 130 км.

Просторный балкон номера «люкс». Внизу море, пальмы, пляжная публика. Курортная неделя заканчивается, и Людмила напоследок нежится под кипрским солнцем.

– И мне, что ли, с тобой погреться, – из номера слышен мужской голос. – Счёт принесли; посмотрю, что они нам на-вписывали.

И на балкон выходит... ну, кто, по-вашему? Да ясно же: Юлиан Юрьевич Сокольский. Целует Людмилу и устраивается в кресле заниматься любимым делом: пересчитывать деньги.

Людмила смотрит на Юлиана и думает: интересно, долго ли им еще быть вместе? Вообще-то этот вопрос она задает себе пятнадцать лет, начиная с их первой годовщины. Сокольский тогда был руководителем кредитного департамента, а она после развода пришла в «Экономный» на должность замначальника отдела инвестиций. Юлиан был женат, впрочем, он и сейчас женат, только жена с дочерью живут в Швейцарии и тратят деньги, которые поднявшийся до должности президента банка папа зарабатывает в паре с любовницей, поднявшейся до должности директора департамента вип-клиентов.

Вам не надо объяснять, что лучше дружба, основанная на бизнесе, чем бизнес, основанный на дружбе. Вероятно, любовь и бизнес соотносятся точно так же. Но не у всех. Долгие извилистые отношения Юлиана Юрьевича и Людмилы Вадимовны начались с любви. Но у Сокольского незадолго до этого родилась дочь, и он не ушёл из семьи. Миладинова страдала, даже уволилась из банка, но через два года он стал вице-президентом и вернул её с должностным повышением, достойным окладом и щедрым бонусом.

Роман меж ними сохранился, но страсть постепенно ослабела, хотя насовсем не ушла, в то время как страсть к обогащению, напротив, продолжает крепчать. Так что близость этих двух людей велика, они оказались превосходным тандемом, когда каждый понимает, что вместе с партнёром дела идут лучше, чем шли бы без него. При том, что полного доверия меж ними нет (да и невозможно оно у добытчиков денег), каждый это тщательно скрывает. Они берегут свои отношения, и если кто-то сворачивает налево (а время от времени это случается с каждым из них), то делает это очень осторожно и при малейшем подозрении впадает в полную несознанку. Никто никого не бросает. Но никто никому ничего и не обещает. Короче, паритет.

– Ни фига себе, за мини-бар двести пятьдесят евро! Да ты транжира!

Людмила не отвечает, лишь иронично смотрит, как Сокольский, нацепив очки и шевеля губами, изучает счёт. Миладинова терпеть не может жадных мужчин, но жадность Юлиана её не раздражает и даже кажется забавной. Наверное, потому что он не стесняется этой слабости и даже иронизирует на свой счёт.

Он сам сделал себя жмотом. Сознательно, упорно, маниакально, через «не могу». Объяснение вытекало из его наблюдений: богачами становятся только жадюги. Которые не стесняются при других поднять упавший в лужу железный рубль. А всё потому, что они уважают деньги как таковые. Независимо от суммы.

Вот и Юлиан Юрьевич настойчиво учился уважать деньги. Надо видеть, как аккуратно он складывает купюры – рубашка к рубашке, непременно по возрастанию номинала. Когда-то он скреплял пачку канцелярской скрепкой, потом опоясывал тонкой резинкой, а в последние годы пользуется зажимами для купюр, хотя и понимает, что резинка удобнее. Зажимы сплошь дарёные – платиновые, золотые, с инкрустацией. Сокольский считает, что в них деньгам приятнее.

Он демонстрирует не людям, а самим ценным бумагам, с каким респектом к ним относится. При этом суеверно считает, что они, в свою очередь, тянутся лишь к тем, кто выказывает им глубокое почтение. И когда уже в его бытность финансистом деньги, так сказать, потеряли тело, стали электронными, просто цифрами на мониторе, и превратились не более чем в надежду на то, что они в действительности существуют, Юлиан Юрьевич долго грустил.

Разумеется, краткосрочный отпуск с любовницей предполагает расходы, с этим пришлось смириться. Все прошло хорошо, но, тем не менее, Людмилу грызёт червь: почему Кипр, а не Сицилия, не Канары, не Эмираты? Почему просто «люкс», а не президентский номер, не пентхаус? И невкусные ужины в отеле лишь потому, что all inclusive...

Людмила догадывается, что и сама она проходит по его незримой финансовой ведомости. Но тут волноваться нечего: доходы от неё значительно превышают расходы. Она привлекает

в банк большие деньги и удерживает их, имея индивидуальный подход к каждому клиенту. Крохобор Юлиан не может это не ценить.

Звонит айфон Сокольского. Вице-президент «Экономного» выводит их из нирваны: заявила внеплановая проверка из Центробанка, контролёры, судя по всему, вооружены и очень опасны, требуют на ковер президента.

Юлиан Юрьевич всерьёз обеспокоен: если ЦБ регулярно отзывает банковские лицензии, кто поручится, что следующим не схлопнешься ты?

– Не приведи господь о ревизии узнает категория А, – бормочет он, забыв про счёт из отеля. – Вот тогда начнётся самое интересное...

– Не суетись, у тебя есть я, – урезонивает банкира Людмила. – «Випы» будут обласканы и успокоены. А ты обслужи контролёров, не то в самом деле устроят форс-мажор.

– Вот что я тебе скажу, – Юлиан становится очень серьёзным, – даже если контора закачается, ты будешь в полной безопасности, отвечаю. Да, ты есть у меня, но и у тебя есть я.

– Послушай, ты же знаешь, я не лезу в твои тайны. Но если представить, что отзовут лицензию, как быть с «випами»? Им же обещан возврат вкладов.

– Нет такого преступления, на которое не пойдёт капитал ради трёхсот процентов прибыли. Карл Маркс, «Капитал», том первый. Учи матчасть.

– Брось свои шуточки. Ответь прямо: ты готов предать клиентов?

– Нет такого понятия – предать. У каждого свой интерес. И если мой интерес идет поперёк интересов другого человека и я делаю ему больно, это никакое не предательство. Ты помнишь, как меня обставляли вроде бы не чужие люди, но я не считаю, что меня предали. Они решали свои задачи. Не совпадающие с моими.

– А я вот считаю...

– Хватит, притормози. В самолёте перескажешь мне моральный кодекс строителя коммунизма. Пошли собираться. Ново-

сти, конечно, хреновые, но лучше получить их в конце каникул, чем в начале.

От вип-вкладчиков, касты категории А, ничего не скроешь, им становится известен факт неожиданной проверки ЦБ, они группами либо поодиночке являются к Людмиле Вадимовне за объяснениями. Она успокаивает клиентов: банку ничего не угрожает, ситуация полностью под контролем.

К слову, кабинет Миладиновой – полная противоположность казённой обители Сокольского. Тут всё светлое, мягкое, женское. Успокаивающее. И опять же древнегреческие приметы – бюсты великих философов. Аристотель, Сократ, Платон – где ещё им вселять мудрость, как не в хранилище денег?

Людмила угощает чаем генерала Сергея Елисеевича Лиманова. У них давние особые отношения. И тут самое время познакомить вас с происхождением героини. Вы помните, что для сериала требовалась девушка из бедной деревенской семьи, но мы-то свободны от схем, и потому назначим отца Людмилы дипломатом, советником-посланником нашего посольства в Афинах? Теперь вам понятно, откуда родом любовь банкирши к античной красоте?

Как водится, советником по культуре в посольстве числился «органист» – человек из органов, в ту пору подполковник Лиманов. И когда греческие отморозки взяли в заложники четверых посольских детей, в том числе восьмилетнюю Люсеньку Миладинову, именно Сергей Елисеевич вместе с местными спецслужбистами руководил их освобождением и получил во время операции ранение, к счастью, не опасное для жизни.

С тех пор он стал членом семьи и личным другом советника-посланника. А спустя десять лет по сути дела заменил Людмиле умершего от инфаркта отца. Это он устроил её в банк, и она всегда добивалась для его вкладов – к слову, не таких уж крупных – наивысших процентных ставок. Всё, что генерал заработал за жизнь, было под её опекой.

И вот этот человек сидит перед ней и напрямую спрашивает: как быть? У него скверный прогноз насчёт банка, и он просит вернуть его вклады. Людмила же понимает, что стоит отдать

деньги одному вкладчику, как об этом узнают другие и потребуют того же. А это означает одно: «Экономному» наступит кирдык.

Совесть колет Людмилу, но она пудрит генералу мозги: в кассе такой суммы точно нет, нужно вынуть из оборота, а это потребует времени. Да и рано беспокоиться, Сокольский все устроит, а на крайний случай у него есть секретный фонд для «випов», так что деньги свои они по-любому сохранят, разве что за исключением процентов.

– Ладно, доча, тебе я верю. А больше никому, – прощается генерал, и Людмила с тяжёлым сердцем провожает его до двери. Кажется, он не верит и ей.

Пряча поглубже гадкое настроение, беседует она и с Алексеем Полуяновым. Уверовав в надёжность «Экономного», он положил на депозиты большие деньги и к тому же перевёл в банк счета своей компании. А теперь, узнав о проверке ЦБ, сильно напрягся.

Алексей рассказывает Людмиле о замысле картины, на которую надо собрать голливудскую сумму. Фильм о президенте – не каком-то конкретном, а о президенте некой большой страны. Который направляет её движение в соответствии со своим пониманием исторической логики. А логика реальной жизни постоянно толкает его на другой путь. И он находится между двумя жерновами.

Но это – общая идея, а сюжет будет закрученным, авантюрным. Сценарий готов и уже выкуплен. Идут переговоры с лучшими режиссёрами, с актёрами, не смейтесь, уровня Лео Ди Каприо и Кристофа Вальца. Есть даже название русской версии: «Ваше Высокоодиночество». Классно, правда же?

– Я знаю цену тому, что делал раньше. Проходное кино, не больше. Но теперь – другая задача. Поверьте на слово, я хороший продюсер и сниму мировой хит. Теперь понимаете, почему мне так важны эти деньги?

Ох, как же не хочется Миладиновой блефовать с людьми, которые ей искренне нравятся, но положение обязывает. Успокоенный Полуянов уходит, поцеловав ручку на прощанье. Ин-

тересный, конечно, мужчина. Не зря рублевские тёлки на него западают.

– Разрешите, Людмила Вадимовна? – в кабинет входит полковник Вострышев, руководитель службы безопасности банка. Рожа противная, зато голова – спецхран, Сокольский его очень ценит. – Вы просили собрать сведения.

На стол ложится всего одна страничка. Людмила выжимает улыбку.

– Благодарю за службу, товарищ полковник.

– Служу банку «Экономный» и его мудрому руководству! – подобно футболисту Дзюбе, Вострышев левой ладонью прикрывает темя, а правой отдаёт честь. С тем и удаляется.

Людмила читает донесение. Ну, вот всё и прояснилось.

В кафе на Старом Арбате пусто. Миладинова сидит в уголке, поглядывая на часы. Влетает Рита, походка от бедра, улыбка до ушей, хороша девчонка, не поспоришь. Извиняется за опоздание, – пришлось с лекции сбежать. Людмила понимающе кивает. Как учёба? Все норм. Как родители? Вроде в порядке, вчера с мамой разговаривала. Пауза.

– Людмила Вадимовна, что-то случилось?

Миладинова кладет перед Ритой листок. Пока она читает, нам с вами ничего не мешает зайти с тыла и тоже ознакомиться с содержанием, оно того стоит. И тогда вместо успешной студентки московского вуза на свет явится раздолбайка, отчисленная со второго курса Краснодарского педагогического училища. Папа-главврач преобразится в санитаря психбольницы, сильно пьющего и отбывающего условный срок за дебош. Мама, впрочем, сохранит статус предпринимателя, только сеть продуктовых магазинов сузится до размеров одного овощного ларька. Три года назад родители со скандалом развелись и, если верить источнику, а у нас нет оснований ему не верить, продолжают вдохновенно гадить друг другу.

Теперь о самой леди. В Москве два года. Образ жизни беспорядочный. Числилась в третьеразрядном эскорте. Водила дружбу с криминальными пацанами, кое с кем из них состояла в отношениях. В качестве свидетеля привлекалась по уголов-

ным делам. В настоящее время снимает с двумя подружками квартиру в Бирюлеве. Короче говоря, личностные характеристики, добросовестно собранные службой безопасности, не обещают интеллигентному юноше счастья в совместной жизни.

Рита собирается с духом и поднимает глаза на Людмилу. Страх натывается на лёд.

– Обсуждать нам с тобой нечего. Исчезаешь сегодня же, немедленно, и никаких звонков, никаких эсэмэсок. Будто тебя и не было. Откажешься – подбросят наркоту, будут менты, обыски, колония, не взыщи. Но лучше по-хорошему.

Людмила кладёт перед девушкой конверт с логотипом банка. Пять тысяч евро, достаточно для экстренной эвакуации. Рита бросает конверт в сумочку и уходит, не оборачиваясь.

Миладинова долго смотрит ей вслед, и злость гаснет. Ей даже жалко эту девчонку, в которой она почти видела свою невестку. Людмила была бы хорошей свекровью, не совалась бы в их с Владом отношения, не учила бы Риту, как надо заботиться о муже. Они могли бы стать кем-то вроде подружек. Зачем надо было так бессовестно врать?

Но, с другой стороны, а как же ей не врать? Кому она была бы нужна с её-то правдой? Ни с одним стоящим парнем у неё бы не срослось. А жить хочется, и хорошо жить, в столице, вкусно есть, сладко спать, а перед сном обниматься с богатым и добрым мужчиной.

В чём она, собственно, виновата? В своём происхождении? В вечной бедности? Но ведь как-то научилась выживать, производить благоприятное впечатление, при минимуме возможностей казаться стильной и ухоженной, нравиться мужчинам. И, вполне возможно, эскорт научил её искусству любви, которым не владеют многие добропорядочные дамы. Говорят, из шлюх получают верные жены. Возможно. Однако, слишком велик риск, что из шлюхи получится шлюха.

В общем, оказалась не подходящая. Нажимаем delete. Но остаётся опасность: если Влад узнает об их встрече, может взорваться. Скажет, что мать сломала ему жизнь. Не простит.

Но и Людмила не простила бы себе, если бы не сделала того, что сделала. Так что всё правильно. Она заказывает апельсиновый сок.

А в другом заведении, в трактире «Семёныч», Юлиан Юрьевич встречается с неким господином, лица которого нам с вами не видно, зато голос слышен отлично.

– Прекрати психовать, – говорит голос, – соберись, осталось всего ничего. В понедельник утром будет официально объявлено об отзыве лицензии. ЦБ сразу же пришлет в банк временное управление. Тебя там уже не должно быть. Все контакты сверни, кроме моего, «симки» уничтожь. Вкладчики побегут по твоему следу; люди они, сам знаешь, с характером.

– Да уж знаю. Закажут, как пить дать.

– Что значит «закажут»? Схема ухода отработана, найти не смогут. Да и многие из «випов» уже не в силе. Бывшие. А бывшие не могут приказывать, могут только просить. И просьбы их к исполнению не обязательны. Работают только прямые приказы: выполнить, доложить, свободен. Нет, уголовное дело, конечно, будет, и розыск объявят, но со временем всё утихнет, ресурсов у нас достаточно.

– У них тоже ресурсов хватит, чтобы меня в лучший мир переправить.

– А смысл? С кого тогда бабки требовать? Уж это они понимают. Я тебе больше скажу: они тебя беречь должны!

– Самым опасным надо всё же отдать деньги, хотя бы часть...

– И думать не смей! Как только одному вернёшь три рубля, все остальные тут же узнают, и вот тогда тебе конец. Наш путь иной: стыринг и свалинг. Ты понял? Стыринг и свалинг!

Голос смеётся и, судя по звукам, его обладатель выпивает и закусывает. Юлиан молчит. Он помнит размеры вкладов всех своих «випов». Одному нужны деньги, чтобы лечиться в швейцарской клинике и лежать в итальянских термальных ваннах. Другому – чтобы скупать недвижимость. Третьему – чтобы спать с красивыми тёлками. Четвертому – чтобы стрелять львов, слонов и носорогов... И вот все они разом лишатся своих возможностей, а кое перед кем замаячит нищая старость.

– Понимаю, тебе тошно, но ты ведь знал, к чему всё идёт, – снова звучит голос. – За это время мог бы морально подготовиться.

Голос прав, Сокольский действительно готовил себя к тому, что однажды все дружбы, симпатии, привязанности, пьянки и беседы по душам – всё это разом закончится, останется в герметичном отсеке прошлого. Но оказалось, когда наступает «время Ч», самогипноз не в силах купировать спазмы совести.

Легко тырить из какого-нибудь регионального бюджета или пенсионного фонда, взял – и никаких угрызений. А тут кидаешь совсем не чужих людей, искривляешь и ломаешь их жизни. Оставляешь без будущего их самих и их детей. И теперь кто-то будет рыдать по ночам, биться в истерике, кого-то ждут тяжкие болезни и преждевременная смерть.

С другой стороны, ты можешь им сочувствовать, но при этом должен помнить, что все они – старые, молодые, здоровые, больные, худые, толстые, православные, иудеи, мусульмане – буквально все в одночасье станут твоими лютыми врагами. И, значит, нужно возненавидеть их так же, как они возненавидят тебя.

Хорошо, хоть Людмила будет с ним. Надо срочно встретиться, пусть собирает вещи в дорогу.

– И, кстати, – голос словно читает его мысли, – валить будешь один. Не вздумай прихватить свою Людмилу прекрасную. Вкладчики возжаждут крови, вот пусть её и грызут.

Судя по удаляющимся шагам, владелец голоса уходит.

Юлиан Юрьевич понимает, что именно сейчас, в эту минуту, он становится подлецом. Мог ли он ожидать такого поворота? Врать себе нет смысла: мог. Ослушаться куратора опасно, невозможно, и это обстоятельство слегка разбавляет концентрацию подлости. Но всё равно игла колет в сердце, и боль придется перетерпеть, чтобы в итоге принять как факт, что всё устроилось к лучшему. В бегах любовница-партнёрша станет обузой, риски с ней возрастут в разы. Спасаться надо одному. И нет тут никакого предательства. Просто разошлись интересы.

Людмила получает сообщение о том, что у «Экономного» отозвана лицензия. Она мчится в банк. Там уже работают временные управляющие из ЦБ. Юлиана нет, зато один за другим прибывают перепуганные вкладчики. Миладинова принимает на себя их первый удар.

Проходит два дня. Сокольский не выходит на связь ни с кем, в том числе с Людмилой. Вип-клиенты трубят сбор. На экстренную сходку в трактир «Семёныч» собираются два десятка разъярённых мужчин.

Наш бывший дружок не понимает последствий, уж мы сумеем испортить ему жизнь, сотрясают воздух «випы». Прокрутил наши деньги и засунул себе в карман? И все его гарантии возврата псу под хвост? Да это самый настоящий грабёж! Теперь, значит, на наши бабки жировать будет? Поменяет имя-фамилию, получит новый паспорт и новое гражданство? Сделает пластическую операцию, изменит отпечатки пальцев и сетчатку глаза? Слиняет на остров Борнео греть пузо на пляже? Нет, мил человек, номер не пройдёт. Достанем и распилим на донорские органы.

А пока объект угроз пребывает вне зоны их доступа, вкладчики ставят на плаху Миладинову. Её обвиняют в сговоре с беглым президентом банка, требуют выдать его координаты и счета, где спрятаны их деньги. В противном случае она ответит по понятиям, тут уж не до уговоров.

Людмила стоит, точно ведьма перед сожжением, пока ей зачитывают приговор. И в роли великого инквизитора выступает не кто иной, как Алексей Авдеевич Полуянов.

– Давайте признаемся себе, что все мы оказались доверчивыми идиотами. Верили Сокольскому, верили друг в друга, – дескать, обобрать таких крутых челов никто не рискнет. Но больше всего мы верили этой мадам. Она нас просто загипнотизировала! Убедила не забирать вклады, хотя наверняка знала, что готовится обвал банка. И то, что мы стали банкротами, – её работа!

– Послушайте, перестаньте валить всё на Миладинову, – вступает генерал Лиманов. – В конце концов, у нас нет доказательств её вины.

– Какие вам еще доказательства, Сергей Елисеевич? – негодует Полуянов. – Она повязана с Сокольским и постелью, и деньгами, это все знают. И здесь её оставили, чтобы снова врать нам и тянуть время. Но уже завтра мы её не увидим, слиняет за бугор. В общем, так: поскольку связать и запереть её мы не можем, прав таких нет, пусть её закроют следаки из управления экономической безопасности. И я это устрою, будьте уверены.

Вкладчики одобрительно гудят. Полуянов достает телефон, набирает номер.

– Да остановитесь же вы! – снова взывает Лиманов. Он подходит к Миладиновой, будто хочет заслонить её от опасности. – Послушайте меня, я знаю Людмилу Вадимовну с детских лет, она честный человек, она не могла нас обмануть, она ни при чём! Люсенька, доча, не молчи, ответь всем нам: разве ты виновата?

Сергей Елисеевич встаёт лицом к лицу с обвиняемой. Её глаза слезятся, губы дрожат.

– Говори же, говори, говори, – еле слышно шепчет генерал, но Людмила молчит. – Ясно. Я так и думал.

Лиманов теряет равновесие. Его успевают подхватить, усаживают на стул, подносят воду, кто-то звонит в скорую...

Еле волоча ноги, Миладинова возвращается домой. Там не находит себе места и истерит Владислав: Рита исчезла, несколько дней он ищет её, но всё без толку. Может быть, матери что-то известно?

Да, известно. И Людмила вываливает перед сыном всю подноготную. О лузерах-родителях, о выдуманном студенчестве, о криминальных дружках, наконец, об эскорте. Перетерпи, сыночек, и выкинь её из головы. Эта лгунья тебя не стоит.

– Что ты сделала?! Кто просил тебя соваться в мою жизнь?! – взвизгивается Влад. – Она ничего от меня не скрывала, я всё это знал. И я люблю её! А ты... тебя я больше не хочу видеть!

Парень вылетает вон, с силой хлопнув дверью. Людмила нервно ходит из угла в угол. Ничего, понадобятся деньги – придёт, куда денется. Звонит телефон. «Что-что? Повтори-

те, – просит Миладинова. И тут же с истошным визгом падает в кресло.

Умер Сергей Елисеевич Лиманов. Её единственный друг. Предположительный диагноз: сердечная недостаточность. Точный диагноз: её предательство.

Вам уже жарко? Но законы драматургии требуют наращивать градус. Поэтому – звонок в дверь. Сын одумался, мелькает в голове Людмилы. Но она ошибается, – на пороге стоят трое в форме. Старший держит ордер на арест гражданки Миладиновой.

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ. АЛЕКСЕЙ

...Флэшбэк закончен, возврат в сегодняшний день. Людмила, сдерживая дрожь, стрижёт ногти на мужской руке, исподтишка наблюдая за не узнавшим её Алексеем. Он и сам уже не тот, былой лоск сошёл, на баловня судьбы не тянет.

Вдруг он поднимает на неё глаза, рука нервно вздрагивает, и острые ножницы вонзаются в палец с перстнем.

Кровь, суэта, промывание ранки, пластырь – и вот уже Людмила с Алексеем стоят на улице и молча курят. Два немолодых подранка. Она понимает, что подвела его к банкротству. Он понимает, что втолкнул её в камеру. Они достаточно пострадали друг от друга, и нет нужды выяснять отношения и мстить. Квиты.

Дешёвое летнее кафе. Миладинова пьёт вино, Полуянов – водку, и они говорят, говорят, говорят.

Людмила рассказывает подробности уголовного дела, по которому её вместе с зампредами банка обвинили в организации преступной группы. Семь месяцев в СИЗО. Допросы за допросами. Куда перегоняли деньги, где Сокольский, с кем он крутил дела? Долго молчала, ждала помощи от Юлиана, он же наверняка отслеживал события, должен был нанять для неё сильного адвоката. Но нет, не помог. Нервы сдали, начала сотrudничать со следствием, сдала всех и всё, что знала, пусть

получает, сволоочь. Оценили, отпустили сперва под домашний арест, потом под подписку о невыезде, в конце концов, обвинение сняли.

Но на свободе Людмилу с нетерпением ожидали вкладчики. Был сильный наезд, пришлось раздать все свои денежные запасы, продать квартиру и загородный дом. Деловая репутация была угроблена, на работу в финансовой сфере выдан волчий билет. Она осталась без шансов и надежд. Связи, дружбы, романы, карьера, образ жизни, здоровье, красота – всё рассыпалось в прах.

Алексей в ответ описывает скандал, вызванный потерей денег его компании. Акционеры вышибли Полуянова вон, оставив на весь киношный мир. Блокбастер «Ваше Высокоодиночество», о котором он мечтал, накрылся. Долго бухал, с трудом вышел из ступора. Сейчас перебивается рекламными роликами по заказу российских производителей, раньше этот жанр называли «болты в томате». Живёт крайне скромно, из барских замашек остались лишь услуги чистильщика обуви, без этого ну никак, да ещё маникюр-педикюр.

Миладинова смеется: кто бы мог подумать, что их сведёт маникюр! Она разорвала все контакты, изменила номер телефона, ушла из социальных сетей, сняла «однушку». Маникюрша Нонна, как и обещала, обучила её своему ремеслу, и Людмила устроилась в салон подальше от глаз старых знакомых. Работа неожиданно её увлекла, сейчас она владеет новомодными техниками и считается классным специалистом. Зарабатывает неплохо – если сравнивать не с банкирами, а с другими маникюршами.

Они пьют и не могут наговориться. То неотрывно, цепко слушая друг друга, то внезапно перебивая: «а вот я...», «а вот у меня...». Весь горький опыт последних лет, всё то, что было пережито-передумано, но герметично заперто в мозгу и в сердце, травмируя их и разрушая, сейчас они выталкивают наружу. Надрезая незажившие нарывы, излечивают себя, и не надо стесняться слёз, глупостей, матерщины, идиотского смеха, пока вся эта лавина не затихнет сама собой.

Людмила с Алексеем сидят до темноты, официант просит закругляться, кафе закрывается. Не обменявшись телефонами, они прощаются, разъезжаются каждый к себе и укладываются спать, не думая, увидятся ли снова.

Но весь следующий день каждый спрашивает себя, хочет ли встречи. Людмила запрещает себе делать первый шаг. Алексей устанавливает контрольные три дня, к исходу которых эта женщина или испарится из его памяти, или... Но какие там три дня! Уже на следующее утро он является в салон со словами: «У меня ноготь на левом мизинце царапается». Она смеётся, и им ясно: начинается роман.

Оба не собираются брэнчать на нервах – ни своих, ни другого человека. Он не позвонил, хотя обещал; она не ответила на СМС; он не поставил ей лайк; она разговаривала не тем тоном; он не сказал, куда ходил вчера; она рассказывает всё так подробно, что вызывает подозрение... Эти щекотунчики уместны у юной нежной поросли; нашим же героям если уж входить в отношения, то во взрослые, отчётливые, взвешенные. И чтобы над этими отношениями не надо было упорно и тяжело работать, как советуют придурковатые семейные психологи. Либо сложится, либо нет.

Но, с другой стороны, есть специфические нюансы. Вот представьте: вы были состоятельным человеком, любили и умели красиво ухаживать за женщинами, водить их в дорогие рестораны, дарить бриллианты, кому-то – автомобиль, а кому-то – даже и квартиру, вам этот нравилось, вы высоко взлетали в глазах обихоженных вами дам, да и в своих глазах тоже. И вдруг – денег нет, испарились. Какой ресурс у вас остаётся? Вопрос.

Да и у дамы засада. Она тоже была персоной. И тоже дарила вам пусть не авто, но часы Hublot, или костюм, сшитый на Saville Row, оплачивала совместные туры за границу. Готовясь к встрече с вами, она полдня проводила в салоне, где её мазали, скребли, оборачивали, красили, причесывали, она всегда была в потрясном белье, модельно подбрита и подстрижена во всех нужных местах и пахла пьянящими духами. Чем все это заметить?

А вот вам ответ, он же выход из тупика. Беда, когда один из вас теряет свои прежние возможности, а другой сохраняет. Но наша история тем и оригинальна, что оба героя, обладавшие всем необходимым для красивой жизни, разом это утратили. Их социальные лифты одновременно грохнулись на дно шахты. Финансово они уравнины. Но надо как-то с этим жить, чтобы не свербело.

Людмила и Алексей придумали. И они устраивают по-своему увлекательную игру. «Извини, дорогая, лишен возможности подарить тебе браслет из белого золота» – «Не переживай, милый, ты же знаешь, я предпочитаю чешскую бижутерию». Они нашли заменители: букет тюльпанов, ужин в «Якитории» или в «Муму», по праздникам такси. Так рождается взаимопонимание.

Набравшись духа, Алексей решает шикануть и предлагает проплыть по Волго-Донскому каналу до некогда номенклатурного санатория, находившегося во времена оны в ведении 4-го главного управления Минздрава СССР. Новаторская идея с восторгом поддержана.

Полупустой храм здоровья встречает сердечно: просят предъявить паспорта и, не обнаружив брачного штампа, отказываются селить в один номер. Гости хохочут, – они и не собирались жить вместе. «В СССР секса нет», – заключает Людмила, и пара направляется в столовую. За один стол их всё-таки усаживают и классический набор – борщ, котлеты и компот – доставляют в подогретом состоянии.

Они с наслаждением погружаются в забытый старосоветский быт с его обязательными персонажами: хмурыми коридорными, официантками в крахмальных фартуках и кокошниках; строгой медсестрой, проверяющей грибок на ногах перед заходом в бассейн, массовиком-затейником, развлекающим отдыхающих бородатыми хохмами между ужином и отбоем... «Сокольскому здесь точно бы понравилось», – проверочно шутит Алексей, и по весёлой ответной реакции Людмилы понимает, что ей не больно.

Оба понимают, как важно для их отношений избавиться от тяжёлой памяти. Выжечь её калёным железом, растворить

в кислоте, выбить кованым молотом, стереть в порошок. Или вспомнить к месту классическую формулу о том, что человечество смеясь расстается со своим прошлым.

Полуянов решает, что пришло время смешных сплетен. И, прогуливая Людмилу перед сном, рассказывает, как вкладчики пытались разрулить кризис. Один пошел к силовикам: найти банкира, принять, надавить. Если надо, возбудиться. Если очень надо, упечь. Другой отправился к пограничникам: перекрыть границы, чтоб не смылся из страны даже через подземный ход. Третий обратился в коллекторное агентство: отследить, по каким каналам ушли деньги, и организовать их возвращение. Четвертый уповал на бандитов: каким угодно утюгом-паяльником заставить злодея вернуть бабло. Обсудили все возможности – от космической разведки до экстрасенсов.

И пролетели по всем позициям. Силовики объяснили, что такие вещи быстро не делаются, не те времена, приходится соблюдать процедуры. «Погранцы» вяло пообещали, но предупредили, что субъект может свалить через Белоруссию, а тут они помочь не сумеют. Коллектор вцепился двумя руками, попросил назвать конкретную сумму потерь, чего делать не хотелось, но пришлось; сумма впечатлила. Интереснее всех отреагировали бандиты: честно сказали, что такой заказ к ним уже поступил, и они позвонят, если что.

А дальше начался форменный дурдом. Обсуждая краеугольный вопрос «Что делать?», вкладчики постепенно съезжали к другому, не менее фундаментальному русскому вопросу. Ну, понятно, что виноват Юлиан, но он ли один? Или, точнее, один ли он? И привилегированные клиенты стали косо и даже как-то недобро поглядывать друг на друга.

Так возник раскол в плотных рядах мстителей. Впрочем, это было неизбежно, – нельзя ровным строем, распевая бодрые марши, идти отвоёвывать бабки. Вернее, можно, но до определенной черты. А дальше – каждому нужно забрать своё кровное, тогда товарищи по оружию становятся противниками. И остаётся, приглядываясь к тем, кто вместе с тобой вляпался в скверную

историю, втайне утешаться, что некоторые потеряли больше, чем ты.

Алексей рассказывает, пародируя заговорщиков и кривляясь, наподобие массовика-затейника. Людмила плачет от смеха, прикладывает к глазам насквозь мокрый платок. Драма превращается в фарс.

Они возвращаются с прогулки, проходят мимо бдительной коридорной к своим номерам, прощаются, смотрят друг на друга, в глазах вопрос, и...

Что «и», что «и»?! Если бы мы с вами снимали фильм, то встык к этому кадру непременно шла бы постельная сцена. Да вы её видели в кино множество раз: герой и героиня в состоянии сексуального исступления вваливаются в квартиру и, не успев закрыть за собой дверь, бросаются друг на друга. Он рвёт на ней платье и бельё, она стягивает с него пиджак. И вот уже их тела перекатываются друг через друга на полу возле кровати, а лучше прямо в коридоре, и мужчина даже не задумывается о том, что нежная женская попа экстатически бьется не об ортопедический матрас, а о паркетную доску или, что ещё брутальнее, о керамическую плитку.

Но у нас не кино, а проза жизни. Или жизнь в прозе. Поэтому давайте пофилософствуем, поумничаем. Конечно, можно на первом же свидании крепко поддать и сходу согрешить, и ты, читатель, независимо от пола, это делал и знаешь, что редко, но всё же бывает, когда скорострельный неряшливый блуд неожиданно для обеих сторон становится началом красивого, долгого чувства.

А бывают ситуации, когда что-то подсказывает тебе: не форсируй, не суетись, будь чутким и наблюдательным, этот человек может оказаться важным в твоей жизни. Но тут есть своя засада: можно привыкать друг к другу, учиться не замечать мешающие детали, готовить себя к тому моменту, когда близость случится не стихийно, по наитию, а что-то внутри подскажет: вот сейчас пора. Но стоит затянуть дело, и физическое влечение незаметно для вас преобразуется в товарищество, в дружеское расположение, и подглядывание за вырез платья утратит эротический смысл.

Если же всё сложится так, как оба желали, то, отдышавшись, вы посмотрите друг на друга, тепло разольется внутри, и кто-то из вас промурлычет: «Господи, как же хорошо...». И вам не зайдет в голову мысль: на кой черт всё это было нужно, теперь придется по возможности вежливо завершить. А не выйдет вежливо – и хрен с ним.

Но стоп. Право, автор становится смешон: стремится продемонстрировать вам глубокое понимание психологии интима, как будто вы без него всего этого не знаете. Впредь буду осматриватьнее.

Короче, Полуянов и Миладинова ведут себя чрезвычайно осторожно, бояться спугнуть судьбу. А она, то ли потешаясь над ними, то ли проводя их через совместные испытания, расставляет всё новые силки.

Каждый год в день рождения генерала Лиманова Людмила отправляется на Троекуровское кладбище. Приезжает пораньше, чтобы не встретить знакомых, идет к генеральской аллее, кладёт цветы, касается могильного камня, утирает слёзы и уезжает. На этот раз Алексей едет вместе с ней. Цветы, камень, слезы, – и вдруг окрик:

– Как ты посмела прийти к Сергею Елисеевичу?! Вон отсюда, убийца! Проклинаю тебя!

Вдова. Объясняться бессмысленно, остается ретироваться. Вслед летят оскорбления. Остановить истерику Людмилы невозможно никакими силами.

Желая отвлечь и подбодрить её, Полуянов достаёт билеты на премьеру спектакля, поставленного модным режиссёром в период его нахождения под домашним арестом. Миладинова, запретившая себе появляться в людных местах, на этот раз поддается уговорам. В театре аншлаг, и она с удовольствием вкушает забытую светскую жизнь. Но в антракте они нос к носу сталкиваются с теми, кого меньше всего хотели бы видеть. А именно – с двумя vip-вкладчиками приснопамятного банка «Экономный»: ушедшим в отставку префектом столичного административного округа и доньне действующим сенатором от морозного региона. Под ручку с ними – расфуфыренные жёны.

– О, какая приятная встреча! Не ожидал, не ожидал, – громко, нарочно привлекая внимание публики, расшаркивается Георгий Назарович Куницын. – Всё устроилось, госпожа Миладинова? Очень рад за вас. Тюрьма больше не грозит, можно тратить всё, что наворовано честным трудом, не так ли?

– Слушайте, вы, следите за языком! – пытается усмирить разошедшегося сенатора Алексей, а любознательные зрители уже взяли их компанию в плотное кольцо.

– Нет, это вы слушайте, господин продюсер! – переходит на крик Куницын. – Заступник нашёлся! Или вы заодно с этой воровкой?! Сладкая парочка!

Скандал что надо. Полуянов пытается оттолкнуть Куницына, но тот мужик крепкий, да и экс-префект приходит на защиту. Пока их растаскивают, Людмила в панике убегает из театра. Пишет Алексею эсэмэску: «Я прокажённая. Не ищи меня. Никого не хочу видеть».

Несколько дней Алексей ломает голову, как вытянуть её из депрессии. Способ есть: помирить с сыном. Владислав так и не простил ей историю с Ритой, ни разу не пришел на свидание в СИЗО, хотя наверняка знал, что произошло с матерью. Людмилу, в свой черёд, это обидело смертельно. Оба сожгли мосты, но Полуянов начинает искать переправу.

Ему удается раздобыть адрес Влада. Тот хамит с порога. Очень тянет заехать парню в табло, но Алексей Авдеевич держит себя в руках. Из комнаты выходит девушка. Не та ли, из-за которой случился разрыв?

– Рита, – представляется девушка, и становится ясно, что это она и есть. – Вы ведь продюсер? Я вас по телеку видела, только давно, вы Нику получали. Чай будете?

За чайной церемонией Полуянов долго и подробно рассказывает историю Миладиновой. «Бедная Людмила Вадимовна», – вздыхает Рита. «Может, напомнить, как она тебя отшила?» – ершится Влад, но видно, что в нём началась борьба. «Вы ведь, наверное, знаете, что мать учудила? – это он уже Алексею Авдеевичу. – Я потом Риту полгода не мог найти».

Полуянов оглядывает квартиру. Ничего не царапает глаз, всё аккуратно, со вкусом, хотя и без претензий. И сами ребята какие-то ладные, подходящие друг другу. Как же разбудить эти чёртовы сыновьи чувства?

– Ты должен увидеться с мамой, поговорить, – твердо заявляет Рита. – Я тоже пойду, мне надо ей кое-что передать.

Людмила не выходит из дома. На работе сказалась больной, телефон отключила, заперлась на все замки. Она пьяна, ходит от стены к стене, как загнанный зверь, и нешуточно думает о суициде. Выходит на балкон, – третий этаж, есть риск уцелеть и остаться калекой. Высыпает на стол таблетки, – не ясно, хватит ли на нужную дозу. Встает на стул, трогает люстру, – выдержит ли тяжесть тела? Открывает газовую духовку, пробует залезть в неё головой. Всё не то. Подсказка приходит из любимой Древней Греции. Миладинова включает воду в ванной, вынимает острый кухонный нож. Она знает, что резать вены нужно вдоль, а не поперек. Садится за стол писать записку.

В квартиру звонят. Потом стучат. Долго и сильно. Наконец, выламывают дверь. На пороге стоят Владислав и Рита, чуть сзади – Алексей. Правда же, эффектная сцена? Автор гордится собой, а тем временем Людмила молча обнимает сына с девушкой. Из ванной комнаты вытекает вода.

– Хочу вернуть вам долг, Людмила Вадимовна, – Рита протягивает конверт с логотипом банка «Экономный». Догадаться нетрудно: внутри пять тысяч евро. Те самые.

Фазенда Полуянова являет собой странное сооружение. Проезжая по Подмоскovie или иным пригородным районам, вы наверняка видели дома-недострои. В конце 90-х их было много, иной раз целыми поселками стояли. Набрала, к примеру, братва деньжат, начали строиться по-соседски, а их возьми да перестреляй. Участки оформлены, денег у родни нет, вот и красуются эти памятники весёлым годам.

Сейчас большинство замороженных объектов выкуплено и достроено, но кое-где полудома все же попадают. Кого-то кризис подломил, или ещё какие подарки судьбы, вроде того, какой она преподнесла Алексею Авдеевичу. И замечательно

задуманный особняк по Новорижскому шоссе, где не стыдно было бы принять Стивена Спилберга, Квентина Тарантино, да что там – самого Харви Вайнштейна, отпросись он на пару дней из узилища, – поднялся до второго этажа, да так и замер на полдороге, стыдливо прикрывшись временной крышей. Хотя мы-то с вами знаем, что нет ничего постоянного временного жилища.

Но первый этаж для жизни кое-как приспособлен. Свет, газ, вода имеются. Из окон природу видно, а также строительный вагончик, в котором проживает отец. После посещения обители порока Авдей Тимофеевич живенько перебрался в Москву и стал вести строительный надзор над бригадой молдаван.

Но этого его активной натуре было мало. Вскоре начались разговоры: дескать, я к земле привыкший, мне бы в огороде повозиться, а то овощи с зеленью приходится покупать на рынке, поди пойми, сколько там химии, да и цены такие, что денег не напасёшься.

Сын сперва эту тему обрывал – его особняку в стиле постмодерн только огорода не хватало! Батя, однако, давил все сильнее, и Алексей, решивший угробить идею на корню, установил плёночный парник и злорадно наблюдал, как Авдей Тимофеевич на корячках перемещается в пространстве пятиметровой длины и метровой высоты.

Коварный замысел сработал безотказно: сначала папу разбил радикулит, а потом порыв ветра снёс парник. Отца сразила глубокая депрессия, он скисал на глазах, и сердце любящего сына вместо планируемой радости испытало раскаянье и жалость.

Вскоре на месте парника стояла пирамида Лувра – роскошное сооружение из алюминиевого профиля и четырёхмиллиметрового стекла, оснащённое системой вентиляции воздуха. Называлось оно теплицей класса «премиум» и предназначалось для комфортного выращивания любых садово-огородных культур и даже устройства зимнего сада. Стоило это удовольствие бешеных денег.

И это была последнее крупное приобретение Полуянова-младшего перед тем, как крякнулся банк.

В недостроенный дом сын наезжал нечасто, а женщин вообще ни разу не приводил, поэтому, узнав, что будет гостя, возбуждённый Авдей Тимофеевич накрыл изобильный – по его разумению – стол.

– Всё своё едим, чистенькое, без пестицидов, а главное – бесплатно! – угощает он Людмилу доморощенной сельхозпродукцией.

– Ага, бесплатно, – шепчет Алексей, когда отче отходит нарвать редиски. – На деньги, закопанные на папином огороде, мы могли бы кормиться с рынка лет пятьдесят,

Миладиновой легко на душе, она не сводит глаз с Алексея, облакачивается на его плечо, кладёт ладонь ему на колено. И ещё демонстративно кокетничает с папой, который с удовольствием ей подыгрывает.

– Не заводи батюшку, – смеется Алексей. – В порыве страсти он опасен!

После обеда Авдей Тимофеевич собирается порыбачить, Людмила напрашивается с ним. К вечеру начинается ливень, и насквозь промокшие рыбаки бегут домой со своим мелким уловом. Полуяновы закутывают гостью в сухое одеяло, дают горячий чай и укладывают в комнату с кроватью – назвать её спальней было бы преувеличением.

За полночь Людмила просыпается. Из-за хлипкой стенки доносится разговор.

– Так всё-таки что у тебя с ней? – это голос папы.

– С ней у меня хорошие предчувствия. Пока это всё.

– Таковую женщину нельзя упустить. Она в курсе твоей истории?

– Ты о банке? Да, в курсе. Она тоже пострадавшая сторона.

– Обманутая вкладчица?

– Как сказать... Скорее, обманувшая. Шучу, проехали. В общем, мы с ней товарищи по несчастью. А общие несчастья сближают.

Отец уходит в свой вагончик. В доме наступает тишина. Алексей ворочается на раскладушке. В лунном свете возникает Людмила, завернувшаяся в одеяло.

– Рыбачка, ты почему не спишь?

– Да вот думаю. Несчастья сближают – а как именно?

Алексей встаёт с раскладушки. Людмила обнимает его. Одежда падает на пол.

Ну, вот и дождались мы с вами любовной сцены. Кто только и как только её не снимал! Можно было бы без проблем сложить её из лучших кадров мирового кино, как складывали мы образы героев, но хочется чего-то своеобразного... К примеру, вообще обойтись без описания эротических ласк и всего такого прочего. В конце концов, самый сексуальный женский наряд – закрытое чёрное платье в пол. Всё остальное домыслите самостоятельно.

А что касается Людмилы и Алексея, то они понимают страхи друг друга. Он боится мужского фиаско, случающегося после долгого одиночества. Она боится разочаровать его, обнажившись. Поэтому они долго стоят посреди пустого полудома, обнявшись и впуская друг в друга тепло. Порадуемся за них; право же, они это заслужили.

С глазами, полными солнечных лучей, Людмила впархивает в салон. Улыбаясь преображению маникюриши, парикмахер Аноп Саркисович сообщает, что её спрашивал какой-то плохо подстриженный и вообще довольно противный тип, да вон он на скамейке сидит. Ничего себе встреча: полковник Вострышев, в былые времена шеф службы безопасности банка. Он передаёт Людмиле номер, по которому её просят позвонить. Это телефон Юлиана Юрьевича Сокольского. Людмила наотрез отказывается и просит Вострышева больше её не беспокоить. Но душевное равновесие, обретённое всего несколько дней назад, нарушено.

На следующий день на её рабочем столике лежит конверт. В нём авиабилет до Вены на завтра и обратный билет с открытой датой, а также бронь отеля. Людмила на распутье. Её пугает возврат к прошлому, но интуиция подсказывает лететь. Хотя бы для того, чтобы плюнуть в лицо подставившему её человеку, некогда близкому и дорогому. Она звонит Алексею и сообщает, что улетает на трёхдневные курсы – осваивать новейшую маникюрную технологию.

Утром садится в такси. Куда ехать? Шереметьево – 2.

ЧЕТВЁРТАЯ СЕРИЯ. ЮЛИАН

Портье с усами и манерами Габсбургов распахивает дверь такси, и Людмила входит в отель. Конечно же, это «Захер», её любимая гостиница в центре Вены, рядом со знаменитой оперой и художественным музеем «Альбертина». Хитрый Сокольский знал, что заказать, даже съют тот же самый, где они несколько раз останавливались, прибывая на мнимые переговоры с мнимыми же партнёрами.

В номере Людмилу встречает шампанское в серебряном ведёрке и большой букет лилий, экран телевизора приветствует фрау Миладинову. Доставивший чемодан портье открывает бутылку, гостя усаживается с бокалом в кресло и распечатывает оставленный ей конверт. Билет в пятый ряд партера на сегодняшнюю «Травиату», карта «Райффайзенбанка» и две тысячи евро наличными. Ни открыток, ни записок; значит, встреча будет внезапной. Ладно, сволочь, погоди, – и Людмила мстительно обдумывает дифирамбы, предназначенными иуде Юлиану.

Приняв душ, рассматривает себя в зеркале. Прямо скажем, не блеск. Признаки трудной жизни не смываются с лица гелями и пенками. Миладинова крутит в пальцах банковскую карточку и усмехается, вспомнив, как знакомая полька говорила о претендентах на её благосклонность: «Пройдусь с ним, посмотрю, какой он броский». – «Что значит броский?». – «Ну, как бросается деньгами».

И вот она фланирует по готично-барочному центру Вены, от собора святого Стефана по улице Грабен, мимо фонтанов святого же Леопольда и опять-таки святого Иосифа, сворачивает на грешную улицу Кольмаркт, где теснятся бутики мировых брендов. Этот маршрут Людмиле известен и исхожен; она неторопливо, со вкусом, всё пересмотрев и перемерив, покупает где колье, где туфли, где сумку, где плащ...

Число фирменных пакетов прибавляется, и пропорционально им улучшается настроение. В меховом бутике продавец подает Миладиновой роскошную шубу, зеркало требует: «Бери немедленно!». Ценник, правда, куда как напряжный; вряд ли

Сокольский столько положил на карточку. Ну, броский ты или по-прежнему жмот?

Оплата проходит без проблем, шубу укладывают в пакет, приятно озадаченную Людмилу провожают до дверей. В соседнем магазине она примеряет вечернее платье, – в венскую оперу не пойдёшь абы в чём.

И вот она в новом туалете, на лучшем месте, почти за спиной дирижёра, млеет под музыку Верди. Кресла рядом заняты солидными французскими туристами, – данке шён Сокольскому, догадался не испортить «Травиату» своим присутствием.

День удался, будет приятно завершить его на первом этаже отеля, в кафе «Захер», где подают её любимый одноименный торт, – шоколадно-джемовое объединение. С ним чудесно сочетаются бокал шампанского и австрийский меланж-эспрессо со вспененным молоком. Людмила входит в кафе. Несмотря на поздний час, свободных мест нет.

– Гутен абенд, фрау Миладинова, – слышит она за спиной, и сердце падает. Началось.

Столик Сокольского уже сервирован: шампанское в ведёрке, два торта, кофе принесут горячим. Всё-таки испортил вечер. И ведь хорошо выглядит, сука.

– Место встречи изменить нельзя, – Юлиан Юрьевич усаживает Людмилу.

– Да уж, место выбрано с умом: на людях я не смогу разбить тебе морду.

– Замечательное платье. Надеюсь, и шуба достойна хозяйки. И вообще шопинг удался.

– Ну, конечно, ты уже посмотрел распечатку с карты. Кто бы сомневался.

– Орднунг ист орднунг, порядок есть порядок. Будем пить за встречу?

Ночь. Площадь у собора святого Стефана. Редкие прохожие с интересом поглядывают, как светская дама в вечернем наряде завывает по-бабьи (хотя откуда бы им знать, как завывают русские бабы?), для красоты перемешивая на лице слёзы с тушью и помадой и ритмично повторяя, видимо, сакральные слова со

звучными окончаниями. Не понимая текста, они, тем не менее, догадываются, что фрау разъяряет герру, кто он такой на самом деле. Нам же с вами смысл её доклада исчерпывающе ясен, и пересказывать его – только зря переводить бумагу.

Тот, к кому обращен монолог, предусмотрительно не перечит, а, опустивши очи долу, дожидается, пока слёзная жидкость удалит из женского организма вещества, образующиеся при нервном перенапряжении. И когда красноглазая, шмыгающая носом Людмила устало плюхается на бортик фонтана святого Леопольда, из которого в пятнадцатом веке зачерпывали воду для тушения пожаров, Сокольский предлагает ей залить ещё шипящие угли превосходным абрикосовым шнапсом из бронзовой фляжки. Всё предвидит Юлиан Юрьевич, как и то, что отказа выпить со стороны дамы не последует. Теперь через паузу можно начать ответную речь.

Он не хотел обваливать банк, разорять клиентов, и, конечно же, не хотел подставлять её. Понимал, что строит пирамиду, выводил деньги за рубеж, размещал их на номерных счетах, вкладывал в ликвидные активы, зная, что рано или поздно придется передать всё это добро тем, кто контролировал контору. Втихаря собирался сформировать что-то вроде страхового фонда для самых близких ему людей, но не успел, команда закрывать лавочку пришла раньше, чем он ожидал. Ему ультимативно запретили кому-либо помогать, и первым номером – Людмиле. Нарушение запрета каралось бы высшей мерой, эти люди сантименты не разводят.

Он никогда не рассказывал ей о закулисной истории «Экономного», не хотел посвящать в тёмные схемы, но она же не могла не догадываться, что у банка существует «крыша», которая приводит в качестве клиентов серьёзных людей, в том числе бандюков. А банкир сначала радуется, потирает руки, чмокает губами, пока не поймёт, что рулит уже не он, – рулят им. И тогда он выполняет все предписания крыши. Бесится, но слово молвить поперёк не смеет, потому что элементарно боится за себя и близких.

За день до того, как банк лишили лицензии, Юлиан Юрьевич слинял из России. А дальше – перебежки: Англия, Израиль,

США, теперь вот Австрия... Крыша забрала почти все деньги, ему оставили гораздо меньше, чем он рассчитывал. Правда, кое-что кое-где он всё-таки припрятал. Если бы не эта увесистая заначка, было бы кисло. Российское имущество арестовали. С помощью адвокатов удалось приостановить международный розыск, зато живущая в Швейцарии жена подала на развод и оттяпала половину официального остатка.

Бесконечные расходы и неудачные финансовые операции поглотили столько, что на жизнь в Лондоне или Нью-Йорке уже не хватало, так что он бросил якорь в Австрии. Тоже не дешево, но терпимо. Зато успокоился, наконец, привёл в порядок разболтанные нервы, поправил здоровье, и теперь хочет просто жить, как обычный европеец. Без помпы, пафоса и понтов. По формуле, которую приписывают Абрамовичу: «Много – это когда хватает».

– Осваиваю местный менталитет, это нетрудно. Поскольку по степени жадности я не уступаю здешней публике, легко схожу за своего.

Шутка не прошла. В голосе Людмилы – холод.

– И что тебе нужно от меня?

Вопрос ожидаем, ответ заранее готов.

– От тебя мне нужна ты.

«Но зачем?» – спросим мы шепотом Юлиана Юрьевича, поскольку нам с вами это тоже интересно. Ведь три года назад, помнится, он покидал Миладинову с облегчением. Никому не нужен лишний груз. А проблем с женщинами он не предвидел, уж на это личного обаяния и денег было в достатке.

И всё шло путём: модельные агентства, эскорт от разных листерманов – пожиже, чем в Москве, хотя в разы дороже. Потом затратные тёлки наскучили, к тому же финансы запели романсы, начал заводить отношения эконом-класса; несколько раз дело доходило до гостевых браков, а с киевлянкой из Тель-Авива – аж до ведения совместного хозяйства.

По инерции он посещал разные тусовки, где без огонька во взоре знакомился с соотечественницами. Выставки живописных полотен, устроенные их авторшами – дамами, которые внезапно

открыли в себе художественные дарования. Русское караоке, где он неизменно срывал аплодисменты у хмельных посетительниц за исполнение магомаевской «Королевы красоты», лепсовского «Водопада» и на десерт синатровского «My way».

От скуки, а заодно чтобы не потерять квалификацию, Юлиан Юрьевич навещался в универмаги, где в достаточном количестве, хотя и в неважном качестве, были выставлены продавщицы из бывшего Союза, которые, слегка поломавшись, принимали приглашения отужинать в аутентичных ресторациях «Тарас и бульба» и «Чаю хана», чудом избежавших мишленовских рейтингов.

Короче говоря, мелкаячеистые сети у Сокольского были представлены во многих культурных местах, и он периодически обходил заводы. Пока в одно прекрасное утро, отправив восвояси очередной несвежий морепродукт, вдруг не почувствовал такую невыносимую жалость к себе, что его аж стошнило. А когда отдышался, накатила злость. Сколько ещё ты, нестарый, небедный и неглупый мужик, будешь искать удачи на городских свалках? Врубись же, в конце концов: твоей женщины там просто-напросто нет!

И вот тогда он вспомнил Людмилу.

Вспомнил – и изумился тому, что не думал о ней раньше. Вернее, время от времени думал, но не на предмет возврата к прежним отношениям. А тут вдруг спросил себя: почему нет? Что, если именно её легкий характер и острый ум, её пронизательность и такт, её милые повадки и колкий юмор он подсознательно искал все эти годы и ни в ком не находил? Конечно, Сокольский со слов Вострышева знал про маникюр, про Полуянова, а также то, что она по-прежнему хорошо выглядит и держит фасон. Юлиан Юрьевич вспомнил её, сердце приятно стукнуло, и сомнения отпали.

Но ведь она считает его изменником, врагом, виновным во всех её бедах. Факты налицо, и что им противопоставить? Ясно, что: деньги. Вернее, то, что деньги могут обеспечить. Уж кто-кто, а Юлиан Юрьевич помнит, как ей был важен статус, уровень жизни и разные лакшери-штучки. Она привыкла, что

ей завидуют; ревнивая злость, исходящая от других женщин, доставляла ей радость, а этот сладкий вкус незабываем. Сейчас она его лишена. Так вот, он ей всё вернёт.

Теперь вам понятно, какая цель движет Юлианом Юрьевичем в романтическом центре ночной Вены? Речь свою он многократно прокрутил в голове, убрал длинноты и высокопарные обороты, усилил интонации раскаянья и нотки искренности. Но нам с вами наслаждаться его монологом нет нужды, довольно одной сути.

А суть такова. Он предлагает Людмиле остаться с ним. Знает, что виноват перед ней, но ведь и она его сдала со всеми потрохами, он читал протоколы допросов. Однако, он не держит обиды, по-прежнему любит её и хочет быть вместе, а на достойную жизнь возможностей хватит. Не нужно скорого ответа, сначала пусть поживёт несколько дней в своё удовольствие. Кстати, на карточке денег для этого достаточно.

Сокольский отводит Миладинову в отель. Завтра после обеда он заедет за ней, и они отправятся на дружескую вечеринку. Дивная природа, милые люди, ей понравится.

За четыре часа дороги глаз Людмилы вдоволь отдохнул на горных альпийских пейзажах, на зелёных равнинах с пасущимися бурёнками, которых язык не поворачивается обозвать крупным рогатым скотом, на пряничных домиках австрийских деревень, и вот уже автомобиль прошивает несколько тоннелей, и слева открывается вид на озеро, по-немецки – «zee». А значит, место назначения под названием Вольфгангзее уже близко. Сокольский весело, под тирольские напевы из плеера, гонит свою «Ауди».

Пока был банкиром, признавал только две марки – «Мерседес» и «Лексус», а тут пересел на сарай, как называют в Москве хэтчбэк, и косит под бюргера. Пока Миладинова раздумывает, подколоть ли Юлиана ещё и на эту тему или хватит с него её злых дорожных шуточек, автомобиль вкатывается во двор деревянной гостиницы, стоящей на самом берегу.

Сокольский тактично селится вообще на другом этаже. Встреча через полтора часа внизу, в ресторане. А пока Людмила, попивая бордовый цвайгельт, любитесь роскошным видом:

в оконной раме, как в обрамлении картины, видны воды озера, а над ними – гора в полный рост со снегом на макушке. Думает, не набрать ли Алексея. Нет, не сейчас.

Ресторан обставлен просто и безыскусно, тут главный дизайнер – природа. Еда в металлических лотках обильна и вкусна; никаких вам консомэ с пашотом, всё австрийское, от венского шницеля до венского же штруделя. И не просите граппы с текилой, берите шнапсы любых сортов, от грушевого до макового, да ещё превосходные местные вина.

Но Миладиновой интересна не выпивка с закуской, а публика. Гости русскоговорящие, из Москвы и Ашхабада, Киева и Алма-Аты, Баку и Кишинёва, в основном каждой твари по паре, но есть и пары смешанные, где муж – австриец, а жена «понаехавшая». Смешения обратного порядка, то бишь нашенский мужичок с ихней фрау, не наблюдается, и знающие люди говорят, что таких комбинаций в природе вообще не существует. Сокольского здесь все знают и Людмилу оценивают с нескрываемым интересом. Языкового барьера нет, все в компании держатся на равных, обнимаются и острят, а сколько у кого бабла зашито в подкладке, до этого никому дела нет. По крайней мере, в данное время.

– Представьте меня вашей даме, Юлиан Юрьевич, – от этого голоса Миладинова столбенеет. Георгий Назарович Куницын собственной персоной. Весь такой австрийский, в кожаной жилетке. Не дожидаясь реакции, он берёт Людмилу под руку и отводит в сторону.

– Людмила Вадимовна, я знаю, что вы на меня сердиты. Но поверьте, всё, что произошло в театре, – это инсценировка. Грубая, хамская, но необходимая. Не держите зла. Я всегда относился к вам с симпатией, и очень рад, что вы снова с Юлианом Юрьевичем. Он очень по вам тосковал, но что поделать – выполнял предписание.

– Какое ещё предписание? – начинает приходить в себя Людмила.

– Простое, Людмила Вадимовна, очень простое: штыринг и свалинг.

Стоп. Тем из читателей, кто пролистывал нашу историю с пятое на десятое, этот жаргонный оборот ничего не скажет. А вот люди внимательные наверняка запомнили, из чьих уст его слышали. Да-да, голос за кадром, обладатель которого выкручивал руки Юлиану Юрьевичу перед лишением банковской лицензии. А это означает, что сенатор от морозного региона Куницын и есть тот самый куратор, которого автор не раскрыл вам ранее исключительно из желания растянуть интригу. Ну, а теперь, как говорится, маски сорваны.

Людимила возвращается к Юлиану, ожидающему её на веранде над вечерним озером.

– Что он тут делает?

– Я не знал, что он будет. Иногда приезжает по делам. И отдохнуть заодно.

– Кто он вообще такой? Отвечай, или я сейчас такое тут устрою!

– Хорошо, не шуми. Он – главный. Ты поняла? «Крыша».

Да, она поняла. Всё, что случилось с банком, с ней, с Алексеем, – все это он, лицемерная старая сволочь. И это он убил генерала Лиманова!

Миладинова отворачивается и спускается к озеру. Сокольский возвращается в ресторан, идет к барной стойке, выпивает стопку шнапса.

– Зачем ты её вызвал? – возникает рядом всевидящий Куницын. – Забыл про наш договор?

– Срок договора давно истёк. И вообще, надо было увезти её ещё тогда, это ничему бы не помешало, зато её бы спасло. Если бы не вы...

– Не я, дружок, уж мне-то не ври! Ты даже возражать не стал, сдал свою девку с потрохами.

– Да, правда, так и было. Тогда. А сейчас я хочу, чтобы она осталась со мной. И будет именно так, ты понял? Не советую мне мешать, сильно пожалеешь!

Юлиана бьёт нервная дрожь. Куницын удивленно и как-то по-новому смотрит на Сокольского. Если уж он перескочил на «ты», значит, всё серьёзно. Загнанный в угол противник опасен,

не будем усугублять. Впрочем, пусть поступает как хочет, теперь это уже не имеет значения. Просто удвоим контроль.

– Совет да любовь! – лыбится сенатор и взмахом руки переводит в глотку шнапс.

Всю обратную дорогу Миладинова молчит, Сокольский тоже ведёт машину молча, даже музыку ни разу не включил. И только когда они въезжают в Вену, прерывает бесконечную паузу. Просит еще раз обдумать его предложение. Людмила берёт сутки на размышление и, когда Сокольский уезжает, набирает московский номер.

Минул день. В оговорённое время Юлиан Юрьевич приходит за ответом. Дверь ему открывает Алексей Полуянов.

Если бы мы снимали кино, эта сцена выглядела бы примерно так. Алексей втаскивает Юлиана в номер и начинает его валтузить. Людмила выскакивает наружу, захлопывает за собой дверь. В Юлиане просыпается вековая ненависть богача к грабителю, и вот противники уже бьются на равных. Людмила змеино улыбается в коридоре, слыша грохот внутри. Остановившейся уборщице с тележкой жестом объясняет: ничего страшного, проезжайте, потом они все оплатят.

Но какой смысл мечтать о кино, денег-то на него нет, поэтому обставим все по-другому. Ни Полуянов, ни Сокольский драться не умеют, и сцена мордобоя выглядела бы комично и унижительно для обоих героев. Итак, Юлиан звонит в номер, Алексей открывает.

– Та-ак. Этого я не исключал, – не дрогнув, говорит Сокольский. – Как долетели, Алексей Авдеевич? Не нужна ли помощь?

– Нужна, Юлиан Юрьевич. В особо крупном размере.

Пока оставившая мужчин Людмила ждет в баре окончания саммита, Алексей требует вернуть его деньги, иначе он организует проворовавшемуся банкиру весёлую жизнь: зашлёт к нему мстительных вкладчиков, устроит возобновление розыска через Интерпол. Но противника нелегко запугать, на любые атаки у него есть контригра с участием адвокатов и телохранителей. Хотя он понимает, что угрозы Полуянова – не пустой звук. К

тому же, кроме острого денежного интереса, налицо ещё один: вдуть Сокольскому на глазах своей дамы, а это неслабая мотивация. Так что лучше договориться. И Юлиан предлагает пакт: Алексей оставляет ему Людмилу, а взамен получает свой вклад в полном объёме.

– Но на проценты не рассчитывайте. – Сокольский не был бы собой, если бы не отжал копеечку.

– Любовь дороже денег? Вы ли это, Юлиан Юрьевич?

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашей парторганизации.

Алексей спускается в бар, целует Людмилу, садится рядом.

– Сражение временно приостановлено.

– И?

– Противник предложил обмен военнопленными.

– И?

– Я сказал, неплохо бы узнать мнение самих пленных.

Утро следующего дня. Его рука свисает с кровати, Людмила по привычке смотрит на ногти. Открывает несессер, осторожно берёт руку Алексея, тот что-то бурчит, но не просыпается. Вчера они ничего не обсуждали, весело бродили по городу, уплетали жареные сосиски со шнапсом. И каждый думал о своём.

Людмила медленно водит пилочкой по ногтю, – это её последний и самый дорогой клиент. Сегодня она проводит Алексея на рейс до Москвы, скажет, что слетает на несколько дней в Испанию, погреемся у моря, но никуда не полетит. И пока он ещё будет в воздухе, напишет ему эсэмэску. Короткую и ясную. В ней не будет слова «прости», прощать её не требуется, она никого не предаёт, напротив – приводит действие к разумному финалу. Но обязательно будет слово «спасибо».

Она ему действительно благодарна. За то, что вернул к жизни. Что дал почувствовать себя женщиной. Любимой, любящей, защищённой. Что вновь соединил с сыном. И, наконец, что передал решение ей, «военнопленной». Нечего лукавить: если бы Алексей послал Юлиана вместе с его обменом, он не оставил бы Людмиле выбора. Но он не послал. Потому что готов выбрать деньги, они вернут ему будущее, без которого самолю-

бивому мужчине жить не вмоготу. Однако, при этом в её, да и в своих глазах он предпочитает остаться благородным человеком. Что ж, это она ему может пообещать.

Миладинова видит тот самый шрам на безымянном пальце, тихонько целует его. Жаль, до сердечного спазма жаль, что всё у них заканчивается, едва начавшись. Чересчур короткое счастье, можно сказать, на один вдох. Но захоти они его продлить, что бы их ожидало? Не стоит врать себе: на рывок они не способны. Нет ресурсов, не от чего оттолкнуться, да и время поджимает. Оба смирились с тем, что уже не поднимутся. Остаётся тихий, мирный союз в режиме дожития. Вот только мирный ли – это вопрос.

Отказавшись от пакта Сокольского, каждый из них начнёт беситься от того, что упустил шанс, как говорят картёжники, сломать масть. И нарастающее раздражение шарахнет тупым топором по тонкой материи на букву «л». Поэтому Людмила всё решит сама – с молчаливого согласия сторон и к обоюдной выгоде. И уж точно проследит, чтобы Сокольский выполнил всё, что он там наобещал Алексею.

Но что ждёт её с Юлианом? Судя по всему, он готов отдать за неё большие деньги. Ей-богу, смешно: в бедности произошла её капитализация. Можно кривиться, называть это выкупом, сделкой, но, как ни крути, это – жест. Жест мужчины, который не предлагает женщине выбор, а приносит ради неё жертву. Неужели за долгие годы она в нем чего-то не разглядела? Или он в самом деле изменился? Как бы то ни было, ей приятно, даже лестно. Конечно, душевного трепета Людмила не ждёт, но в целом альянс может сложиться, родство душ восстановится. И до чего же хорошо, что не надо будет бояться злого взгляда и худого слова!

Как сказано в знаменитой книге – правда, совсем по другому поводу, – она не заслужила света, она заслужила покой.

Скоро Алексей проснётся, Людмила нырнёт к нему под одеяло. Потом они позавтракают и поедут в аэропорт Швехат. Он помашет ей рукой, она ответит и подумает: хорошо бы им больше никогда не встречаться. По дороге назад запишется в

модный салон на Кертнер штрассе, к самой дорогой венской мастерице – наверняка русской или украинке, лучше них никто вам не сделает маникюр.

Признайтесь, вы ждали хэппи-энда и теперь разочарованы? Но разве такой финал не счастливый? Каждый остался с тем, что ему важнее и нужнее. И потом – кто сказал, что это конец? Автор в силах много чего ещё придумать. Можно с теми же героями, можно добавить новых. И получится то, что киношники называют словом «сиквел».

Заключительные кадры напоминают первоначальные. Лёгкие и умелые руки обрабатывают ногти, полируют, шлифуют, покрывают лаком... Камера ведёт панораму от тонких пальцев до лица клиентки – Людмилы Миладиновой. Сквозь полужакрытые глаза она замечает, как с недоброй завистью посматривает на неё маникюрша-хохлушка, и на губах появляется довольная улыбка.

Финальные титры.

Виктор ПЕРЕГУДОВ

Виктор Степанович Перегудов – прозаик, поэт. Родился в 1949 году в селе Песковатка на Дону, там был тогда колхоз «Волна революции». Служил в армии, окончил в 1975 году филологический факультет Воронежского университета. Работал в центральной печати, книжных издательствах, общественно-политических структурах, органах власти. Издавался в России и в странах Европы.

Автор десяти книг прозы и поэзии, лауреат Национальной литературной премии за книгу «Сад золотой».

Живёт в Москве.

Я ЭТО ВСЁ ОБДУМАЮ ПОТОМ...

ВИДЕНИЕ

На пляжный берег море катит
Серо-зелёные валы.
Украденное ветром платье
Летит к подножию скалы.

За ним веселая деваха
Бежит, и резкий смех её
Подхвачен ветром и с размаха
На набережную унесён.

И кажется, что оцутимо
Дрожит прибрежная скала,
И катятся друг друга мимо
Огромных тентов купола.

Шторм затихает ближе к ночи,
Но вздыбленные облака
И мнёт, и месит, и ворочает
Невидимая нам рука.

Средь них, лохматых и громадных,
Одно пушинкою летит
Гляди: в рубахе домотканой
Старик седой на нём сидит.

Его завидев, сердца трепет
Прервёт господство тишины –
Как бы зелёной ветки лепет,
Как бы солёный стон волны.

ДИВНАЯ СТРАНА

Ночью не спится, а днём поплывёшь
В дивную эту страну.
Все здесь живые. Ты всех узнаёшь,
Внемля доверчиво сну.

Все здесь понятны. В рисунке черты
Каждой проявлен здесь лик
Тёмной иль светлой свободной души.
Видеть её не привык

Ты беззащитной, как видишь сейчас
В дерзком своём забытьи.
Мёртвые души. Неслышимый крик.
Вечные души мои.

ДЕТИ В ГРОЗУ

Прекрасны предзнаменования
Великолепнейшей грозы –
Предветренное замиранье
И длинные дождя усы.

Они свисают с края тучи
И завиваются в жгуты,
Их нити ветер рвёт могучий,
И, очарован, смотришь ты

Как змейкой белой огонь небесный
Черкнёт по лицам облаков –
И в небе делается тесно
От громоздящихся громов.

И вспыхнет вдруг над головою
Слепящих молний белый жгут.
Господь гуляет на просторе
И дети от грозы бегут.

ЕСТЬ МЫ ИЛИ НЕТ

Июнь. Окно. Щебечут птицы.
Сияет полная луна.
В бескрайнем небе не боится
С востока двигаться она

На запад встречь ночному ветру,
Что в небе холодит следы
Заката. В час ночной, но светлый
День с ночью не разделены.

В свеченьи неба колдовского
Их третий обручает час
На радость племени людскому,
Хотя, конечно, не для нас.

Играет свадьба неземная,
Купает землю лунный свет.
Всего скорей, они не знают,
На свете есть мы или нет.

СИЯНИЕ

Со светом смешивать пространство,
С объёмом цвет объединить –
Искусство живописи странно
На полотне умеет жить.

Пейзаж и дикий, и неважный,
Приевшийся до скукоты:
Кусты, что на краю овражном,
Как жемчуга, увидишь ты.

Но в предвкушении порядка
Подстриженных алей и клумб
Чьему-то взору был бы сладок
Резной беседки дачной куб.

И в линию штакетник ровный,
И пирамида из песка,
И жёлтая в траве зелёной
Одна забытая доска.

Порядок непременно нужен,
Но в нём изъян: свободы нет
Чертежной строгостью наружной
Здесь как в каркас простор одет.

А нужно, чтобы на картине,
И в жизни, чтобы были там
Росы алмазной колкий иней
И небо с ветром пополам.

От глубины оврага тайной
Чтобы захватывало дух,
Чтобы по воздуху летал там
Метельный тополиный пух,

Чтоб, буйству этому внимая,
Кисть сотворила подвиг свой.
Весна. Гроза. Начало мая.
Цветущий гром над головой.

В СЕТИ

Сеть тащит нас, как рыб из глубины,
На мелкие прогретые места.
И мы сопротивляться не должны.
Ведь жизнь в сети проста.

Вот котики, наивны и милы.
Пейзаж. Великолепнейший портрет.
А вот на снимке молодые мы.
Иных уж нет.

Вот кто-то, не сдержавшись, закричит
От боли дней.
И сеть ему в ответ не промолчит –
Известно ей:

Всего полезней для здоровья нам
Целительный покой.
Дели печали с сетью пополам,
Друг сетевой.

Ты знаешь: жизнь в сети всегда ясна.
Вот про цветы, про радость, вот про грусть.
Соскучившись, как в утро после сна
Сюда вернусь.

Но вырвусь, отвергая плен сети,
Едва бесповоротно я пойму,
Что, может быть, пришла пора уйти.
На глубину.

Всей нашей стаей, в светлой глубине.
Мы дружно поплывём, товарищ мой,
По жизни, так необходимой всем.
Согрев её собой.

ЖИТЬ

Я днём уснул. И вот видений рой
В нелепой связке в сон больной ворвался
Мне ясно слышен был предсмертный вой,
И смертный хрип, но я не испугался

Ведь мне ещё и голос нежный был.
Я слышал. Видел. Женщина присела
Ко мне. Я тут же лампу потушил.
Ведь женщина меня любить хотела,

Казалось мне. Во сне сменился вид
В единый миг. Легко. Необъяснимо:
Окно палаты. А за ним летит
Колибри, но не пролетает мимо,

А в воздухе волшебю трепеща,
Как бы хрустальной призмы блик спектральный,
Колибри в страхе скорого дождя
Танцует. Ей грозит финал летальный.

В больнице для колибри места нет,
А грозювые тучи нависают
Над городом. Всего ещё момент!
Ещё секунда, и тогда ударит,

И ослепит небесное копьё
Насельников палат и процедурных.
Ударило! Разбило забытьё!
Мне стало хорошо. А было дурно.

А молнии блистали за окном
Как бы рисуя в небе карту Волги.
Я это всё обдумую потом,
Когда меня оставит сон недолгий.

ЛУНА ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ

В вечерней синеве небес
Летят неспешно облака,
Грядями движутся за лес,
Закат там красит им бока.

Мерцает первая звезда
Меж ними искрой ледяной,
Там, где восток, она видна,
Не споря с новою луной.

Затихли птицы час назад,
Но слышен дальний поезд стал.
Обыденное видит взгляд:
Такси, киоск, пути, вокзал,

Обрыв перрона, семафор,
У кассы женщина стоит...
Уехал он. Она одна
Составу долго вслед глядит

И комкает платок она
Как бы впадая в забытьё,
И одинокая луна
В глазах троится у неё.

ПОЕДИНОК

Вдруг солнце спину обольёт,
Когда порывом детским движим,
Рубаху сбросив и бельё,
Стоишь в закате медно-рыжем.

В тоннеле солнечного света
Один на просеке лесной.
Октябрьским лесом незаметно
Крадётся холод за тобой.

По пояс гол, в волненье странном
Глядишь ты, голову задрав,
Как кружат кроны древ в пространстве,
Забыв про корни в гуще трав.

Между землёй и поднебесьем
Живёт в тот миг твоя душа,
Где белый ангел с чёрным бесом
Друг друга яростно крушат.

Сожмётся сердце жуткой болью,
Ты вскрикнешь, мукой ослеплён,
Но дать тебе последней воли
Ещё не пожелает Он.

В лесу стремительно темнеет,
И слышен слитный ветра гон,
И дождь холодный тело греет,
И ты спасён.

БЫЛ МНЕ СОН...

Был мне сон: я бегу по траве,
По широкому дивному полю,
Чуб волной на моей голове:
Я почувствовал вольную волю!

Шмель отстал, а головки цветов
Ветер клонит с размаху на стеблях.
И до края земли я готов
Добежать. Я умею! Я верю!

Я ведь парень довольно большой:
Семь годов мне исполнится скоро!
С этих лет повзрослевшей душой
Не люблю я пустых разговоров.

Ни отец не указ мне, ни мать
Да и где он, отец разудалый...
Так мне хочется полем бежать,
За судьбой, за удачей, за славой!

В сладкой дрёме я слышу слова
Милой мамы: «Усни, бога ради.
Беспокойная ты голова,
Спи, родимый. Набегался за день.

Я пораньше тебя подниму,
Лишь управится с ночью рассвет,
Спишь ли, нет ли, никак не пойму». ...Я проснулся. Мне семьдесят лет.

Алексей БЕКЛЕМЫШЕВ

Алексей Сергеевич Беклемышев – прозаик, драматург. Родился в 1981 году в г. Волгодонске. Учился в Санкт-Петербургском университете кино и ТВ и киношколе Александра Митты в Москве. Работал актёром в московском драматическом театре «Сопричастность» и ведущим гороскопа в программе «Доброе утро» на Первом канале. С 2006 года и по настоящее время научный сотрудник, экскурсовод, драматург музея-театра «Булгаковский дом». Член МГО Союза писателей России с 2016 года. Печатался в московских журналах. Издано несколько книг очерков, повестей, пьес и рассказов. Лауреат Булгаковской премии «Рукописи не горят». Живёт в Москве.

ПИСЬМО ИЗ АРГЕНТИНЫ

Рассказ

Я никогда не знал своего родного дяди по папиной линии, и поэтому когда узнал о его кончине, то кроме как переживаний относительно его похорон и продажи своей квартиры, в которой он проживал последние двадцать четыре года, у меня ничего не возникло. Так случилось, сразу после смерти папы объявился его родной брат, приехавший в Волгодонск из Пермского края, откуда папа и был родом. Как он нашёл наше родовое гнездо в небольшом Волгодонске и через соседей узнал адрес проживания мамы, которую вместе с другими близкими давно переехали в Москву, история умалчивает. Но выяснилось, что дядя инвалид и жить ему было негде и не с кем, и поэтому мама тогда приезжала из Москвы в Волгодонск, чтобы прописать его в нашей квартире и нанять сиделку, которую мы оплачивали все эти годы, и которая сообщила о его смерти. Меня сей факт всегда очень удивлял и мне думается, что однажды я всё-таки напишу об этом пьесу. Как сорокапятилетняя женщина, двадцать четыре года просидела с незнакомцем, которого даже папа видел только в раннем детстве. Мы уехали из родного города через несколько месяцев после смерти отца, мне тогда было пятнадцать лет, и после этого я был в нём всего лишь однажды, когда нужно было оформить кое-какие документы на квартиру, которую мы решили не продавать. Мне предстояло поехать в Волгодонск, похоронить брата папы, поблагодарить сиделку за двадцатичетырехлетнюю работу, прибрать квартиру, выставить на продажу, закрыть её и уехать. Маме уже было почти семьдесят лет, жила она на даче возле Серпухова, и о её участии в этом печальном событии речи быть не могло, да и не было смысла. Сентябрь в этом году выдался довольно-таки холодным и несмотря на то, что Волгодонск – это достаточно южный город, по приезде в него я не снял московской куртки

и сразу же на автовокзале (здание с великолепными часами в виде мирного атома, которое сразу вернуло меня в дальнейшее детство) я купил зонтик. Мне было немного за сорок, и когда я сел в такси и поехал в сторону родного дома, то пытался сосчитать в голове, сколько лет я не был тут. Получилось, что двадцать четыре года, не считая двухдневного приезда лет двадцать назад для оформления документов на квартиру. Я был возбуждён возвращением в детство, и несмотря на то, что ехал я на похороны, мне было как-то уютно и хорошо узнавать старые улочки родного, тихого и такого близкого сердцу города. Таксист, мужчина в кожаном берете и свитере «а-ля Хемингуэй», закурил сигарету и предложил мне.

– Не курите?

– Нет, спасибо.

(Я курил только иногда в каких-нибудь исключительных случаях)

– Не против?

Не знаю, зачем он это спросил, потому что он уже прикурил сигарету.

– Не против, – сказал я, смотря по сторонам и с трепетом в сердце узнавал знакомые памятники и переулки.

– Из Москвы?

– Ага, – подтвердил я, смотря то вправо, то влево, как бы отыскивая знакомых.

– Как там Москва?

– Да нормально, Москва как Москва.

– На отдых?

– На похороны, – сказал я так обычно и повседневно, как само собой разумеющееся, что мне самому стало не по себе от этой интонации.

– Соболезную.

– Спасибо.

Мы приехали к моему дому, моему девятиэтажному плиточному дому бежевого цвета, в котором и прошло моё детство, формирование моих ценностей, моя юность и первые её мечты, моё взросление и разочарование в нём. Квартира была на пятом

этаже. Эти пять этажей длиною в целую жизнь стали для меня неким осенним марафоном (лифтом я никогда не пользовался), с этапами пути, на первом этаже которого были дерзкая молодость с плодами театрального творчества и большой духовной и плотской любви, на втором обретение семьи и своего как бы призвания, (призвания литературного конечно же), на третьем я оставил где-то возле лифта свою жену и несколько сумок с прогнившими разочарованиями и пустыми бутылками от алкоголя, на четвёртом я ничего не оставил, а лишь забрал одну очаровательную особу вместе с собачкой, а на пятом...

На свой родной пятый этаж я пришел без всего этого, но с укрепившимся убеждением, что я состоялся и в профессии, и в личной жизни, и во всём том, что можно назвать успехом.

Похороны прошли очень быстро и без каких-либо накладок. Гроб не открывали, на похоронах была сиделка, которой совсем недавно исполнилось семьдесят лет, выглядела она при этом хорошо, очень даже хорошо, но в её взгляде было что-то таинственное, загадочное, было полное ощущение, что она что-то знает такое, о чём никогда и никому не скажет. Впрочем, меня это не очень сильно волновало. Был, соответственно, я и двое мужчин пожилого возраста, которые держались особняком и иногда искоса поглядывали на меня. Кто они были, я так и не узнал, да и особо не стремился к этому. Лишь когда опускали гроб в землю, сиделка подошла ко мне и как-то спокойно сказала:

– Двадцать четыре года мы молчали.

– То есть как?

– За двадцать четыре года мы не проронили ни слова.

– Вы шутите? Как такое возможно?

– Он всегда смотрел телевизор и разгадывал кроссворды. Он не любил всякие разговоры о чём-либо. Не любил. Я привыкла к этому и тоже стала молчать.

– Ну, о чём-то же вы иногда говорили?

– Да, один раз он сказал, что омлет с помидорами я готовлю хуже, чем его жена. Впрочем, он был прав. Я совершенно не умею готовить очень простые блюда.

Она перекрестилась, я тоже. Начался небольшой дождь, и мы потихоньку пошли в сторону выхода. Я шёл и думал о том, что сейчас мы похоронили брата моего папы, родного, казалось бы, человека, а в душе было почему-то пусто, и меня это пугало. Не было ни чувства вины, ни сожалений о том, что я не узнал его при жизни, вообще ничего не было, и я с этим не мог ничего поделывать. (Смерть папы я переживаю до сих пор, хотя после его ухода прошло очень много лет.)

Мы с Лидией Никитичной (так звали сиделку) доехали на такси до нашей квартиры. В квартире всё давно было совсем по-другому. От детства и юности не осталось и следа. Немного помянув дядю, мы стали заниматься документами на квартиру и вещами, из которых следовало бы большинство выкинуть, а что-то оставить ей, той женщине, которая двадцать четыре года молча готовила ему еду и меняла памперсы, выслушивая при этом абсолютную тишину (возможно, это и было благодарностью за её труды). Перебирая разные вещи, мы что-то откладывали на выброс, а что-то – в дар Лидии Никитичне. Мне лично хотелось бы избавиться абсолютно от всего, что было в квартире, и в таком виде выставить её на продажу.

– Знаете что, забирайте всё, я оплачу расходы на грузовое такси.

– Хорошо, тут ещё какие-то его документы, – она достала коробочку с разными фотографиями, на которых я никого не знал, и всякими его документами, старыми сломанными наручными часами, какими-то значками, пропитанными пылью. Я чихнул. Она стала что-то перебирать там и зачитывать вслух. И вдруг она взяла в руки конверт, который лежал в этой же пожелтевшей от времени коробочке, и, сдунув с него слой пыли, прочитала вслух мое имя и фамилию. Я вздрогнул.

– Это вам? – спросила она как-то насторожённо и подозрительно.

Я растерялся и пожал плечами.

– Мне...

– Здесь по-английски вроде.

Поправив очки, она медленно прочитала:

– Аргентина. Это точно вам?

– Какая ещё Аргентина? Вряд ли...

Она протянула мне конверт. Он не был вскрыт, письмо было в нём. Я боялся, что он развалится в моих руках от сухости, но на конверте чётко была видна печать почты Аргентины, города Буэнос-Айреса и моё имя, фамилия и адрес этой квартиры. Лидия Никитична с любопытством смотрела на меня и явно ждала моих комментариев, но я не знал, что сказать, потому что не понимал, что за конверт, адресованный мне, лежал в моих руках.

– Там написано, от кого? – спросила она.

– Да, сейчас.

Я стал читать от кого письмо. Было написано по-испански, что письмо из Буэнос-Айреса, далее указана была улица, дом, квартира и имя María Manuel. Какое-то мгновение я находился как призрак в Лондонском тумане, растворяясь во Вселенной ничего не понимая, и тут как будто большой перочинный нож мне вонзили в спину по самую рукоятку. Мне стало не по себе, и я стал учащённо дышать.

– Что случилось? От кого письмо-то? Как оно оказалось в его документах?

– Письмо для меня...

Всё, что мог я выдать из себя.

Уладив все документы на квартиру и выставив её на продажу в местном агентстве недвижимости, распрощавшись с Лидией Никитичной, я засобиравшись в Москву. В общей сложности я пробыл в Волгодонске четыре дня, и всё это время я ночевал в гостинице, потому что в родной квартире была совсем чужая энергетика, и это так ясно ощущалось, что мне временами становилось не по себе. А теперь к самому главному. То, что разделило мою жизнь на «до» и «после». Наполнило её новым смыслом и в то же самое время это «то» забрало этот смысл и выкинуло в какой-то океан, судя по всему, Атлантический. Было полное ощущение, что кто-то вонзил в меня иглу времени, и теперь каждый стук моего сердца наполнялся чем-то непостижимым

и в то же время прекрасным и чудесным, и навсегда ушедшим от меня. Письмо из Аргентины.

Конверт я распечатал и прочитал уже в гостинице, в тот самый престранный вечер в моей жизни, который на машине времени перекинул меня на двадцать четыре года назад. В середине девяностых годов прошлого столетия по центральному телевидению шёл самый популярный телевизионный сериал про аргентинских школьников, и назывался он что-то вроде «Чудесные годы», где в около ста сериях были показаны приключения одноклассников одной школы Буэнос-Айреса или его пригорода. Приходя из школы, я старался не пропускать ни одной серии этого, как теперь думаю, очень нехитрого сериала и внимательно следил за происходящими событиями аргентинских восьмиклассников. Серия за серией увлекала меня всё больше и больше, и уносило меня по ту сторону экрана не только в положенное время по телепрограмме, но и в часы глубокого сна, когда многие персонажи, став мне как бы друзьями, приходили со своими школьными и юношескими проблемами в мир моего взросления и понимания этой жизни. И однажды случилось неожиданное и прекрасное несчастье, чудесная трагедия: я влюбился в одну их главных героинь этого фильма по имени María Manuel. Да, да, пусть это покажется сейчас смешно, ведь многие мальчишки влюблялись в киногероинь, а девчонки в кинозвёзд, но я влюбился тогда по-настоящему, я влюбился в первый раз в жизни. Это не значит, что с моими реальными одноклассниками у меня что-то не ладилось, и я был белой вороной. Возможно, даже наоборот, меня любили и уважали в классе хотя бы за то, что я писал пьесы и рассказы про наш класс и про каждого в отдельности, но всё же мне казалось, что я про них ничего не знал, а про моих сверстников из далекого Буэнос-Айреса я знал всё. Я знал наизусть все песни из этого сериала, и сердце моё начинало биться учащённее, когда в начале каждой серии пела Мария. Никто, ни один человек тогда не знал о моей любви, лишь иногда в школе я мог как бы невзначай заговорить с одноклассниками о моло-

дѣжных сериалах и поинтересоваться, кто что смотрит, но, как выяснилось, никто из них не смотрел «Чудесные годы». У нас дома тогда висела политическая карта мира, и я смотрел на то расстояние, которое разделяло меня с Марией, и понимал, что никогда и никак её я не увижу, и продолжал тихо любить всё сильнее и сильнее. Она почти каждый вечер смотрела на меня с голубого телеэкрана то с грустной улыбкой, то с невероятным и ставшим таким родным смехом, то просто молчала, а на переднем плане выясняли свои отношения её партнеры по сериалу. Однажды я проснулся ночью счастливым от того, что она пришла ко мне в сон и, нежно улыбаясь, сказала большое спасибо за любовь, которая невозможна, и за мои такие искренние и светлые чувства. Сказала и поцеловала меня, слегка коснувшись краешка губ. Больше уснуть я не смог. Так продолжалось бы ещё долго, пока мне в голову не пришла одна дерзкая и даже, наверное, наглая мысль. Написать ей письмо. Понимая, что это почти невозможно. Да нет, не почти, просто невозможно. Но я написал. Дело в том, что после каждой серии шли титры, и их раньше, как сейчас, не прерывали рекламой, и можно было за несколько секунд рассмотреть адрес киностудии в Буэнос-Айресе, на которой и снимался этот сериал. Что я и сделал благополучно в течение трёх дней, по три секунды записывал адрес телестудии вместе с индексом. На испанском языке, конечно же. И вот, купив в книжном магазине русско-испанский словарь, я в один волнительный, самый волнительный вечер моей юности, стал писать письмо в Аргентину. Письмо для Maria Manuel. Сейчас я, конечно, не вспомню точно, о чём писал тогда ей, помню лишь, что это были самые настоящие и самые глубокие слова любви, той любви, которая, наверное, бывает только раз в жизни. Помню хорошо, что вложил в конверт свою фотографию, на которой мне уже исполнилось четырнадцать лет и скоро исполнится пятнадцать, и семена садовой розы, которые можно посадить в любой горшочек на балконе или где-нибудь у себя на даче. Почта у нас была прямо во дворе дома и, перекрестив конверт, я бросил его в большой железный почтовый ящик синего цвета,

конверт с аргентинским адресом и для актрисы Maria Manuel. И началось болезненное ожидание ответа, который, как мне казалось, конечно же, никогда не придёт. Шли дни, недели, месяцы, и я летел со школы домой, чтобы в случае письма опередить родителей и первым его увидеть в нашем почтовом ящике. Но, кроме «Вечернего Волгодонска», там ничего не было. Больше двух месяцев я ждал и жил этим ожиданием, а потом просто перестал ждать. Никто так и не узнал об этой истории, которая раной отпечаталась на моём сердце и вскоре очень быстро забылась, как и всё то, что вызывало одновременно трепет и боль, отчаяние и счастье. После того как умер папа, мы практически сразу переехали в Москву. Он уходил тяжело, и нам всем хотелось сменить всё и начать жизнь с чистого листа, чтобы дальше можно было бы иногда, но просто так радоваться жизни. И вот прошло двадцать четыре года, я давно работал старшим научным сотрудником в Литературном музее Москвы и журналистом. За это время вышло много моих научных трудов, а также девять книг моих повестей, пьес и рассказов, купить которые можно было в любом крупном книжном издательстве или на моих лекциях в музее по хорошей цене. Когда ставили в различных театрах страны спектакли по моим пьесам, я иногда выезжал на премьеры и заключал договора на авторские права и прочее. Был однажды женат, и потом моя личная жизнь была под большим кодовым замком, ключ от которого вместе с кодом хранился только у меня, и никто не знал о ней. Скажем так, мне жилось спокойно, счастливо и самодостаточно. Как мне казалось. И вот с письмом из Аргентины, которое, вероятнее всего, пришло месяца через два после нашего переезда в Москву двадцать четыре года назад, я ехал в гостиницу переночевать ещё одну ночь и собирался утром уехать домой в столицу, где меня ждала семья и работа. Уже в номере гостиницы я положил конверт на стол и долго смотрел на него. Все эти годы исчезли в один миг, растворились в небытие, и я вернулся в свои неполные пятнадцать, а точнее, четырнадцать лет и мои глаза на мгновение увлажнились. Я боялся открывать его. Не знаю, почему. Боялся того,

что затаившийся вулкан первой и самой настоящей любви лишь на какие-то смехотворные годы затаился, чтобы однажды взорваться и уничтожить всё живое, что ещё было в моём сердце от недавних историй самой обычной любви. Ведь всё-таки она получила от меня письмо, тогда, в далеком 1996 году. Она, юная звезда аргентинского кино, девочка, которую любили миллионы мальчишек и в которую влюбился странный мальчик из далёкой России, написала ответ. Это было невероятное чувство, описать которое невозможно никакими словами; наверное, такое чувство бывает только раз в жизни, когда через годы, через всю жизнь, держишь в руках конверт, наполненный невероятной любовью и моими слезами, которые в тот вечер впервые текли не останавливаясь всё то время, пока я сначала держал конверт, а потом всё-таки его распечатал. Был уютный вечер за окном, приятная прохлада ворвалась в окно, когда я его открыл, и несколько мотыльков грелись возле настольной лампы зелёного цвета. Из конверта выпали несколько фотографий María Manuel и само письмо, и кстати, вопреки моим ожиданиям, оно не было пожелтевшим от времени, в отличие от самого конверта, и от него не пахло чем-то старым. Если бы я не знал про даты, которые разделяли меня с этим конвертом, то я подумал бы, что оно было написано на прошлой неделе. Из фотографий смотрела на меня юная красавица, которой сейчас должно было быть лет столько, сколько и мне, и улыбалась она так красиво и кокетливо, что мне поскорее захотелось прочитать письмо и узнать, что она мне написала двадцать четыре года назад. Я открыл в телефоне интернет-переводчик, настроил на испанский язык и, конечно, неточным переводом вот что у меня получилось.

ПИСЬМО

Здравствуй, дорогой Алёша! Мне безумно (очень) приятно (не точный перевод в этом месте) получить от тебя письмо и цветы, которые я уже посадила в своём доме и садовая роза мой любимый цветок! Это моё первое письмо из далекой России

(Мне много пишут писем, но все они из Аргентины), а от этого оно самое ценное и я очень много раз его перечитывала перед сном, и каждый раз поэтому, благодаря тебе, мне снились очень красивые сны, наполненные чем-то чудесным и прекрасным. (Я мало сплю сейчас из-за многочисленных съёмок и выступлений на эстраде). Ты мне очень понравился (нравишься) на фотографии. Ты стал моей маленькой тайной. Таких слов любви мне никто и никогда не говорил, и я уверена, что однажды, через много лет ты станешь писателем, а я буду твоя главная поклонница и первая читательница! А теперь о самом главном! Совсем скоро, а именно в сентябре, мы будем впервые с нашим танцевальном (и театральным) коллективом на гастролях в Москве! В «Олимпийском» будут проходить дни культуры Аргентины в России с 26 сентября по 3 октября, и мы сможем встретиться, и ты мне расскажешь о России. Жить мы будем в гостинице «Космос». Билеты на одно из наших выступлений я, конечно, тебе сделаю! Прилетим мы утром 24 сентября, и я предлагаю ровно в 19:00 по вашему (Московскому) времени, встретиться в холле на первом этаже гостиницы. Я буду в красном платье, и ты меня, надеюсь, сразу узнаешь! Maria Maniel.

P.S. Мария (далее красным фломастером и красной краской нарисовано сердечко) Алёша. До встречи.

18 июля 1996 год.

Подпись.

Вот такое письмо.

Я схватился за голову и попытался взять себя в руки. Потом ещё раз взял письмо, ещё раз взял фотографию и закурил сигарету прямо в номере. Получалось по датам, что письмо, скорее всего, пришло через месяц после нашего отъезда в Москву, и в сентябре 1996 года, после девятого класса школы в Волгодонске, я уже пошел учиться на первый курс Московского колледжа культуры. А значит, спокойно мог 24 сентября с ней встретиться, тогда, двадцать четыре года назад. Я не могу описать то, что со мной произошло в тот вечер в гостинице, ко-

торая носила имя родного города. Всё потеряло смысл. Вообще всё, чем я жил и чего добился за эти двадцать четыре года. Они просто в минуту обесценились и канули в Лету. Как будто кто-то собрал все эти годы, и все мои написанные книги, все мои успехи и неудачи на всех работах, да и всё моё окружение вместе со всей моей личной жизнью, личной, гражданской, общественной, публичной жизнью, и этот кто-то все это вместе со всем, что было еще у меня, выбросил в мусоропровод. Господи, если бы вернуться в то лето 1996 года и дожидаться письма из Аргентины... Всего лишь месяц пробыть ещё в Волгодонске, и жизнь моя случилась бы другой, по-другому, всё было бы по-другому, если бы тогда я встретился с María Manuel. Конечно, в эпоху цифрового мира, сегодня такая история просто была бы невозможной, но я не нашел её ни в одной социальной сети, и лишь в одном поисковике была информация о ней, что она перестала сниматься в кино уже давно и занимается в Буэнос-Айресе танцами и вокалом и что ей сейчас 42 года. Одну фотографию в интернете её нынешней я всё-таки нашел и, конечно, сразу её узнал. Хоть и прошло столько лет, она оставалась по-прежнему невероятно красивой и стройной, а её загадочный взгляд, кокетливая и такая нежная улыбка стали ещё привлекательнее и чудеснее. Я сохранил её к себе в телефон. Больше о ней я ничего не знал, кроме того адреса, с которого пришло письмо двадцать четыре года назад. В Москву я вернулся совершенно другим человеком и, по иронии судьбы, вернулся 24 сентября. В тот самый день, в который двадцать четыре года назад, в гостинице «Космос» на ВДНХ, в 19:00 меня ждала та, которую однажды я полюбил, как полюбил Владимир Высоцкий французскую актрису Марину Влади, увидев её также на экране в фильме по рассказу Александра Куприна «Олеся» – «Колдунья». Я поехал на ВДНХ в «Космос», чтобы постоять в холле гостиницы, где когда-то меня ждала юная звезда из Буэнос-Айреса. Холл «Космоса» оказался довольно просторным и таким ещё советским, но в очень хорошем виде. Прямо от входа стояли различные туристы в очереди к администраторам и оформлялись на проживание. На ресепшене было несколько

молодых людей, девушек и парней в специальной и фирменной одежде гостиницы, над ними висели пять больших часов, на которых можно было узнать время Пекина, Нью-Йорка, Парижа, Берлина и Москвы. По правую и левую стороны были различные рестораны и кафе, а лестницы, ведущие на второй этаж, приглашали на выставку работ различных художников. В дальних левом и правом углах находились лифты, которые увозили и привозили гостей столицы на разные этажи, вплоть до 25-го. «Космос» была построена в 1979 году для приёма гостей, которые ожидалась в Москве на Играх XXII Олимпиады. Я сел за свободный столик ближайшего кафе и, заказав себе кофе, с волнением смотрел по сторонам. У меня было полное ощущение, что сейчас, невообразимым чудом, меня перебросят в этот же день и в это же время, в 1996 год, и выйдет юная девочка в красном платье, с кокетливой улыбкой, невероятно красивыми глазами и я, четырнадцатилетний паренёк, крепко обниму её и поцелую прямо в шею, а она, как тогда, во сне, поцелует меня в краешек губ... И я стану действительно счастливым и совсем другим Алексеем, которого не узнал бы никто из моих теперешних друзей и товарищей по работе, которых и вовсе бы просто не случилось в моей жизни, и я пошёл бы совершенно по другому пути. Возле меня остановился мужчина лет тридцати, в парадном костюме, в руках у него была табличка – «Международный форум птицеводов “Бройлер и Яйцо”». Я улыбнулся. К нему стали подходить различные приглашенные гости в костюмах и официальных одеждах и что-то горячо обсуждать. С другой стороны из лифта вышли китайцы с китайским флажком у ведущего группы и направились к выходу. Жизнь шла своим чередом, а на часах Нью-Йорка показывало почти 12 часов дня и, следовательно, Москвы – 19:00. То самое время, в которое Maria Manuel пришла в этот холл двадцать четыре года назад, чтобы познакомиться с тем, кем она мне и напророчила в своём письме, московским писателем и членом Союза. Ровно в 19:00, как только я оглянулся на часы ресепшена и повернулся обратно к столику, чтобы сделать ещё один глоток своего американо, холодный ужас охватил меня

на мгновение. Напротив меня, откуда не возьмись, сидел и читал газету седовласый мужчина, лет шестидесяти пяти, ну максимум семидесяти, в каком-то старомодном английском костюме клетчатого цвета и пенсне. Что примечательно, газета его была то ли на английском, то ли ещё на каком языке, я сразу не успел рассмотреть. Он не был сильно худым, но и склонным к полноте его тоже было трудно назвать. Он достал из кармана золотые часы на цепочке, на которых был изображён какой-то военный (я не успел внимательно рассмотреть), и лёгким движением, с каким-то особенным шармом открыл их. Я так и не понял, откуда и когда он мог появиться, ведь я отвернулся на какие-то доли секунд.

– 19:00, – сказал он, глядя на часы, потом на меня, абсолютно спокойным голосом.

– Да, спасибо, вероятно мои немного отстают, и поэтому я посмотрел на часы ресепшена.

– Иногда для того, чтобы увидеть точное время, достаточно поднять взгляд или опустить его у самого края.

Я не понял, что означала эта его фраза, и поэтому просто глупо улыбнулся и сделал глоток кофе.

– Новость читали в завтрашней газете?

– В какой, простите?

– В завтрашней!

Он показал на газете завтрашнее число.

– Простите, но нет. Не имею такой возможности – покупать завтрашние газеты.

– Я сейчас работаю писателем в русском представительстве крупного английского издания и поэтому иногда, не всегда, конечно, могу читать завтрашние газеты.

– Любопытно.

– Да, очень. Вы будете ещё кофе?

– Да, спасибо, я закажу себе сам.

– Не стоит беспокоиться.

Он мягко улыбнулся, и это сразу расположило к себе.

– Девушка, здравствуйте – обратился он к официантке, – будьте добры два кофе... Вы какой предпочитаете?

– Американо.

– Два американо... Так вот, в завтрашней газете есть любопытная новость, достойная моего и вашего внимания.

Он развернул газету и начал читать.

– 2 июля в 1955 году пропеллерный самолёт DC-4 вылетел из Нью-Йорка и направился в Майами, следуя по маршруту 914. На его борту было четыре члена экипажа и до 60 пассажиров. Первые минуты в воздухе прошли нормально. Но где-то через 30 минут полёта произошло что-то необъяснимое, и борт таинственным образом исчез с радаров. Диспетчеры потеряли связь с пилотами DC-4. Самолёт, который должен был 2 июля в 9:55 приземлиться во Флориде, будто испарился. Сразу появилась версия о том, что воздушное судно потерпело крушение. Но выглядела она маловероятно, так как борт находился в исправном состоянии. Может, ошибка пилотов привела к трагедии? Спасатели развернули масштабную поисковую спасательную операцию. Они тщательно осмотрели все предполагаемые места крушения самолёта, но следов борта не обнаружили. Поисковая операция длилась около 18 месяцев. После чего американские власти пришли к выводу, что самолёт упал в океан. Поэтому его обломков не удалось найти. Поиски прекратились. Родственникам пассажиров и членов экипажа борта DC-4 авиакомпания выплатила денежные компенсации. Постепенно об этом инциденте все стали забывать. Но в 1992 году растворившийся в небе самолёт снова напомнил о себе.

Официантка, совсем юная девушка принесла нам кофе и приветливо улыбнулась.

– Спасибо большое, – сказал он и повернулся ко мне.

– Вам интересно, что было дальше?

– Да, конечно!

Он продолжил читать.

– Но в 1992 году растворившийся в небе самолёт напомнил о себе. 21 мая 1992 года был обычным рабочим днём. Служащие венесуэльского аэропорта в Каракасе занимались привычными делами. Вдруг на радарх дежурный диспетчер по имени Хуан Де Ла Корте заметил самолёт устаревшей мо-

дели, нарушивший воздушное пространство страны. Он сразу же решил связаться по радиии с пилотами неизвестного борта. Слова, которые диспетчер услышал в ответ, повергли в шок всех сотрудников аэропорта. Голос лётчика был взволнован. Он доложил, что следует согласно утверждённому рейсу 914, у него в салоне 57 человек, а также 4 члена команды. Пилот тут же задал вопрос «Где мы?». После этого в диспетчерской застыла тишина. Многие из служащих аэропорта знали историю об исчезнувшем борте, хотя с тех пор прошло уже 37 лет. Они не могли поверить своим глазам, но отдали приказ подготовить посадочную полосу. Самолёт вскоре приземлился, как при обычной штатной ситуации.

Он отложил газету и сделал глоток кофе.

– Как вам?

– Очень интересно. Я бы сказал – невероятно. Это, может быть, какая-то легенда?

– Я про кофе.

– А да, простите, кофе великолепен.

– Тогда я дочитаю эту новость.

Он снова взял газету и продолжил. Официантка, как мне показалось, на мгновение приостановилась возле нашего столика и немного подслушала то, о чём читал мой случайный собеседник.

– Диспетчеры, немного успокоившись, снова связались с пилотами загадочного борта. Они сообщили, что самолёт сел в Каракасе, видимо отклонившись от курса. По радиии раздался голос одного из лётчиков: «Что это, чёрт побери?!». Такую реакцию у пилотов вызвал реактивный самолёт, стоявший на площадке рядом с ними. Похоже, что ранее они ничего подобного не видели. Дата приземления, 21 мая 1992 года, их удивила еще больше. По радиии отчётливо можно было услышать, как лётчики стали ещё больше нервничать и чаще дышать. Диспетчеры попробовали успокоить экипаж борта, поздравив с удачной посадкой и сказав, что к ним уже подъезжает наземная бригада. Но паника в кабине самолёта лишь усилилась. Пилоты утверждали, что по плану они должны приземлиться в Майами

2 июля 1955 года. Лётчики поверить не могли в то, что провели в воздухе 37 лет. Увидев приближающихся к самолёту людей, один из пилотов открыл своё окно и стал размахивать какими-то бумагами. Своими жестами он пытался показать, чтобы к борту никто не приближался. Очевидцы успели разглядеть пассажиров чартерного борта, которые выглядывали в иллюминаторы. По их лицам было видно, что они не понимают происходящего и сильно напуганы. Пока пилот размахивал документами, из них вылетел календарь за 1955 год, который позже был найден на взлётной полосе служащими аэропорта. Его приобщили к делу об исчезнувшем борте в качестве вещественного доказательства. Другой пилот сообщил по радию, что готовится к взлёту. Буквально через пару минут судно поднялось в небо и исчезло. Больше его никто не видел.

Он отложил газету, открыл крышку своих золотых часов на цепочке, внимательно посмотрел на время, сделал ещё один глоток кофе и обратился ко мне.

– Верите ли вы, что в завтрашней газете написана абсолютная правда?

– Вы знаете, я бы мечтал сейчас попасть на такой рейс.

– Вам необходимо в Каракас или Майами?

– Нет, мне необходимо в Буэнос-Айрес, но только двадцать четыре года назад.

Он пристально и внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Как бы вам объяснить, – продолжил я уже более эмоционально, – или наоборот! Я бы сейчас остался сидеть здесь, на этом же самом месте, но только двадцать четыре года назад. Понимаете? В это же самое время! Такое возможно?

Он снова ничего не сказал, но по всему его виду было понятно, что он знает некую истину и сейчас не хочет мне о ней рассказать.

– Как вас зовут?

Он сделал еще один глоток кофе, поставил чашку на стол и позвал официантку, но сейчас он обратился к ней по имени.

– Машенька, счёт, пожалуйста.

Затем он обратился снова ко мне.

– Называть вы можете меня мистер Адамс, впрочем, сейчас это не имеет никакого значения.

Подошла официантка по имени Маша и только сейчас я узнал в ней ЕЁ. Это было какое-то сумасшествие. В моих глазах стало немного всё расплываться, но я узнал её, это была она, Maria Manuel. Всё что я успел запомнить, растворяясь во всепоглощающем тумане, это то, что она сказала мне:

– Напиши мне письмо.

...Я очнулся в какой-то неизвестной мне комнате, когда лучи раннего осеннего солнца щекотали моё обнажённое тело. Я обернулся в испуге по сторонам, и, слава Богу, в комнате кроме меня никого не было, потом я дошёл до душевой кабины и внимательно осмотрел её и всю комнату, смутно вспоминая вчерашний вечер. Я был в номере гостиницы, и, судя по всему, это был «Космос». Подойдя к окну и открыв его, я окончательно в этом убедился, увидев памятник Шарлю де Голлю, музей Космонавтики и Останкинскую телебашню. Примерно я был в номере на пятом или шестом этаже. Я смутно пытался вспомнить вчерашний вечер и чем закончился разговор с неизвестным, но так ничего и не припомнил. Когда я принял душ, оделся и спустился к холлу чтобы выпить кофе в том самом кафе, оно оказалось закрытым. Я подошел к охраннику и уже хотел спросить про кафе, как он, улыбаясь, спросил у меня:

– Ну что, живой?

– Я вас не понимаю.

– Ну, после вчерашнего?

– Чего вчерашнего?

– Ну, я вас тащил до номера. Не помните?

Мне стало невероятно стыдно, я ничего не помнил.

– Расскажите, что случилось, просто я приехал с похорон...

– Вы вчера пришли в гостиницу к семи вечера и были уже, мягко говоря, не трезвы, потом оплатили себе номер и заказали бутылку виски в нашем ресторане, – он показал на то самое место, где я вчера сидел.

– Я был один за столом?

– Во всяком случае, когда вы упали из-за стола, тащил я вас один.

– Вы знаете всех работников этого ресторана?

– Да, а что?

– Официантка Маша, работает у вас тут?

– Официантка Маша? Нет, такую не припомню, а что?

– Нет, ничего.

Я пожал ему руку и в ладонь положил пятитысячную купюру.

– Спасибо вам!

– Это вам спасибо, – сказал я и вышел из «Космоса».

Было приятное прохладное осеннее утро, и жёлтые листья нежно шуршали у подножия Шарля де Голля. Постояв немного у его памятника и думая о чём-то очень дальнем, я вспомнил слова Maria Manuel, сказанные мне в забытьи, и вскоре отправился домой чтобы написать ей рукописное письмо и отправить по тому адресу, который и был указан в её письме ко мне, и вместе с письмом отправить в Аргентину всё то доброе, настоящее, чистое, вечное, что ещё было во мне, и навсегда освободиться от этой истории.

Несколько дней я собирался с мыслями и готовился к написанию заветного и самого главного письма в своей жизни.

Однажды дома, когда я остался один, я открыл форточку, впустив осеннюю свежесть в свою комнату, и сел за свой письменный стол. Я положил перед собой фотографии Maria Manuel и, сделав глоток крепкого кофе, принялся писать письмо в Аргентину. Я тогда думал, что это займёт минут пятнадцать-двадцать, а закончил я его писать лишь к утру, сославшись родным на очень важную научную работу и закрывшись в своём кабинете. Я путешествовал во времени и всё больше и больше возвращался в свою юность, когда я полюбил самую прекрасную девушку из Латинской Америки. В письме я подробно написал причину своего отсутствия двадцать четыре года назад в «Космосе» и почему не написал ответ тогда, когда она его ждала от меня, как я, каждый день, с волнением заглядывая в свой почтовый ящик. Написал, что совершенно случайно её

письмо оказалось в моих руках через столько лет, и оно только лишь подтвердило мои самые искренние и чистые чувства к этой волшебной девушке. Что совершенно неожиданным выяснилось для меня, что всё, что было за эти долгие годы, оказалось совершенно бессмысленным и всё обесценилось в один миг, в ту самую минуту, когда я получил письмо из Аргентины. В то же время, я не без гордости написал, что стал тем, кем она и предполагала, писателем, и что в интернете достаточно информации о моей биографии и ссылок на мои электронные и печатные книги и что всё, что было и есть в моей личной жизни, было достойно и красиво. В голове моей звучали различные латинские мелодии и песни в её исполнении. Слова мои, как мне показалось, превращались в ноты, и мой текст любви, адресованный ей, на глазах становился музыкальной партитурой для лучшего мирового спектакля о первой, невероятной и такой чистой любви, случившейся однажды дождливым вечером перед телевизором. Я распечатал, как мне казалось, свои лучшие фотографии себя за разные годы и на каждой подписал тот год, в который они были сделаны. На столе лежали семена садовой розы, такие же, какие я двадцать четыре года назад я ей выслал, и они у неё проросли в цветы лучшей любви на свете. Потом я распечатал этот свой рассказ «Письмо из Аргентины», уже переведённый на испанский язык, и аккуратно вложил вместе с письмом и розами в конверт. Я сказал, что этот рассказ закончить сможет только она, и что если она это сделает, то я буду самым счастливым писателем на земле. В письме несколько раз я написал свою электронную почту и ссылки на социальные сети, чтобы ей было намного проще, в случае если она увидит и прочтёт это письмо, написать мне ответ. В почтовом железном ящике синего цвета, в главном почтамте на Мясницкой, моё письмо упало на дно моей детской мечты и ждало свой час, чтобы отправиться в долгое и увлекательное путешествие на другой материк нашей планеты. Обратный адрес, на всякий случай, я оставил абонентский ящик Главпочтампа до востребования. Моя электронная почта и мой телефон привязаны к услугам «Почты России».

Прошло больше года после этой захватывающей и интересной истории и, окунувшись в работу в Литературном музее и Союзе писателей, я стал потихоньку забывать всю эту невероятную и нелепую мистерию, которая нашла своё потаённое место в моём сердце и сознании и осталась в нём навсегда. Я снова читал одни и те же лекции по культуре и искусству, которые становились всё больше популярными у юношества и молодёжи, и писал самые обычные, среднестатистические пьесы и сценарии для театра, кино и телевидения. Дома меня ждала семья и работа над научными текстами для высших учебных заведений переподготовки кадров и возможность побыть одному, со своими мыслями и идеями относительно чего угодно, гуляя с нашей собачкой породы Корги, которую однажды, от нехватки фантазии всей нашей семьи мы так и назвали – Корги.

Однажды, в сырое ноябрьское утро, я как обычно проверял свою электронную почту и увидел только что пришедшее уведомление от «Почты России» на моё имя. На главном почтамте на Мясницкой улице пришла бандероль из Аргентины, которую следует забрать в течение одного месяца, в противном случае бандероль вернется отправителю назад. Не посмотрев и не прочитав другие письма, я резко закрыл крышку ноутбука и уже вскоре стоял с паспортом в зале получения посылок и бандеролей на главной почте страны на Мясницкой. Семь потов с меня сошло, пока я дождался своего номера электронной очереди – и вот в руках небольшая, достаточно лёгкая бандероль со штемпелями и печатями из Буэнос-Айреса. Я отошёл немного в сторону и нервно стал её распечатывать, стараясь не привлекать к себе особого внимания. Там была книга. Глянцевая книга в твёрдом переплете голубого цвета с флагами наших стран, на которой было написано название большими буквами по-испански:

CARTAS DE AMOR

Внизу под названием небольшими буквами:

Cartas de Argentina y Rusia

Ещё ниже было написано издательство и год:

Libro editorial Buenos Aires. Argentina 2021 ano.

А сверху написаны авторы книги, на которой стояли мои имя
и фамилия и имя и фамилия

Maria Manuel.

КОНЕЦ

Вилен ИВАНОВ

Вилен Николаевич Иванов – поэт, прозаик, публицист. Член-корреспондент РАН, д. философ. н., профессор, член МГО Союза писателей России. Родился 6 июля 1934 года в г. Полтаве. Автор более 500 научных и литературных публикаций (монографий, брошюр, статей, учебных пособий, мемуаров и сборников стихов). Лауреат ряда научных и литературных премий. В их числе: премия президиума РАН имени М. Ковалевского (за выдающиеся научные работы в области социологии), национальная премия «За лучшую книгу» 2003 года («Социологическая энциклопедия» в двух томах, главный редактор). Лауреат Всероссийского конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова» с вручением медали В.С. Розова за вклад в отечественную культуру и др. Кавалер государственных и общественных наград. Награда Организации Объединенных Наций – орден «Единение» (за деяния во благо народов), орден Дружбы народов, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Золотая медаль Ассамблеи народов России и др. Почётный член Российского общества социологов (РОС), почётный доктор Института социологии РАН, почётный член Военно-научного общества при Культурном центре Вооружённых Сил РФ им. М.В. Фрунзе. Живёт в Москве.

ГЛАВНОЕ — ОТ ЖИЗНИ НЕ УСТАТЬ...

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Они не даром вечными зовутся,
Вопросы нашего земного бытия:
Зачем, с каким заданьем в жизни я?
Во все эпохи задаются
И каждый пробует на них найти ответ,
Но однозначного ответа нет,
А есть, на что все люди падки,
Мистические смутные догадки
И к Высшим Силам робкие укоры,
И бесконечные о нашем Сущем споры.

О СТАРОСТИ

Чем старше становлюсь,
Тем меньше я старею,
Откладываю старость на «потом»,
На службу на свою хожу пешком,
Зарядку делаю и – не болею,
На женщин с прежней нежностью смотрю
И Господа за всё благодарю.
И убеждаю тех, кто возраста боится:
Друзья мои, не надо суетиться,
Не надо на судьбу свою сердиться,
На молодых без повода ворчать,
И лет своих не надо замечать,
Оставить их без всякого вниманья,
А старость к вам придёт, но с опозданием.

ВЫБОР

Можно просто показать, ничего не объясняя,
Не радуясь и не страдая,
События текущие назвать,
А можно объяснить, за суть переживая,

Жалеть, страдать, к отмщенью призывать –
Альтернативы мы свободно выбираем,
За Истину свой выбор принимаем,
Готовые его всемерно защищать.

МГНОВЕНИЕ

У каждого мгновенья свой резон...

Слова из песни

Я вместе с вами ощущаю:
Мгновенье может многое свершить,
Мгновенье может радость подарить
Или с безумством примирить;
От дел достойных отвлекая,
Куда-то увести и погубить.
С мгновением нельзя шутить,
Мгновенье следует ценить,
Его весомость принимая.

СТРАХ

Время нагнетает страх,
Умирают смыслы и теории,
Но то, что значимо в истории,
Со временем всегда в ладах.

ХУДОЖНИК

А.Ш.

Печаль в его работах ощутима,
Он нам умело показал,
Что наше сущее и идеал
Ни в чём, увы, не совместимы.
Он как-то сблизить их стремился,
Но этот опыт провалился.
И он с тех пор нас убеждает смело:
Не стоит браться за пустое дело,
А следует признать, не споря с ним,
Что идеал недостижим.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Как правило, важнее содержание,
Но иногда бывает (пусть и редко),
Что форма – вроде бы подсветка –
Но содержание ведёт,
Такой внезапный поворот,
Она как новое нечаянное знание,
Становится, по сути, содержанием.

УСЛОВИЕ

О перспективах рассуждая,
О том, что нас, возможно, ждёт
Наш опыт к выводу ведёт:
Мы можем двигаться вперёд,
Препятствия одолевая,
Но при условии – пора понять,
Что, грешные, себе не будем изменять.

ПЕЧАЛЬ

В чём дело? Отчего печаль
Мне путь познания закрывает?
И кто-то мне причину называет:
«Угасших символов, наверно, стало жаль».

* * *

Я сделал вывод, радость ощутив,
И поделиться есть охота:
Чтобы добиться перемен, нужна работа,
А не какой-то яростный порыв.

* * *

Поэта этого люблю,
«Сейте вечное» – он призывал когда-то,
И мы, проворные ребята,
Не думая, что виноваты,
С расчётом сеем коноплю.

* * *

Жизнь наша в обновлении нуждается,
Об этом многие сегодня говорят,
И даже что-то сделать норовят,
Но пока не очень получается.

* * *

От «богатства», что нам привнесли господа,
Наступила пора отказаться
И решительно, раз навсегда
Нам с чужою программой расстаться.

* * *

Человек не ведает порой,
Что ему важней всего для счастья,
Не машина, яхта или дача,
А небесный свод и шар земной.

СВЕРХЗАДАЧА

Годами долгими, а может, и столетиями
Задачу люди пробуют решить:
Как в человеке зверя укротить,
Как ближних научить его любить
И быть за всё свершенное в ответе?

ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ

*Самая большая роскошь на свете —
это роскошь человеческого общения.*

Антуан де Сент-Экзюпери

Конечно, что ни говори,
Но прав был Сент-Экзюпери,
И мысль его не вызвала сомненья:
Нет выше ценностей, чем ценности общения.

* * *

Мы древних часто вспоминаем,
Цитируем по многу раз,
И с сожаленьем понимаем —
Всё основное сказано до нас,
Нам остаются комментарии
И вдохновенный пересказ.

СОВЕТ А. ЭЙНШТЕЙНА

Эта мысль интересна, вне всяких сомнений,
Я о ней вспоминаю порой,
Привяжи себя к цели – советовал гений,
А не к людям, что рядом с тобой.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Все друг на друга в основном похожи,
Все в чём-то одинаково живут.
За каждым за окном одно и то же:
Страдают, любят и чего-то ждут.

МИНОР

Чуть помедленнее, кони...

Владимир Высоцкий

Лет прожитых идёт отсчёт,
Жизнь стала как шагреневая кожа,
И каждой новой осени приход
И долгожданной, и дороже,

И к каждому мгновенью бытия
Относишься и бережней, и строже,
Но сокращается шагреневая кожа,
И ничего не в силах сделать я.

* * *

Чтоб юных к жизни приобщать
Неутомимо и умело,
Нам следует самим признать,
Что мир не только чёрно-белый.

* * *

Сказать пришёл, наверно, срок,
И я скажу об этом смело,
Что много пройдено дорог,
Но и ошибок много сделано.

ВЗГЛЯД

*Я на судьбу
Не взглядываю косо.*

Ду Фу,
китайский поэт,
760 г.

Я смотрю на свою седину
Как на некую грустную данность,
Я люблю эту жизнь за её
Многоликость и многогранность.

УЧИТЕЛЯ

Учителя студенческой поры –
Они всегда со мной, они навечно,
Им в памяти моей сердечной
Места почётные отведены –
Учителям студенческой поры.

* * *

Ни сил, ни времени на это не жалея,
Пишу воспоминанья к юбилею,
Читателям надеюсь доказать,
Что их полезно прочитать.

* * *

Мы со страной одною жизнью жили
И, верные её трагической судьбе,
Всё испытали на себе,
Но нас невзгоды не сломили,
Мы устояли вместе с ней в борьбе
И потому мы будем, есть.
Мы были.

НАДЕЖДА

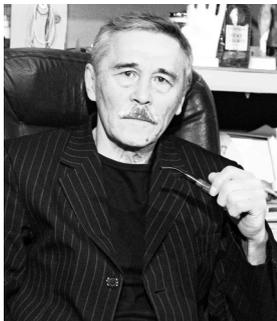
Кто-то так сказал удачно:
«Несчастливым стыдно быть»,
Эта фраза много значит,
С этой фразой стоит жить,

Как с хорошим словом книжным,
Повторять себе и ближним,
Повторять как можно чаще,
И она приблизит счастье.

РЕЗЮМЕ

Разные бывают настроения,
Разные печали и волнения,
Но как вывод я могу сказать:
Главное – от жизни не устать.

Владимир ХАН

Владимир Феликсович Хан – прозаик. Родился в 1951 г. в Ленинграде, в семье студентов Ленинградского Горного института. По окончании обучения родители были распределены в шахтёрский город Ленинск-Кузнецкий, Кемеровской области. Там окончил десятилетку. Был призван на срочную службу, на Балтийский флот. По окончанию матроской учебки отправлен на Тихоокеанский флот, во Владивосток, где сразу же подал рапорт на сдачу вступительного экзамена в ТОВВМУ им. С.О. Макарова (Тихоокеанское Высшее Военно-Морское Училище). В училище начал писать маленькие рассказы и очерки о морях и службе. После комиссации был отправлен в запас. Работал штурманом на рыболовецком флоте. Затем переехал из Владивостока в г. Набережные Челны, где устроился скульптором в управление Главного архитектора КАМАЗа. Создал бригаду скульпторов, с которой занимались выполнением подрядов на скульптурные работы в районах Крайнего Севера (Тында, Нерюнгри, Якутск, Магадан и другие северные районы).

Живёт в Москве.

КУРСАНТСКИЕ РАССКАЗЫ

ВОЗДАСТЯ КАЖДОМУ

Промозглый северный ветер гнал по огромному обледенелому плацу снежную позёмку. Рота 43 Буки Тихоокеанского Высшего Военно-морского училища имени адмирала Макарова героически несла тяжёлое бремя военной судьбы, которую, между прочим, выбрала добровольно. Держу пари, что в строю не было ни одного курсанта, который бы не проклинал этот выбор в целом и своего командира, капитан-лейтенанта Качаева в частности. Все роты их четвертого факультета давно уже были разведены по тёплым, уютным классам для самоподготовки, и только неистовый служака Качаев держал своих несчастных подчинённых в двадцатиградусный мороз на открытом плацу, продуваемом со всех сторон промозглым ветром. Повезло же с командиром!

Но вот, наконец, прозвучала долгожданная команда: «Равняйся! Смир-но! Нале-во! На занятия по самоподготовке... в колонну по трое... Шаг-о-о-ом... Марш!». Вряд ли сейчас для любого из курсантов слова признания любимой девушки были бы более желанными, чем эта команда. Наконец-то! Ровные шеренги чёрных шинелей с золотыми якорями на погонах шевельнулись и начали вытягиваться в направлении корпуса самоподготовки.

Ничто так не поднимает настроение курсантам, как ласковое тепло родного корпуса после кусачего мороза. Но в этот раз настроение улучшилось не у всех.

– Ну, блин, я им обоим устрою! – кровожадно пообещал старшина второй статьи Коля Контуганов. Он был курсантом третьего взвода, небольшого роста, но ладно сложенный. Всем сразу стало ясно, кому он обещал неприятности. Первый на очереди – любимый командир роты, а второй, теперь уже так же не менее любимый, курсант второго взвода Пискуненко. Это он,

посланный с каким-то поручением, не смог вовремя вернуться, из-за чего вся рота и мерзла на плацу. А вот что конкретно придумал Коля, этот общепризнанный остроумец, пока никто не догадывался, и вся рота кипела от нетерпения.

После окончания занятий Коля, окружённый любопытствующей толпой, спустился на первый этаж. В вестибюле находился пост дневального по корпусу самоподготовки, а на посту, разумеется, имелся телефон.

Всю караульную службу в училище, кроме курсантских казарм, несли матросы срочной службы. Отношения курсантов с матросами-срочниками были вполне нормальными, но слишком дружескими их назвать было нельзя. Особенно это касалось отношений с первогодками. Мешали снобизм и заносчивость некоторых курсантов и робость матросов-первогодков. Матросы второго года службы были более раскованными, а те, что были третьего года, вообще уже держались с курсантами на равных. По крайней мере, старались.

На посту стоял первогодок. Пользоваться телефоном на тумбочке дневального могли только сам дневальный, дежурный по помещению, дежурный офицер по училищу и помощники дежурного офицера. За нарушение этого правила дневальному светили нехилые неприятности, но курсантам иногда удавалось уговорить его нарушить инструкцию. Тут все средства были хороши – примитивный подкуп в виде банки сгущёнки или пары плиток шоколада, дружеские отношения с самим дневальным или его дежурным, а порой и просто наглый нахрап, который, правда, прокатывал только с первогодками. Коля, недолго думая, выбрал последний вариант.

– Товарищ матрос, почему не приветствуете старшего по званию?! – грозно спросил он оробевшего первогодка и тут же перенёс свой гнев на стоящего рядом курсанта. – А вы что, товарищ старший курсант, ухмыляетесь? Приведите себя в порядок! Поправьте гюйс и подтяните ремень! Распустились вы у меня!

Сергея Мальцев, однокурсник Коли, быстро врубился в ситуацию и поддержал начатую игру:

– Виноват, товарищ старшина второй статьи! – отчеканил он и вытянулся в струнку.

– Товарищ матрос, – продолжил Коля свой наглый наезд, – срочно свяжите меня с дневальным роты 43 Буки. Быстро!

Приказ мгновенно был исполнен. Молоденький матросик проворно набрал номер указанной роты, передал трубку грозному старшине и опять вытянул руки по швам.

– Дневальный роты 43 Буки, курсант Пискуненко, – прозвучало из трубки, которую Коля, уже знавший о громкости аппарата, не приложил к уху, а повернул в сторону ватаги веселящихся товарищей. Услышав фамилию ответившего дневального, все развеселились ещё больше. А причиной усилившегося веселья и против воли вырывающегося хохота была сама личность Пискуненко. Этого курсанта звали Игорем, но все называли его Игорьком-тележкой. Он был надёжным товарищем, далеко не глупым, его все уважали и даже любили за весёлый нрав и постоянную готовность помочь товарищу. Но он был рассеян, как какой-нибудь седовласый профессор из ранних советских фильмов (там почему-то все учёные обязательно изображались рассеянными и слегка придурковатыми).

Его феноменальная рассеянность была уже анекдотом. Например, однажды за обеденным столом Игорька похлопали по плечу, а когда он повернулся, заменили тарелку с гречневой кашей на тарелку сладкого творога. Поздоровавшись с товарищем, Игорек продолжил трапезу, даже не заметив подмены!

Он постоянно умудрялся попадать в какие-нибудь нелепые ситуации, буквально на ровном месте, прямо как разбитая телега с кривым колесом, непременно въезжающая в придорожную канаву. Отсюда и прозвище – Телега. Вот почему курсанты так веселились – с участием Игорька любой, даже самый простой розыгрыш превращался в захватывающее представление!

– Товарищ дневальный, говорит дежурный по училищу, капитан второго ранга Нефёдов, – чётко проговорил Коля, тщательно откашлявшись перед звонком.

– Слушаю, товарищ капитан второго ранга! – бодро ответила трубка.

В вестибюле повисла гробовая тишина.

– Товарищ дневальный, у вас в роте будет проводиться плановый ремонт. Срочно сосчитайте, сколько в санузле кранов и унитазов. И доложите! Выполняйте! Конец связи.

– Есть! – из трубки пошли гудки.

Если бы пост дневального занимал кто-то другой, такая шутка ни за что не прошла бы. Ведь, согласно положению о караульной службе, дневальный, получив приказ по телефону, должен тут же перезвонить отдавшему приказ и получить подтверждение. Но дневальным же был знаменитый Игорёк-тележка! Считай, дело в шляпе!

Весь взвод гурьбой выкатился в морозную вьюгу. До казарм было метров сто двадцать, и некоторые даже не стали надевать шинели – быстрее бы добежать до роты. На тумбочке уже стоял другой дневальный.

– Где Игорёк? – спросили у него.

Тот мотнул головой в сторону санузла. В этот день дежурным по роте заступил старшина первой статьи Полищук, что было как нельзя кстати. Этот старшина был оголтелым служакой и начинал офицерскую карьеру, можно сказать, шагая по головам однокурсников. Он выслуживался любыми доступными ему способами, не брезгуя доносами и подставами. Естественно, что товарищи по роте не одобряли служебного рвения Полищука, зато это его качество помогало сделать розыгрыш ещё более фееричным.

Ожидая встретить старшину в санузле, курсанты не стали вваливаться с разбегу в помещение, а сначала развесили шинели на вешалке и уже потом степенно проследовали в умывалку. Старшина с блокнотом и карандашом в руках уже был там, как ребята и ожидали. Полищук сосредоточенно пересчитывал краны, а его помощник Игорек-тележка считал унитазы.

– Ребята, – обратился он к первым вошедшим в туалет, – как тут считать? Кабинок девять, но в одной унитаз разбит.

– Записывай – восемь с половиной унитазов, – посоветовал Коля. – Так точнее будет.

Обычная перед вечерним чаем суэта в роте сегодня не происходила. Все ходили степенно и тихо, наверно, боясь вспугнуть предстоящую потеху. Разговаривали вполголоса, и хотя команда: «К вечернему чаю приготовиться! Команде руки мыть!» ещё не прозвучала, в умывалке уже было не протолкнуться. Там старшина Полицук и Игорек-тележка закончили подсчёты и сверили записи. Игорек пошел докладывать о проделанной работе.

Дежурный старшина немало удивился неожиданно прорезавшемуся интересу личного состава к работам Карла Маркса и товарища Ленина. Половина курсантов из роты заняли всю комнату политзанятий, которая находилась совсем рядом с тумбочкой дневального. Курсанты похватали с полок труды основателей коммунизма, но не рассаживались за столы, а читали стоя, стараясь находиться у самой двери. А некоторые настолько увлекались изучением трудов великих вождей, что нечаянно вышли в коридор – ближе к тумбочке дневального

Все навестили уши, когда Игорёк набрал номер и отчеканил поставленным голосом:

– Товарищ капитан второго ранга! Говорит дневальный роты 43 Буки! Разрешите доложить?

– Докладывайте, – уставшим голосом ответил дежурный.

Обязанности дежурного по училищу – это что-то невообразимое! Сродни дежурству авиационного диспетчера, когда в небе ждут посадки десятки лайнеров, а на земле такое же количество ожидает разрешения на взлёт, а вдобавок ко всему метеобюро предупреждает о надвигающемся грозном фронте.

У бедного капитана второго ранга, что сегодня был на дежурстве, голова шла кругом от постоянно возникающих проблем. То преподаватель задержался к началу лекции, и курсанты от безделья устроили в пустой аудитории фехтование на коротких древках от сигнальных флажков, как результат – один выбитый зуб и два сломанных пальца. То на камбуз не завезли картошку. То в городе патруль задержал курсанта без увольнительной. Сколько он успел раздать разных приказов и получить докладов об их выполнении, представить невозможно!

А тут его ещё ждал сюрприз от Игорька-тележки.

– Товарищ капитан второго ранга, в санузле роты 43 Буки имеется в наличии двадцать один кран, одиннадцать писсуаров и восемь с половиной унитазов!

– Что?! Какие унитаза?! – сначала бедняга пытался сообразить, чего же он успел забыть в кутерьме бесконечных дел. Потом, наверно, он почувствовал симптомы какого-то опасного, психического заболевания.

Скорее всего, его первых слов никто из толпы в шестьдесят человек, окруживших дневального, не слышал, потому что сказаны они были нормальным голосом пока ещё вменяемого человека. Но, вероятно, эта вменяемость стремительно сменялась другим состоянием, потому что курсанты, усердно изучающие труды идеологических вождей, особенно те, кто находился близко от тумбочки, уже отчетливо слышали из трубки:

– Какие, к чертовой матери, унитаза?! И почему их восемь с половиной?!

Игорек на мгновение замялся:

– Унитазы... товарищ капитан второго ранга... обыкновенные... белые... фаянсовые... Там восемь целых, а в одной кабинке разбитый. Только обломок торчит на чугунной трубе.

– Какая-токая труба, мать вашу?! – это уже слышала вся рота, а может даже и соседняя. – Вы что там, напились, что ли?! – Децибелы из телефонной трубки повышались с каждым словом. – Шутить надумали? Я покажу вам шуточки! – похоже, на том конце провода началась истерика. – Шутники! Мать-перемать! Через десять минут чтобы вы, товарищ дневальный, дежурный и ваш командир роты были у меня! Исполнять!!! – последняя реплика могла пережечь телефонный кабель, если бы транслировалась чуть дольше.

За сотую долю секунды в коридоре, у тумбочки дневального, остались только сам дневальный – курсант второго взвода, Игорёк-тележка и дежурный – старшина первой статьи Полищук. Их душевное состояние достойно отдельного рассказа. Скорее всего, они успели пообещать Господу Богу поставить свечку за то, что командир роты 43 Буки, капитан-лейтенант Качаев, был законченным служакой. Он всё еще находился в роте, в своём

рабочем кабинете, в отличие от других командиров курсантских рот, которые уже как час назад разъехались по домам. Собственно, поэтому он смог быстро исполнить приказ дежурного по училищу – прибыть к нему за десять минут, что несколько смягчило его суровый нрав и наказание для провинившихся курсантов.

Через тридцать секунд вся рота 43 Буки толкалась у окон на фасадной стороне здания. Сквозь клубящиеся вихри ледяной метели с большим трудом можно было наблюдать, как три съёжившиеся фигуры в чёрных флотских шинелях семеняли через огромный плац к учебному корпусу, где находилась дежурная часть.

Не надо быть большим провидцем, чтобы догадаться об участи, их там ожидающей. Каждому в меру заслуг его!

НЕ РОЙ ЯМУ ДРУГОМУ

Первые числа апреля – не совсем подходящее время для отдыха на природе в Уссурийской тайге. Мягко говоря, прохладненько ещё. Сегодня, наверно, было не больше пяти-шести градусов, но вот именно этот климатический параметр и был как нельзя кстати. Рота 41 Буки совершала марш-бросок на тридцать километров. Не стану вас утомлять перечислением всего, что входит в полную выкладку курсанта во время этого мероприятия. Кто-то и сам служил в морской пехоте, кто-то слышал об этом от знакомых или читал в книжках. А остальные, думаю, и так понимают, что если гонять курсантов налегке, то от стажировки будет мало проку. Именно так, наверно, и думал командир курсантской роты 41 Буки, старший лейтенант Качаев, когда он пытался объяснить своим подчинённым, почему им придется добавить в свои вещмешки дополнительные три килограмма в виде булжника. Три килограмма к уже имеющимся двадцати четырём – вроде не та величина, чтобы из-за неё особо волноваться. Хотя, конечно, это никого не бодрило. Подобный довесок не предусматривался инструкциями и в остальных

ротах не применялся. Ну что поделатъ, если командир роты 41 Буки любил своих подчинённых немного больше (всего-то на три килограмма!), чем командиры других рот. Просто удивительно – почему эта любовь не была взаимной?

Но справедливости ради надо сказать, что некоторые курсанты так же разделяли подобную форму проявления любви к ближним своим. Например, курсант второго взвода Серега Мальцев, или попросту Малыш. Вот только его любовь была более избирательной – он испытывал её не ко всей роте, (и затею командира не одобрял), а только к своему лучшему другу, Игорьку Пискуненко, который уже в первом семестре умудрился заработать к своему имени приставку «телега». Игорек-тележка был славным парнем, весёлым, отзывчивым, всегда готовым помочь товарищу. Эта кличка приклеилась к Игорьку из-за его просто феноменальной рассеянности. Он умудрялся въезжать во всякие казусы, как телега с кривыми колесами. Хотя наличие таких весёлых и заботливых друзей, как Малыш, также могло этому способствовать.

Они подружились, ещё будучи абитуриентами. Игорь и Малыш занимали соседние койки в казарме и вместе ходили на сдачу вступительных экзаменов. Оба были довольно спортивными парнишками, но, вероятно, Малыш желал своему другу ещё лучшей физической формы. На первом же пятиминутном привале, когда вся рота, как стадо верблюдов, ломанулась к ручью за глотком воды, Малыш засунул Игорьку в вещмешок пару здоровенных булыжников, каждый из которых был больше командирского довеска чуть ли не в полтора раза.

Буквально через пятнадцать минут после исполнения команды «Становись! Продолжить движение!» Игорек-тележка почувствовал какие-то странные изменения в своем самочувствии.

– Ничего не пойму, – еле переводя дух, проговорил Игорек. – Воды я обпился, что ли?

– А что случилось?! – с неподдельной тревогой в голосе спросил заботливый Малыш, который, подражая товарищу, так же тяжело дышал и так же часто вытирал беретом абсолютно сухое лицо. Берет же Игорька можно было уже выжимать.

– Хрен его знает, чё-то тяжело стало! Не могу в ритм войти.

– А, это мы с тобой воды обпились... – уверенно заключил Малыш. – Не зря же взводный предупредил!

– Наверно... Хотя, вроде, я старался не злоупотреблять...

– Разговорчики в строю! – рявкнул командир отделения. И ребята замолчали.

Через пару километров Игорёк заметил, что ближайšie к нему сокурсники как-то странно на него поглядывают. Ещё через километр ему показалось, что и настроение у них какое-то чересчур приподнятое. А ещё через километр в его доверчивую душу начали заползать непозволительные по отношению к друзьям сомнения. Только на следующем километре эти подозрения стали обретать смутные контуры. И уж когда прозвучавшая команда «Рота-а-а... Бего-о-ом... Марш!» не вызвала обычной в таких случаях реакции у ближайших его товарищей, а, скорее, наоборот – они почему-то развеселились ещё больше, Игорек все понял! Он оглянулся на своего лучшего друга, но Малыш предусмотрительно переместился на самый шкентель, в конец колонны. Встретившись глазами с Игорьком, он как-то подозрительно опустил голову. Да! Игорьку стало все ясно! Оставшиеся до привала четыре километра Игорьку помогла пройти только лютая ярость, моментально мобилизовавшая все его внутренние резервы. Он тут же забыл о тяжелой ноше, о дефицитном кислороде, которого другим, в отличие от него, вполне хватало, о солёном поте, заливающим глаза, и начал избрывать ответную месть.

До команды «Привал!» ничего изобрести не получилось. Игорек сбросил вещмешок и вытащил из него лишние бульжники. Командирский трогать было нельзя. На нем стоял табельный номер Игорька, намалёванный синим мелом. По правилам, придуманным самим командиром, меченые камни надо было предъявлять в конце марш-броска. Идея мести пришла после умывания в ледяной воде ручья. Игорек даже забыл наполнить фляжку, настолько был очарован элегантною простотой своего плана. Он поднялся на пустую дорогу, усеянную сброшенными вещмешками, подобрал два бульжника, минуту назад выбро-

шенные из своего «сидора», и засунул их в вещмешок Малыша. Как жалко, что на лесной дороге не было ещё камней! Но жажда мести заставила Игорька насобирать несколько пригоршней крупного песка и добавить их к уже заложенным булыжникам. Мстить получилась не совсем зеркальной, но зато вполне справедливой. Игорёк хотел, чтобы его мучения вернулись Малышу сторицей. Крепко затянув узел, Игорек щедро промочил его водой из фляжки. Воды не осталось. Но чем не пожертвуешь ради лучшего друга?

Когда прозвучала ненавистная команда «Становись! Продолжить движение!» Игорёк взял лёгкий, как пуховая подушка, вещмешок и начал его надевать на свои натруженные плечи.

– Эй, Игорек, ты это чего мой «сидор» схватил? – услышал он чуть сконфуженный голос Малыша. – Вот... Читай бирку!

На маленьком клочке замусоленной тряпочки, нашитой на мешок, подло красовались роковые буквы: «К-нт Мальцев. 41-02-09». Сомнений быть не могло.

– А где мой? – еле выдавил Игорек из пересохшего горла.

– Да вон же он, – указал Малыш на сиротливо лежащий у обочины сидор.

Игорёк внимательно изучил бирку. Всё верно: «К-нт Пискуненко 41-02-08». Никуда не деться! Бедняга еле оторвал мешок от земли. По причине душевной доброты, Игорька даже кольнула жалость к своему другу, для которого он приготовил эту ношу. Но уже через секунду к физическим страданиям нашего героя добавилась мука душевная – только сейчас бедный Игорек понял, насколько коварен и дьявольски предусмотрителен его лучший друг. Этот негодяй сумел предвидеть действия Игорька, и когда тот отошёл к ручью, поменял рюкзаки местами. А на бирки кто смотрит? Во всяком случае, не Игорёк-тележка.

Мокрый узел не развязывался. Игорек проклял себя за свою доброту, ведь он не пожалел для друга последний глоток воды из фляжки. Шкентель колонны родного второго взвода уже скрылся за поворотом, а на дороге показались рослые красавцы из первой шеренги третьего взвода.

– Что вы телитесь, курсант?! Быстро догоняйте свой взвод! – пролаял молодой накаченный лейтенант, командир третьего взвода.

Уж простите меня, но я не стану описывать, как наш изобретательный Игорёк-тележка преодолел весь прогон до следующего привала. В конце концов, этот рассказ не триллер. Я перехожу к развязке. Она более оптимистична. Она должна дать людям надежду, что мир не так жесток, как порой кажется, и в нем, как не странно, всё же осталось место для справедливости.

Через пару километров после начала движения Игорёк всё ещё держался на ногах, но, как всем стало очевидно, дотянуть до следующего привала у него бы уже не получилось. К такому же выводу пришёл и взводный. Он приказал следующему номеру взять у Игорька вещмешок.

А следующим был кто? Правильно – курсант Мальцев. Значит, есть справедливость на земле!

Сулейман-Хаджи АУТАЕВ

Сайтадлан (Сулейман-Хаджи) Салаудинович Аутаев – поэт. Родился в 1958 г. в Казахстане. Окончил Горский сельскохозяйственный институт, Кавказский Высший исламский институт при Министерстве высшего образования Египта, Высшие дипломатические курсы в Дипломатической академии МИД РФ. С 2000 г. работает в Постоянном представительстве Чеченской Республики при Президенте Российской Федерации. С 2008 г. – 1-й заместитель Полномочного представителя Чеченской Республики при Президенте Российской Федерации. Награждён медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой». Заслуженный экономист Чеченской Республики. Доктор по Государственно-Конфессиональным отношениям. Профессор по исламской теологии Московского налогового института. Почётный профессор Московского социального университета. Член Союза писателей России (Московская городская организация). Автор трёх поэтических книг на чеченском языке: «Дешан мехалла» («Значение слова»), 2016 г.; «Дахаран жайна» («Книга жизни»), 2018 г.; «Ненан ИндагIехь» («В тени матери»), 2022 г. Книга «Дахаран жайна» («Книга жизни») вышла и на русском языке, в переводе В.Г. Бояринова. Лауреат литературно-общественной премии МГО СП России им. А.И. Куприна «Гранатовый Браслет». В 2024 г. книга «В тени матери» вышла на русском языке, в переводах известных поэтов.

Живёт и работает в Москве.

СТИХИ ИЗ КНИГИ «В ТЕНИ МАТЕРИ»

ПОДАРОК РОДИНЕ

Стихи мои рождались
Не из волшебных сказок,
Не из пустых мечтаний,
Не из чужих рассказов.

Всё, что в душе скопилось,
Я заново осмыслил,
И сделались стихами
Слова мои и мысли.

Для своего народа
Слагал я песни эти,
И отдал в дар Отчизне
Теперь я песни эти.

Язык родной чеченский
Меня исполнил долгом,
Стихи писал я сердцем,
Чтоб понят был надолго.

Живём мы в мире этом
Отпущенные сроки.
Моё уходит время,
И шаг его широкий.

О прошлом размышляя,
Итожа дни былые,
Даря добро народу,
Пишу свои стихи я.

НЕ ОБИЖАЙТЕ ЛЮДЕЙ

Прошу я вас, мои собратья,
Не обижайте никого.
Тот проигравший в результате,
Кто ранил брата своего.

Простая рана заживает,
Кинжалом что нанесена,
И если не смертельна рана,
То вновь затянется она.

Но рана от дурного слова
Не заживает никогда.
И сколько б дней не миновало,
Им не стереть её следа.

Не обижайте ближних, братья,
Не оскорбляйте никого.
Неправдой честь не унижайте,
Ведь в жизни честь – важней всего.

Мой друг, не будь высокомерен
И зависть в сердце не носи.
Не причиняй другим страданий,
Собрату зла не приноси.

Шайтан стремится неустанно
Неправду правдою назвать.
Ты не спеши, мой друг, бездумно
С твоим собратом враждовать.

На свете не найти такого,
Чтоб брата мог обидеть брат –
Такого в мире ты не встретишь,
Пройдя весь мир, придя назад.

Так оставайся человеком
И в жизни братство сохрани,
Будь честным ты и справедливым,
Пока твои продлятся дни.

КАК ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ

Как чист и прекрасен
Наш светлый, сияющий мир.
Как много на свете
Прекрасных и умных людей.
А сколько ещё остаётся
Несделанных дел!
Как мало нам в мире
Всевышним отпущено дней...

Прекрасна Чечня,
И деревня, в которой я рос,
И судьбы людей,
Тех, что в жизни оставили след.
Прекрасен рассвет,
Что струится лучами в окно.
Прекрасна луна,
Что ночами нам дарит свой свет.

Прекрасно, когда
Наши внуки играют вокруг.
Хоть мысль тяжела,
Что разлука нас ждёт впереди.
Неведомо нам,
Сколько дней нам Всевышний послал,
Но ведомо нам,
Что кончается время пути.

Осталось немного
Для успокоенья души,
Нет в мире того,
Кто успеть всё заветное смог.
Жил тысячу лет
В этом мире сам праведный Ной,
Но малым ему
Показался отмеренный срок.

Когда вопрошали о жизни,
Пророк отвечал:
«Жизнь с комнатой схожа,
В которой две двери всего.
В одну из дверей я вошёл,
Сквозь другую ушёл.
Был краток мой путь» –
Вот ответ многомудрый его.

И если ему
Было мало и тысячи лет,
Успеем ли мы
Жизнь достойно закончить свою?
Делами благими
Заполни короткий свой век,
И будешь угоден Всевышнему
В светлом раю.

МАТЕРИНСКИЙ ОЧАГ

Ещё сегодня две седые пряди
Я в волосах у матери увидел,
И светлое лицо её родное
Я пасмурным и сумрачным увидел.

О, если б смог я обрести способность
Проникнуть взглядом в твою душу, нана,
Но не имею я такого дара,
Какой был у пророка Сулеймана.

Я прочитал в твоих очах бы, нана,
Истоки всех печалей и страданий,
И почему глаза твои ослабли,
Ведь сердце от того моё рыдает.

Аллах Всевышний! Что со мной случилось,
И от чего в печали я – не знаю.
От тяжести в груди, от тихой грусти
В смятении всё время пребываю.

Боюсь я так безвременно остаться
Без очага, где ожидает нана,
И оттого-то я к родному дому
В тревоге возвращаюсь постоянно.

О, нана, нана, с просьбой многократно
Я обращусь к тебе, моя родная:
Прошу простить меня за прегрешенья,
Что совершал я в жизни, дорогая.

И если я когда-то сделал что-то,
И этим причинил тебе страданье,
Молю тебя, прости меня за это
И подари возможность покаянья.

Живи на свете счастливо и долго,
Бесценная моя родная нана,
Ведь без тебя весь этот мир для сына
Навеки перестанет быть желанным...

ДУШЕВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

По дороге жизни продвигаясь,
Помни о Вселенной под ногами,
По земным путям перемещаясь
Свернными с Истиной шагами.

Красота Вселенной необъятна,
Обоьщает душу ложным благом.
Душу в чистоте свою храни ты,
Чтобы гнева избежать Аллаха.

Знай, что в жизни равных не бывает,
Каждому своя досталась доля.
Ближнему оставь его заботы
И своею жизнью будь доволен.

Помни, наущения шайтана
Так легки всегда для исполненья.
Не смотри по жизни никогда ты
На добро чужое с вождельем.

Если попадешь вдруг ненароком
Ты шайтану в мерзостные руки,
Сразу зависть чёрная и злоба
Схватят, обрекут тебя на муки.

Будь доволен тем, что ты имеешь,
Что Аллах послал тебе на радость.
Если даже дал тебе Он мало,
Значит, столько лишь тебе и надо.

Если жизнь достойно проживёшь ты,
В мире и согласии с другими,
От тебя останется в народе
Светлое твоё на память имя.

Если ты Всевышнего боялся,
И любил Его душой нелживой,
Если жизнь красивую ты прожил,
Будет и конец её красивым.

Каждый, кто прошёл свой путь достойно,
Пред Всевышним чист и перед всеми,
Тот познает истинное благо
В судный день, когда наступит время.

Благодать, что ждёт тебя за гробом –
Это милость верному от Бога,
Это дар Всевышнего за верность,
Чистоту и искреннюю веру.

Брат мой! Эту проповедь послушай,
Ту, которой облегчил я душу.
Искренне Всевышнего любя,
Я прошу задуматься тебя...

СОЖАЛЕЮ...

Вознося хвалы Аллаху
И Пророка поминая,
Как-то раз беседой мирной
Были мы увлечены.
Вдруг моя святая правда
Во вражду с твоей вступила,
И в объятия шайтаном
Были мы заключены.

О, Всевышний! Если кто-то
По моей вине обижен,
Ты своим пресветлым Раем
В лучшей жизни одари.

Друг мой, знай – тебя обидев,
Я об этом сожалею,
Ты меня прости за это,
За былое не кори.

ПРАВДА

Стремятся к правде люди лишь
Пока её не видят ясно.
Желают люди правды той,
Что с их желанием согласна.

Всегда немало тех, кто мнит
Неправду правдой сделать ловко.
И если не поддержишь их,
То попадёшь в число врагов ты.

Но что бы кто ни говорил –
Лишь только в правде честь и слава,
И если уважаешь честь,
На правду ты имеешь право.

А если кто-то продал честь,
Был жадным, хитрым и лукавым –
Оставь его, каков он есть,
Он выбрал «право» быть неправым.

ГОЛОС МАТЕРИ

Радость жизни вся ушла – осталась горечь,
Миновала тихо молодость моя.
Ровно год исполнился сегодня,
С дня того, когда во тьме остался я.

Тяжкий груз разлуки с Матерью навеки
Сделал горьким мир, и я незрячим стал.
С той поры, как горе сердце мне сдавило,
Ровно год сегодня миновал.

Успокоенность, любовь к семье и к жизни
Нёс всегда мне голос Матери – но вот
Всё ушло навек, и я один остался.
С той поры промчался ровно год.

По утрам я голос матери не слышу:
«Возвращайся с миром поскорей, Уман*!»
Жизнь навеки для меня обледенела,
Ровно год, как мир покрыла тьма.

О, послушайте меня, прошу вас, братья,
Сердце Матери ласкайте всей душой!
Мир бесценный, что на время нам дарован,
Он без Матери становится пустой.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Весна, прошла ты, солнца не увидев,
И солнечных лучей мне не послала,
Своим теплом мне сердце не согрела –
Закончилась, меня не обласкала.

Открыло лето двери мне навстречу,
Явилось солнце яркими лучами.
И сердце радо светлым дням и тёплым,
Но мысли переполнены печалью.

* Уман – имя автора от матери.

Исчезло всё, что приносило радость,
Сосед теперь в беде уж не поможет.
Отца и наны нет, чтоб дать совет мне,
Как жить – никто ответа дать не может.

А лето начиналось, как обычно:
Был каждый день наполнен красотой.
Но не готов был мир к приходу лета...
Всевышний, что для нас ты приготовил!

Властителей воззренья изменились,
Исчезло между сильными согласие.
Гордыня в их сердцах укоренилась,
И этот мрак готовит нам ненастье.

О, неужели судный день приходит,
И жизнью насладиться мы не в силах?
Каким прекрасным этот мир Ты создал,
Всевышний, о, прости нас и помилуй...

Исчезло всё, что приносило радость,
И я не знаю, как мне жить на свете.
Нет ближнего, кто мне в беде помог бы,
И жизни той, что я любил, уж нету.

Перевод с чеченского Ивана ГОЛУБНИЧЕГО

Кирилл УСАНИН

Кирилл Усанин (Николай Петрович Попов) – прозаик, поэт. Родился в 1940 г. в г. Копейске Челябинской области. Окончил Литературный им. А.М. Горького. Работал редактором отдела прозы в журнале «Наш современник», старшим редактором в редакции национальных литератур издательства «Современник». Автор более десяти книг прозы и двух книг поэзии.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

МАРКОВНА

Приходит она рано, раньше, чем положено. Никто её не ждёт, никому она не нужна, всем в тягость, хотя всех она любит искренней любовью, которая давно ничего не значит.

Эту искреннюю любовь все чувствуют, не могут не чувствовать; им по-своему стыдно, и потому не хотят, чтобы она, Марковна, приходила к ним каждое утро.

Они так и говорят:

– Марковна, да у нас всё чисто. Можете спокойно отдыхать.

Но Марковна этого не понимает, не хочет понимать: «Как это чисто? Если за день люди ходят и ходят, топчут и топчут».

В половине восьмого, – ещё до прихода коммерческого директора, – она стоит у дверей торговой фирмы «Люкс» с ведром и веником. Эту фирму по давней привычке она называет «помещением», как это осталось в памяти от прошлых лет, когда жила в общежитии.

И в это своё «помещение», потревожив сон ночного сторожа, она входит хозяйкой, понимая, что на час-другой она действительно здесь хозяйка. Что ей, уборщице, все эти нафуфыренные девочки, пахнущие духами и пудрой, если есть у неё работа – её работа. Та самая, ради которой она жила всю жизнь и живёт по сей день.

Работает она уверенно, легко, и многие не понимают, как это ей удаётся. Нет, не по тому, что возраст Марковны подбирается под шестьдесят пять. Ей эти годы не дашь – сухонькая, невысокая, лёгкая на ногу, ходит быстрой походкой, не сгибая спины. А что левая рука у неё культяпистая, под самый локоть, сразу не заметишь, – культя, как и целая, правая, вся в той же работе, и ведро с водой держит на весу, как и швабру, и мокрую, тяжёлую тряпку.

Когда культю эту замечали, начинали жалеть, сострадать, она же морщась, как от боли, резко обрывала:

– Не надо!

Сотрудницы смущались, пожимали плечами и других вопросов больше не задавали. А потом привыкали. Только не могли привыкнуть к самой её работе, искренней, честной, какой была и сама она все эти долгие, трудно прожитые годы.

Где-то в далёком прошлом – даже самой не верится – было её бесконечно счастливое детство, похожее на лёгкое дуновение ветра в жаркий, тягучий день; было её отрочество, когда она стыдливо ощущала, как превращается в девушку: тайком, при закрытых дверях, с удивлением и страхом смотрела на себя в зеркало, а потом осторожно, пугливо, краснея лицом до самой шеи, ощупывала твёрдые, как бы налитые, округлости грудей с острыми сосками. А потом пришла молодость – первая любовь, первая радость, первое страдание – всё первое, первое...

Она много читала, много смотрела фильмов, и всё больше про любовь, и хотелось большой, счастливой любви, настоящей на честности, искренности и правдивости. По ночам ей часто не спалось, без всякой причины утыкалась в пуховую подушку – и плакала. А днём становилась беззаботной, улыбочатой, «строила глазки» парням, знакомым и совсем посторонним, была остра на язычок, язвительна к тем, которые к ней беспричинно «клеились». А по ночам вновь утыкалась в горячую подушку.

Любовь – настоящая, на всю жизнь – пришла к ней в семнадцать.

Она работала на железнодорожной станции, рядом с которой жила все эти годы. Привёл её туда отец, машинист электровоза. Теперь она была стрелочницей на втором разъезде от станции. Работа ей нравилась, она приучила её к точности, к порядку, а главное, к честному отношению к своим скромным, но ответственным обязанностям. Попробуй задержаться, попробуй не выйди вовремя, пускай хоть пурга, хоть ливень, хоть раскалённое солнце, – может случиться непоправимое.

На этом глухом переезде она и встретила его – крепкого, сильного и по-своему красивого. Ждали встречного поезда, а тот что-то задерживался, хотя уже был дан сигнал. Она опустила слагбаум, и теперь нервно ждала, когда же покажется поезд. По

обе стороны железнодорожного полотна скопилось около двух десятков машин, и среди них – один мотоцикл, самый ближний к шлагбауму.

Вот тут и подошёл к ней парень-мотоциклист, нарочито шумливым голосом прокричал:

– Что это у вас порядки такие! Ждёшь – не дождёшься. Как это понимать?!

Она смутилась, как будто и в самом деле была причиной задержки.

Но ничего не сказала, а только пожала плечами.

– Ты что, глухонемая?

– Нет, я слышу, – тихо отозвалась она и при взгляде на подошедшего к ней высокого парня в спортивном костюме ещё больше смутилась.

– У вас что, все такие робкие? Поди, новенькая?

Она кивнула головой – и только, а он заговорил смело и весело:

– Лет, поди, восемнадцать?

Она опять кивнула, не решаясь взглянуть на него.

– Значит, папа у тебя железнодорожник, и он привёл тебя сюда. Так сказать, семейная традиция. Угадал?

И она опять – всё так же молча – кивнула, только про себя с искренним удивлением подумала: «И откуда он так всё верно угадал?»

– Ладно, можешь не отвечать. И так всё видно. А вот как звать тебя, красавица?

– Марковна.

– Чего? – не понял парень. – Какое странное имя.

– Так меня на станции кличут.

– А-а, – догадался парень. – По отцу, значит. А я у тебя имя спрашиваю.

– Зачем?

– Здрасьте, – засмеялся парень. – Ты же не старушка? Что я ребятам скажу. Познакомился с красивой девушкой, Марковной звать. Засмеют.

– А мы и не знакомы.

– Так познакомимся. Я – Олег Переведенцев. А тебя как звать?

– Марковна.

– Имя-то есть у тебя? Имя?

Раздался протяжный гудок. Вдали показался чёрный силуэт поезда.

– Извините.

Лицо её сделалось строгим, сосредоточенным. Из кармана рабочей куртки достала жёлтый флажок, высоко подняла над головой.

С грохотом, шумом, пыша жаром и горячим металлом, пронёсся длинный грузовой состав. Она забежала в будку, нажала на зелёную кнопку – шлагбаум поднялся: путь для машин открыт. Открыт он и для него – парня-мотоциклиста. Но он почему-то остался у переезда. И в тишине, такой неуловимой после грохота состава, стука колёс, фыркания машин и гудков, она услышала его голос, звонкий, весёлый:

– До встречи, Марковна! А имя твоё я обязательно узнаю. Так что до встречи, до скорой!

Что она могла подумать в эту минуту? Шутник, балагур, проедет километр, другой – и забудет. И она тоже забудет.

Но этой же ночью, лёжа в постели, она вдруг вспомнила весёлого, говорливого мотоциклиста – и сердце её больно сжалось. Ей даже трудно стало дышать. И не успокоилась, пока не прокрутила в памяти, как ленту кинофильма при замедленной съёмке, всю эту нечаянную встречу.

На следующую ночь повторилось тоже самое. И на третью, и на четвёртую...

А на пятый день, ближе к полдню, когда уже проклинала себя за такую забывчатость, раздался осторожный стук в дверь её рабочей будки. Она обернулась – и вскрикнула, увидев на порожке распахнутой двери его, парня-мотоциклиста.

– Извини, не смог вырваться. Одно соревнование, другое. Такова спортивная жизнь. Ещё раз извини, Марковна.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Кто я тебе такая, чтобы извиняться, – и ждала, когда он спросит, как звать её.

– Да вот такая-сякая. – Олег решительно сделал шаг на встречу. – Влюбился я в тебя, Марковна. Ты уж извини.

– Опять «извини».

– Ладно, не буду. Хочу встретиться с тобой.

– А мы и встретились.

– Не здесь, не в этой будке. А после работы. Согласна?

– Можно и после работы.

– Вот и прекрасно, – облегчённо вздохнул Олег и, подступив ещё ближе, легко, весело заговорил. – В самом деле, так просто и хорошо. Никогда мне ещё не было так просто и хорошо. Можно, я буду тебя звать просто Марковной?

И она тоже почувствовала, как ей просто и хорошо. Вмиг куда-то ушла щемящая боль, которая, как заноза, все эти долгие четыре дня мучила её.

Конечно, оделась она в тот вечер в самое лучшее платье.

Конечно, она пришла в городской парк задолго до встречи.

Конечно, она пылала то жаром, то зябко куталась в газовый платок, и с опаской, будто это грозило её жизни, поглядывала на часы.

Олег появился неожиданно, с букетом алых роз. Подойдя к ней, замер, удивляясь:

– Ах ты какая, Марковна!..

Они встречались каждый летний вечер и до глубокой ночи проводили вместе быстро текущее время. Тут были и кино, и театры, и кафе, и просто пешие прогулки по городу.

Через две недели он пригласил её к себе домой. Она легко согласилась, думала, что он собирается познакомить её с родителями. Но дома никого не было. Были они только вдвоём. Она, растерянная, смущённая, стояла посреди большой светлой комнаты. Было такое чувство, будто она оказалась внезапно на краю пропасти: сделай шаг-другой – и полетишь в страшную неизвестность.

– Ну что ты, милая? Проходи, – чужим, заискивающим голосом проговорил Олег и крепко взял её руки в свои. – Смелее, Марковна, смелее.

Он подвёл её к столу, и на столе всё было, как в том летнем кафе, – бутылка вина, две рюмочки, белые тарелочки с колбасой, сыром.

– Посидим по-домашнему, вдвоём, без дурацкой музыки, без наглых официантов...

Она присела на краешек стула. Он подал ей до краёв наполненную рюмку.

– За наше счастье, Марковна. До самого дна, до самого. Как полагается.

Она выпила и успокоилась, даже сама попросила включить лёгкую тихую музыку.

– Разрешите пригласить вас, Марковна.

Он положил ей руки на плечи, наклонил её голову к груди, зашептал:

– Милая, милая ты моя девочка.

Она чувствовала его мужскую силу, слышала его колдовской шёпот. Голова закружилась, и боясь, что она может обессилеть, нашла в себе последние силы – освободилась от его крепких объятий.

– Я пойду. Уже поздно.

Он губами прикоснулся к её волосам, и опять его руки опустились на плечи, соскользнули вниз, и опять зазвучал его опьяняюще-колдовской шёпот:

– Мы вдвоём, только вдвоём, и никто, и ничто нам не мешает. Ты станешь моей. Только моей.

– Что ты, Олежек, как же так? А свадьба?

– И свадьба будет. Прямо завтра, с утра в загс пойдём. Обещаю тебе.

– Нет, нет.

– Ну что ты, милая... Иди ко мне, моя девочка. Хватит быть тебе просто Марковной.

Он рывком поднял её, понёс в другую комнату. Сквозь проём она увидела в полутьме разобранную постель, и ей стало противно, тошно.

Откуда силы взялись – разомкнула она кольцо его рук и метнулась к другой, спасительной двери.

До самого дома – километра четыре – она бежала, глотая сбегающие по щекам солёно-горькие слёзы. Всю ночь её била судорожная дрожь. Утром не могла подняться – поднялась температура до сорока. Пришлось вызвать «скорую помощь».

Только через десять дней она вышла на работу, смурная, молчаливая.

– Что с тобой, девонька? – спросила её сменщица.

Она промолчала. За неё ответила другая:

– Чего тут непонятного. Болезнь человека не красит.

«Вот и всё. Вот и всё», как заведённая, повторяла она.

И день, и второй, и третий провела как в полусне. Но под вечер четвёртого, словно кто на ухо нашептал, не выдержала – пошла к Олегу домой. И чтоб не передумать, упрямо говорила: «Будь что будет». Так и шла, не замедляя шага.

Вот и дом его, вот и подъезд, вот и крутые ступени, вот и обитая чёрной кожей дверь. Стучать, звонить не стала. Зачем? Распахнула дверь – вошла.

Вошла – и застыла на месте. За тем же столом, при том же вине, при той же закуске, на том же стуле сидела другая девушка, а он, Олег, стоял на коленях и целовал... Целовал, обняв девушку за полные бёдра.

Она отшатнулась, больно ударилась затылком о косяк двери.

Девушка взвизгнула, скрылась в спальне. Олег медленно поднялся и направился к ней, весь красный лицом и в каплях пота. Ноги стали ватными, и чтоб удержаться, она обеими руками оперлась о косяк.

– Ну что, увидела? Увидела, да? А кто виноват? Сама и виновата. Слышь ты, Марковна, – он некрасиво усмехнулся. – Ты и в самом деле – Марковна. Такой и останешься Марковной.

Она выбежала из дома и как в ту проклятую ночь, бежала, но не домой, а к переезду, как будто ждала её работа. И бежала, пока не наткнулась на опущенный шлагбаум.

И как будто сквозь сон услышала голос напарницы.

– Это ты, Марковна? Иди сюда. Товарняк проедет – чай погоняем.

Ещё не темнело, и отчётливо был виден стремительно надвигающийся состав. Вот он сейчас, с грохотом, пылая маслянистым жаром, промчится мимо – и наступит тишина, непривычная, звонкая. Но только не для неё, не для неё. Нырнув под шлагбаум, она кинулась на рельсы.

Сменщица дико закричала, замахала жёлтым флажком, но поезд надвигался, хотя уже заскрипел тормозами – из под колёс яркими брызгами полыхнули язычки пламени...

Очнулась она в палате и долго не могла понять – жива ли, мертва. Сильная боль в левой руке привела её в чувство. Она хотела освободить руку из-под одеяла, но что-то мешало этому. Тогда она правой приподняла одеяло – и опять потеряла сознание.

Жизнь медленно возвращалась к ней. Она уже знала, что спас её шофёр «Жигулей», который стоял вплотную к шлагбауму. Он выхватил её из-под колёс в самый последний момент, откинулся вместе с ней назад. Сам отделался ушибами и ссадинами, а вот её рука, левая, ударилась о железный столб и переломилась, как соломинка. Она уже знала, что жизнь её теперь будет совсем другой. Только ещё не знала, какой.

Да и сейчас, почти через полвека, она разве может ответить, какая она у неё, эта жизнь?

Одно знает: в душе своей осталась той же самой, какой была там, на разъезде, – искренней, правдивой, открытой. До пенсии проработала стрелочницей, хотя не раз предлагали ей другую должность, более выгодную, спокойную. Могла и замуж выйти. Да так и не смогла вытравить из души ту боль после последней встречи с Олегом. Нет, он больше не появлялся – ни в снах, ни наяву.

Родителей она похоронила, осталась одна, но ненадолго. Взяла в приживалки нищенку, которых по нынешним временам расплодилось много.

Да и сама оказалась почти нищей со своей мизерной пенсией. Вот и устроилась год назад уборщицей в торговую фирму «Люкс».

Поспособствовал ей в этом заместитель директора, который в своё время был начальником станции. За год работы так и не смогла воспринять жизнь «новых русских». Особенно женщин. И молодых. И средних. И даже пожилых.

День у них начинался с такой откровенности, от которой у Марковны «вяли уши».

Девушки из коммерческого отдела охотно признавались в лёгких победах над мужчинами. А женщины из бухгалтерии, вроде деловые, серьёзные, говорили о деньгах, о дачах, о товарах, хвастались кольцами, бусами, понимая, что всё это куплено не на свои кровные.

И когда Марковна заходила в тот или иной отдел, ей откровенно говорили:

– Марковна, да всё у нас чисто...

ИЗ ЦИКЛА «МЫ – КОПЕЙЧАНЕ»

СКАНДИНАВСКАЯ ХОДЬБА

За день до отъезда в Москву решил я ещё раз обойти шахтёрский посёлок. Сюда я приехал три недели назад. За эти быстroteкущие дни так и не успел спокойно походить по улицам родного посёлка.

Почти каждый год приезжаю в «родовое гнездо», останавливаюсь у старшей племянницы Тани. Правда, она давно не Таня, а Татьяна Александровна. У неё двое взрослых дочерей. Со старшей она живёт в двухэтажном кирпичном доме в трёхкомнатной квартире с балконом, так что место для меня всегда находится.

В это весеннее утро я вышел из дома рано, не было ещё семи. На Южном Урале погода в любое время капризная, непредсказуемая. Вот и сейчас, в середине апреля, она была ещё неустойчивой – то шли дожди, то дули прохладные ветра, но всё равно чувствовалось дыхание тёплых и солнечных дней. И казалось, что вот-вот наступит благодатная пора настоящей весны.

И сегодня, уже с самой рани, это чувствовалось особенно. Солнце уже взошло, его ровные лучи плавно растекались по безоблачному небу. Лишь влажный ветерок ещё держался, приятно холодил лицо.

Жила Таня не в центре посёлка, а на правой его стороне, ближе к коллективному саду. Рядом – поликлиника, начальная школа. А чуть далее – стадион. Тот самый, знаменитый, что был построен чуть более полвека назад, – с футбольным полем, с двумя хоккейными площадками, с трибуной в пять длинных рядов, со спортивной базой. В то далёкое время я работал на шахте, и на спортивной базе занимался любимой игрой в волейбол.

Давно не бывал я на этом запущенном стадионе. Вроде и желания особого не возникало. Закрылась шахта, в посёлке поубавилась молодёжь, и стадион просто забыт, запущена спортивная база. Да, лет пять не заглядывал я сюда. Но сейчас – непонятно для самого себя – решил сначала побывать именно здесь, вспомнить свою спортивную юность, когда часто приходилось ездить и на городские, и даже на областные соревнования.

Вот и знакомые ворота – высокие, железные, с ажурной металлической вывеской. Но вывеска проржавела, многие буквы стёрты, и вид самый непривлекательный. Нет вокруг и плотного забора. Подойдя ближе, увидел: нет и трибуны, нет и спортивной базы, нет и второй хоккейной площадки. Только оголённое футбольное поле, поросшее травой, да почерневшие ворота без сеток. Лишь просматривается беговая дорожка, но без всяких белых меловых пометок.

И тут я невольно вздрагиваю, как будто увидел что-то непредвиденное. По беговой дорожке бегут, чуть поодаль друг от друга, пожилые женщины. У каждой в руках лыжные палки. На моём удивлённом лице возникает усмешка: «Смотри-ка, в провинциальном посёлке занимаются скандинавской ходьбой». У себя в столице, гуляя в парке, я уже привык встречать вот таких любителей, в основном это были пожилые женщины. Вот и здесь только они.

Удивляясь, приближаюсь к футбольному полю. Впереди бежит женщина среднего роста. Она высоко вскидывает ноги,

широко размахивает лыжными палками. Лицо строго и напряжённо. Она пробегает мимо, не оглядываясь. Следом бежит другая, в синем спортивном костюме. Старается поднимать ноги выше, но это ей даётся с трудом, бег её мелкий, частый. Пробежала ещё одна в белой шапочке на голове, смешно подпрыгивают её седые кудельки волос.

Последней семенит самая пожилая. Роста невысокого, худенькая. Она в обыкновенных брюках и в потёртой вязаной кофте. Старушка мелко перебирает палками, шаг неровен, кажется, вот-вот остановится, но упрямо трусит за остальными. И только она смотрит на меня, морщинистое лицо её улыбчато и приветливо.

Я прилаживаюсь рядом, чуть ускоряя шаг.

– Доброе утро.

– Доброе. А где же палки?

– Я не знал, – улыбаюсь я.

– Приезжий?

– Вроде местный.

– На здешнего не похож. Фасонистый.

Я легко и быстро «раскрываюсь», но моя откровенность не вызывает удивления. Старушка насмешливо спрашивает:

– И в самой Москве бегают? – и тут же соглашается. – И мы туточки заразились. Чуть подсохло – спозаранку сюда... Видать, от смерти бегаем. Помирать-то кому охота. А мне вот и помирать вовсе ни к чему. Вся земляца, что за оградкой, занята.

– Что так?

Слова её принимаю как шутку: охочи до них наши старушки, особо когда застают их за таким вот пустяшным занятием, как эта заморская ходьба.

Но эта старушка и не думала шутить. Ещё более серьёзным тоном продолжила:

– Так все мои родичи померли: и мать, и муж Константин, и старшая сестра Клавдия. А ещё младший брат Константина. Последнюю могилку племяннику отдала. Прошлой осенью на мотоцикле убился. Шибко гонять любил, – не прерываясь, добавила. – Все мы, Свяягины, такие вот...

И тут она замолкает. Молчу и я, просто шагаю рядом. Скорее всего в ожидании, что она вот-вот остановится. Она пристально глядит вперёд, а потом вскрикивает, словно от испуга:

– Товарки-то где?! Убегли! – и она неожиданно находит силы, чтоб продолжить бег.

Прибавляю и я свой шаг.

«Может, отойти в сторонку, не мешать ей?» – мелькает вдруг и такая мысль, но старушка, как бы угадывая её, говорит:

– Запыхался? Это спервоначалу.. Я не могла и круг сделать, а зараз аж пять одолеваю. Третий вот бегу.. А соседка моя Аннушка всех впереди. И меня привадила. Не догнать – больна вёрткая она..

Морщины на её улыбочатом лице разглаживаются, спина выпрямляется, она становится выше ростом, и бежит, чаще перебирая лыжными палками.

Я тоже ускоряю шаг, чтоб находиться рядом, и всё отчётливее слышу её ровный голос:

– Такой же была, вёрткой. Ныне не получается. Вроде и бегу, а все обгоняют. Прыть уже не та. Да и откуда ей взяться – жизнь наша бабья не ровня нынешней..

И старушка, лишь на мгновение прервавшись, продолжает говорить всё тем же ровным, спокойным голосом:

– Годков-то мне было всего пять, а помню, как нашу семью разорили, словно гнездо птичье, из зажиточного поволжского села сюда, на уральские шахты, отправили. По дороге отца убили – своевольничал шибко, даже бежать надумал. Пришлось матери нас, несмышлёньшей, поднимать, сестре её Клавдии низкий поклон – завсегда сестре помогала. Так обе замуж и не вышли. Зато у нас с братцем моим всё удачно сложилось. Он женился, на Камчатку укатил, там и похоронен. А я здесь замуж вышла – за Константина. Тут мне повезло так повезло: души не чаял, всё меня Апраксеей звал. На шахте так и работал, даже воевать не пришлось – нужным человеком оказался. А брат его всю войну прошёл, живым вернулся, но весь пораненный, всего-то лет пять после войны и пожил. Рядом с матерью похоронили. А тут и Клавдия померла. После её похорон сказал

мне Константин: «Теперь очередь за мной». Я руками замаха-ла: «Хватит городить-то!...» На пенсию только-только вышел, участок в саду коллективном взял, возился там с утра до вечера, первыми огурцами да помидорами баловал меня... Но так мы зажиточно и не прожили. И его схоронила. И теперь знала: остатная могилка моя... А вот не пришлось. Племянник убили. Последняя могилка ему и досталась...

Она замолчала, а потом, словно спохватившись, быстро проговорила:

– А вон и подружки мои остановились, видать, притомились. Да и я запыхалась. Забылась совсем. Вы уж извиняйте. Поспешу...

И старушка, махнув мне высоко поднятой рукой вместе с лыжной палкой, засемила прямо через травянистое футбольное поле к своим подружкам, которые ждали её у спортивной площадки.

СТЕЛЛА

Воскресным осенним днём в двухкомнатной квартире Олега Бисерова собрались гости. В основном, товарищи по работе. Приглашены на день рождения, на котором заодно должны отметить и назначение на новую должность – накануне он был приказом начальника четвёртого участка утверждён бригадиром добычной бригады на новую лаву.

Среди приглашённых оказался и я, как дядя племянницы Тани, которая приходилась жене Олега Надежде заветной подругой.

Гости собрались в маленькой комнате, а в большой заканчивали приготовления к праздничному столу.

В комнату вошла девушка в нарядном платье, светловолосая, с короткой стрижкой, с резкими чертами скуластого лица. Она была похожа на своего отца, Олега Бисерова. И голос её был чёткий, выразительный.

– Мать чуток попросила погодить, – сказала она, обращаясь к отцу.

– Ты, Светлана, поторопи её, – ответил ей отец, а когда она вышла, обратился к гостям. – Потерпите чуток.

– Это можно, – весело ответил за всех друг его детства Виктор Гавриков и шепнул мне, стоявшему рядом в ним. – Вон какая дочь. Любо-дорого поглядеть. А могла быть не Светланой, а Стеллой.

– Это почему же? – заинтересовался я.

За время ожидания я уже успел с ним познакомиться, и потому он охотно откликнулся всё с той же весёлой улыбкой.

– Тут занятная история была. Можно и рассказать. Идём на балкон, заодно и перекурим.

Вышли на балкон. Небо чистое, в редких кучевых облаках, с полным солнцем и с прохладным ветерком, который с утра никак не мог успокоиться.

– Да, занятная история, – закурив, протяжно проговорил Виктор Гавриков.

История действительно оказалась занятной. Произошла она восемнадцать лет назад. В тот год Олег Бисеров вернулся со службы, в звании старшины и с рекомендацией для поступления в художественное училище.

– Вот и поступай, – порадовался за друга Виктор Гавриков. – Ты ведь ещё до армии художества проявлял, всем на загляденье. До сих пор соседи помнят, как ты с разными зверюшками стены подъезда разукрасил. А как здорово оформлял стенгазеты, разные стенды. И в детской библиотеке тебя помнят...

– А в своей части я главным оформителем был. Вот и посоветовали идти в училище.

Но поступать в художественное училище Олег Бисеров так и не стал. Была на то важная причина: его одноклассница Надежда верной оказалась, дождалась жениха, и тот, не раздумывая, через месяц женился и работать пошёл на шахту «Красная горнячка». И пошёл в горнорабочие, знал, что через год он может получить жилплощадь. Так и вышло. Двухкомнатную квартиру ударник социалистического труда получил ещё до того, как его Надежда стала ждать их первенца. Теперь всё свободное время

Олег «обустроивал семейное гнёздышко». Часто помогал ему друг детства Виктор Гавриков.

И вот таким же осенним днём пришёл он к другу, держа в руке городскую газету.

– Вот, читай. Твой шанс, самый явный.

Среди многих объявлений было первое, главное. Архитектурным отделом был объявлен конкурс на лучшую стелу в честь 50-летия их Краснознамённого города.

– Твой шанс! Так что лови момент! – воскликнул восторженно Виктор Гавриков.

Отмахнувшись Олег, – разве ему сейчас до этого, но друг всё же уговорил своего друга детства, – согласился.

Через неделю с рисунками отправились они по адресу. Встретили приветливо, поблагодарили за рисунки, утвердительно сказали, что обязательно ответят. Только придётся подождать, – желающих принять участие в конкурсе было много.

Прошёл месяц, другой, но ответа всё не было. Всякий раз Виктор прямо с порога спрашивал:

– Письмо получил?

– Я и забыл, – откровенно признался. – Да и некогда. Моя Наденька ребёнка ждёт.

Вот и зима прошла, пришли дни весенние, и Олег теперь жил в ожидании: кто родится – мальчик или девочка.

А в самом начале лета не вошёл, а ворвался в квартиру Виктор Гавриков.

– Едем! Срочно!

– Куда?

– На кудыкину гору. Сам увидишь.

И привёз он друга своего на то место на возвышении, откуда шла главная трасса из областной столицы в их город, привёл Олега к вертикальному знаку, сердито выкрикнул:

– Узнаёшь?

Да, всё было так, как на его рисунках: отбойный молоток, высокое древко, развёрнутое полотнище со звездой, только вместо угольного камня выширала чуть вперёд какая-то заводская шестерня.

- Как это понять?!
- Им там было виднее.
- Ехать надо, выяснить.

Упрямым оказался Виктор Гавриков. Привёл он Олега в архитектурный отдел, стал доказывать, что стела та сделана по рисункам Олега Бисерова, только непонятно, откуда взялась шестерня.

– Так наш город знаменит не только шахтами, но и машиностроительным заводом. Разве вы этого не знаете? Наш главный архитектор взял самое лучшее и по эскизам сделал вот эту стелу, и она одобрена свыше, – сотрудник отдела ткнул толстым пальцем в потолок.

– Пошли! – рванул за рукав рубашки Олег и вышел на оживлённую улицу, и вдруг почувствовал себя, как будто сверху окатили его холодной водой.

Впервые за долгое время поссорился он с лучшим другом детства. Но Виктор не мог и неделю сердиться. Явился к Олегу, как только узнал, что Надежда родила девочку.

Конечно, Олег был счастлив и ничуть не обиделся на Виктора, выставил бутылку дорогого красного вина.

- Какое же имя дали девочке?
- Не подумали ещё. Вот вернётся из роддома, тогда уж.
- Назовите её Стеллой. Красивое имя. Да и памятка будет знатная. Живая!

И опять он уговорил своего лучшего друга детства. Но тут его Надежда, ему во всём послушная, возразила:

– Нет, ещё раз нет. Назовём её Светланой, как прабабушку нашу.

- Так вот и стала дочь Олега Светланой!

В этот самый момент вошла в комнату Светлана и голосом чётким, выразительным, но уже смягчённым до улыбки пригласила гостей к праздничному столу.

Лилия АГАДУЛИНА

Лилия Агадулина (Лулиза Мухлисовна Агадулина) – поэт, прозаик, переводчик. Член МГО Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Окончила Высшие литературные курсы (семинар поэзии Валентина Сорокина). Автор пяти книг прозы и стихов. Дипломант конкурса «Лучшая книга 2011–2013 гг.» Дипломант конкурса «Лучшая книга 2014–2015 гг.».

Лауреат премии «Славянские традиции» за вклад в развитие литературного процесса. Награждена многими дипломами. Печаталась во многих коллективных сборниках, в журнале «Приокские зори», в альманахе «Московский Парнас», в журнале «Поэтов», в газетах «Слово», «Татарский мир» и др.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

УЛЫБКА МОЕЙ БАБУШКИ

В купе вместе со мной ехали бабушка с внучкой. Девочке на вид было лет шесть. Непоседливая, она была похожа на маленькую обезьянку. Прыгала, скакала, без конца тормозила бабушку. Когда бабушка начинала её отчитывать, она ластилась к ней, приговаривала:

– Бабушка, я знаю, ты добрая. Бабушка, улыбнись, – и своими пальчиками пыталась раздвинуть губы бабушки, создавая ей подобие улыбки, а затем заливисто смеялась.

Наигравшись таким образом с бабушкой, она запрыгнула на мою полку и, оперев свои острые глазёнки в сумку, спросила:

– Тётенька, а что вы везёте в сумочке?

Я засмеялась и ответила ей:

– Бабушкину улыбку, вот что.

Девочка как будто сосредоточилась, но буквально на секунду, и хитрым голосочком сказала:

– А как же теперь ваша бабушка будет без улыбки?

– А у неё много улыбок, на всех хватит, – ответила я.

– Хм, – сказала девочка. – А у моей тоже есть улыбка, – и перепрыгнула к бабушке, обняла за шею и стала шептать ей на ухо, искоса поглядывая на меня:

– Бабушка, а ты подаришь мне улыбку?

– Подарю, милая, подарю, – отвечала ей бабушка. – Вот подрастёшь немного и подарю.

Девочка победоносно посмотрела в мою сторону, захлопала в ладоши и снова стала прыгать и скакать с полки на полку...

Вскоре проводница погасила свет, пожелала всем спокойной ночи. Потихоньку стихали голоса бормочущих пассажиров...

А поезд мчался, набирая ход, нагоняя упущенное за день время. Только я не спала, я дремала и вспоминала свою бабушку, свою милую, добрую бабушку...

Всё было словно сейчас, словно сегодня был прекрасный, летний день, и дорога к дому бабушки через парк. Хотя мама не разрешала мне там гулять, все тропинки зелёного парка мне были уже знакомы. Мы частенько с девочками из нашего дома убегали в этот парк, лазили в зарослях малинника. Малины было очень мало, но мы были рады и горсточке ягод. И ещё мы знали такое местечко, где можно было найти землянику. Я собирала её в букетик и приносила маме, чтобы она не ругала меня за то, что я без её разрешения гуляла в парке.

Вот и сейчас я шла к бабушке через парк. Дорога к бабушкиному дому через парк намного короче, чем если идти мне через город. К тому же я знала, как любит моя бабушка чай со смородиновыми листочками.

Вот они, долгожданные кустики смородины. Крапива нещадно жгла мои ноги, но я всё-таки сорвала несколько листиков и сунула в маленький кармашек фартука и пошла дальше, весело размахивая авоськой, в которой лежала банка с горячими пельменями, и чувствовала себя Красной шапочкой.

Я и была на неё похожа. На мне было платьице с фартуком и летняя шляпка-панамка с красивыми сиреневыми ленточками, завязанными под подбородком. И мне было ничуть не страшно – я знала, что в парке волки не живут.

Я вышла на Парковую улицу и, пройдя вдоль рябиновой аллеи, быстро дошла до бабушкиного дома.

Поднявшись на пятый этаж, я долго колотила ногами дубовую дверь, обитую дерматином. До звонка я не доставала. У меня даже заболели ноги. А ещё я со страхом поглядывала на лестницу чердака, ведь от дедушки я слыхала, что там, на чердаке, по ночам собирается всякая шпана.

Наконец-то открылась дверь квартиры. Бабушка захохла: как это меня отпустили одну, ведь я ещё такая маленькая!

Мы пошли на кухню. Кухня была большая и светлая, несмотря на маленькое окно почти под самым потолком. На подоконнике всегда стояла банка янтарного цвета, а в ней рос толстый и жирный китайский гриб. Бабушка его подкармливала тем, что сливала ему через марлечку спитый старый чай, и получался

прохладный напиток, который всем нравился, а мне нет – он был шипучий и кислый.

Мы сели за большой продолговатый стол, покрытый цветастой клеёнкой. Дедушка ворошил угли в печке-буржуйке. А бабушка сидела напротив меня и всё время ласково смотрела, улыбаясь, и приговаривала что-то на татарском языке. Я не знала татарского языка, но, как ни странно, понимала, что говорила бабушка. До меня доносились слова «доченька», «внученька», а потом, услышав что-то непонятное, я спросила: бабушка, а это как переводится? Она ответила мне: «маленький жеребёнок».

Не знаю, почему, но мне это очень понравилось. А вот мой дядя называл меня «муравей». И это мне не очень нравилось... Муравьи – они такие маленькие...

Вот и закипел чайник на печке-буржуйке. Бабушка заваривала чай со смородиновыми листочками. А я залезла на табуретку и сама достала из буфета чашки с блюдцами и сахарницу, потому что бабушка мне разрешила. Бабушка нарезала хлеб и поставила блюдечко с маслом, а дедушка достал из кладовки большой кусок сахара и долго колол его маленькими щипчиками. Он это делал всегда долго, что даже бабушка не выдерживала, а я тем более. Ведь мне хотелось скорей схватить маленький кусочек сахара, я так любила его, его можно было сосать как конфетку.

Бабушка пила чай из блюдечка и нахваливала, какой он ароматный, как вкусно пахнет. Спросила меня ласково:

– А ты чего не ешь?

– А чего есть-то? – говорила я.

– Как что, – отвечала бабушка. – Всё у нас есть, и хлеб, и масло.

Я поморщилась: масло я не любила. Дедушка хитро посмотрел на меня и сказал протяжно:

– И-и-и, шурум-бурум...

Я уже знала, что это значит, а это значит – «мелкий товар», или попросту – «мелочь пузатая».

Он вынес из кладовки вещмешок, весь в заплатках, старенький. Бабушка говорила, что дедушка с ним прошёл всю войну.

Дедушка поставил вещмешок на табурет, развязал его и вывалил на стол целую горку сухарей. Бабушка никогда не выбрасывала старый хлеб. Она сушила его на печке. И я так любила эти маленькие румяные сухарики, с ними-то чай был такой вкусный, никакого масла не надо.

Бабушка отобрала в чашку несколько сухариков и замочила их. И я знала, что это для голубей. Бабушка всегда кормила голубей на балконе.

Потом я сказала бабушке:

– Мне пора домой, а то мама меня заругает.

Пока я надевала сандалии, бабушка заохала и побежала обратно на кухню, долго гремела кастрюлями в кладовке и наконец-то, улыбаясь, дала мне огромный подсохший апельсин и две шоколадных конфетки. Я никак не могла понять, откуда у бабушки могут быть апельсины, ведь в нашем городе мы их видели только раз в год, в день выборов.

Бабушка обняла меня, поцеловала. Руки у неё такие были мягкие и тёплые, и так не хотелось от неё уходить.

Я выскочила из подъезда на улицу, отбежала подальше от забора палисадника, чтоб было удобнее смотреть на бабушкин балкон. Бабушка уже стояла на балконе, прикрыв глаза рукой от солнца, и улыбалась мне.

Я немного постояла, помахала ей рукой и пошла домой к маме, и чем дальше уходила я от бабушкиного дома, тем всё грустнее и грустнее становилось мне.

Я вспоминала бабушкину кухню с печкой-буржуйкой, где было так уютно и тепло, и представила, как бабушка сидит сейчас за кухонным столом, красит брови чёрным карандашом, глядя в маленькое круглое зеркальце и говорит:

– Какая же я молодая и красивая. А вот здесь у меня ямочки, – бабушка улыбается и делает пальцами ямочки на щеках, а сама искоса поглядывает на дедушку, и вокруг глаз её собираются лучики морщинок.

И вдруг я, будто очнувшись, побежала, побежала короткой дорогой через парк. Но только сейчас мне уже было страшно, потому что я знала, что мне наверняка попадёт от мамы, потому

что я не послушалась её и ходила к бабушке через парк. Я знала, что маму не обманешь, – она всё узнает по глазам. И я бежала, и слёзы катились и катились по моим щекам...

И всегда я прихожу к этому дому, дому моей бабушки, когда приезжаю в свой родной город. Особенно я люблю это делать в солнечный день. И я, как когда-то бабушка, прикрываю глаза рукой от солнца, смотрю на окно и балкон пятого этажа, прищуриваю глаза, и мне кажется, что я вижу улыбку моей бабушки.

ДАЛЬНИЕ ЛУГА

Отец разбудил девочку ночью. Они оделись и вышли в тамбур вагона. Девочке на вид было лет восемь. Она была в лёгком платьице и вигоневой кофточке, на русой голове – сиреневый бант.

– Папка! Мы что, уже домой приехали? – спросила она полусонным голосом.

– Нет, к дедушке.

– К дедушке?! – девочка недоверчиво посмотрела на отца. Давно обещал он свозить её к дедушке Фагиму в деревню. Много раз она просила об этом своих родителей. Всех её подружек увозили летом к бабушкам и дедушкам, и в их дворе становилось пустынно и скучно – не с кем поиграть. Ну а на этот раз к ним приехала тётя Клара из Нефтекамска, она-то и забрала девочку к себе погостить. А потом за ней приехал папа, только один, маме оказывается, не дали отпуск.

Девочка на секунду задумалась... Нет, правда! Папка всегда исполняет её желания.

Вагон качнуло, отец ловко подхватил девочку, и она крепко обняла его, зажмурив глаза.

Девочка с отцом были единственные пассажиры поезда, сошедшие на этой станции провинциального городка, который она называла деревней, потому что только и помнила этот дом с огородом да бескрайнее золотистое ржаное поле. Да ещё

дорогу, по которой они шли с дедушкой за цветами в дальние луга.

Сонный и загадочный свет вокзала растаял в темноте ночи, и они шли по шаткому деревянному настилу в крошечную темень. Отчаянно свиристели кузнечики, и где-то совсем недалеко побрехивали собаки.

Девочка шла позади отца, то и дело спотыкаясь и хватая его то за полу пиджака, то за чемодан.

– Папка, я ничего не вижу, – сказала она капризно.

– погоди, дочка. Сейчас, – отец поставил на доски чемодан и сумку. Он стал разматывать поясок с ручки сумки.

– Я помню эту водокачку, – дочь указала рукой на чёрный силуэт башни с левой стороны, где находился вокзал.

– Что ты можешь помнить? – усмехнулся отец. – Тебе было три годика, когда мы были у дедушки.

– Помню. Она из красного кирпича. Я ещё фотографии у дедушки помню на стене...

Немного помолчав, добавила:

– На крылечке. Я говорила, что это ты на фотографии, а все смеялись и говорили, что это – дедушка, только совсем молодой.

– Не на крылечке, а на веранде, – поправил её отец.

Он привязал один конец пояса к своему ремню, а другой дал девочке.

– Ну вот, теперь другое дело. Держи крепче, и – за мной!

Они двинулись дальше. Впереди снова залаяли собаки.

– Ты помнишь, как Мухтар с цепи сорвался? Все так испугались, даже на крышу влезли! А ты и дедушка не испугались. Я тогда с качели упала, а Мухтар мне лапу подал. Он просто хотел мне помочь.

Она опять споткнулась.

– Папка, мы скоро придём?

– Скоро. Уже пришли.

Отец поставил вещи на землю. Достал из кармана спичечный коробок и, чиркнув спичкой, осветил калитку и почтовый ящик на ней.

Совсем рядом угрожающе зарычала собака, загремела цепью, громко залаяла. Отец постучал по почтовому ящику.

– Дочка, стой, я сейчас.

Он перелез через забор и исчез в темноте палисадника.

Пахнуло ароматом влажных цветов и листьев. Слышно было, как он стучит в окошко дома. Собака истошно лаяла и, гремя цепью, кидалась то в одну сторону, то в другую. Девочка стояла возле калитки и уговаривала собаку ласковым голосом:

– Мухтар, Мухтар! Ты что, не узнаёшь меня? Мухтар!

Послышался чей-то разговор. В комнате зажётся свет, осветив чёрные кусты и белые наличники окна.

Загремели засовы. Дверь распахнулась. По светлой дорожке от крыльца до калитки, шаркая ногами, торопился дедушка.

Собака ещё громче залаяла. Дедушка прикрикнул на неё. И девочка вслед за ним крикнула:

– Фу, Мухтар! Фу!

Дед засмеялся, стал что-то быстро говорить отцу по-татарски. Она только и поняла два слова – «Мухтар» и «битое стекло».

– Дочка, это не Мухтар. Это другая собака.

– А где же Мухтар?

– Нет Мухтара!

Они вошли в дом. Здесь её встретили объятия бабушки Фаи. Та весело хлопотала. Она была беленькая и пухленькая. Обнимая девочку, она водила её из одной комнаты в другую, доставая из комода то красивую скатерть, то полотенце, потом разную посуду из буфета, доверяя всё это девочке отнести на веранду.

Бутылку водки она принесла сама.

На столе уже кипел самовар, и бабушка заварила чай со смородиновым листом. Из погреба принесла яйца, картошку, варёную конину, солёные огурцы.

Пахло вкусно укропом и чесноком.

Девочке так понравились солёные огурцы, что бабушка снова пошла за ними в погреб.

Дедушка с отцом о чём-то увлечённо разговаривали. А девочка думала: отчего же мама так не любила бабушку Фая, она же такая хорошая! А мама называла её «политической» и спекулянткой. Говорила, что она торгует цветами на станции.

Ещё говорила, что дедушку раскулачили, отобрали у него корову, лошадь, магазин и посадили в тюрьму. Там он и познакомился с бабушкой Фаей, а Мушарафу позабыл.

Бабушку Мушарафу девочка тоже любила. Та жила в городе у своего старшего сына. Девочка представила, как та сидит сейчас одна в комнате – в платочке, длинном платье и сафьяновых сапожках, перебирает чётки из мелких косточек и молится. Наверное, ей так скучно одной, без дедушки.

Однажды она дала ей целый рубль на переводные картинки.

Тут дедушка подозвал её к себе. Он обнимал её и гладил по голове. Она спросила:

– Дедушка, пойдём завтра в поле за цветами?

Дедушка улыбался ласково и что-то говорил и говорил ей на татарском языке...

Девочку клонило ко сну, и бабушка Фая увела её в комнату, уложив спать на высокую перину. Девочка закрыла глаза и видела сон, который был когда-то её реальной жизнью. Она видела бескрайнее золотое ржаное поле, бесконечную пыльную дорогу, по которой она идёт с дедушкой в дальние луга. Видела поле, наполненное яркими красками полевых цветов, порхающих бабочек; видела дедушку с пустым перепелиным гнёздышком. И она слышала голос маленькой девочки: «Дедушка, сплети веночек! Папка умеет, и ты умеи! Деда, где перепёлочка? Где?» Она слышала шум тяжёлых ржаных колосьев. Они шумели так сильно, что дедушка её не слышал.

Девочка открыла глаза. Её сердечко билось часто-часто. Ей показалось, что кто-то кричал. Да, это был голос отца. Она потянулась за платьем... Передумала, снова легла.

Отец опять что-то крикнул. Она села, свесив ноги с высокой перины.

Проснувшись окончательно, стала прислушиваться, глядя на ситцевую занавеску вместо двери.

Голос отца то удалялся, то приближался.

– Нет! Никогда не прощу! Ты о детях подумал, когда листовки разбрасывал? Нас по всей деревне возили под красным покрывалом. А у дочки твоей серьги золотые из ушей вырвали! Три годика ей было! Голые мы остались, без ничего. Нищие! Я побирался, по домам ходил, куски хлеба выпрашивал! Меня кулацким отродьем называли! Мать тебя простила? Нет. Она тебя ждала, а ты с политической приехал. Не-ет! Не прощу! – кричал он всё громче и громче.

Девочка торопливо надела платье и вышла из комнаты.

Она уже знала, что ей надо делать. Только её он послушается. Сколько раз она выручала свою маму.

Бабушка Фая стояла возле стены, на которой висели фотографии в рамочках. Лицо её было бордово-красное и какое-то неподвижное, неживое. Дедушка сидел за столом, глаза у него были грустные, его смуглое и морщинистое лицо казалось бледным.

– Папа, не ругай дедушку, – сказала она, пытаясь поймать руку отца, которой тот всё время размахивал.

Наконец-то ей удалось... Но он снова поднял её, сжав в кулак, и, вдруг обернувшись, посмотрел на неё страшными глазами, замерев на полуслове. Кулак разжался, рука опустилась девочке на плечо.

– Прости, дочка! Прости, – с трудом выговорил он.

Затем, указав на неё, сказал:

– Вот такой я был, вот такой. Я работал, уже деньги зарабатывал. Мне ничего от тебя не нужно, ни твой дом, ни твоё добро. Мне сам Сталин квартиру дал. Я в семнадцать лет Родину защищал. А ты в это время в тюрьме сидел... Не прощу! – снова кричал он.

– Папа, папа, не ругайся! – девочка хватала отца за руку

– Всё, дочка, всё. Не буду.

Он налил себе водки в стакан.

– Папа, не пей больше, иди спать.

– Всё, дочка. Вот эту выпью и пойду спать...

Вырастешь, дочка, поймёшь всё...

Утром дедушка повёл девочку в огород. Он взял с собой ножницы. Бабушка Фая пошла вместе с ними, в руках у неё было ведро, с которым ходят за водой. Под окнами с кружевными наличниками висели пучки сухой травы. С некоторых яблонь уже облетели листья, и было заметно, как тяжело держать тонким веткам тяжёлые спелые плоды.

Таких красивых цветов, как у дедушки в огороде, девочка ещё нигде не встречала. Даже у них в городе возле магазина, где торгуют цветами.

– Которые тебе нравятся? – спросил дедушка.

Она смутилась. Ей нравились все самые высокие и яркие цветы.

– Вот этот нравится? – он указал на бордовый гладиолус.

– Да.

Дедушка подал ножницы бабушке Фае, и она срезала цветок.

– А вот этот?.. Этот?.. Не бойся, здесь все цветы – твои...

Девочка осмелела. Теперь уже она говорила:

– Вот этот мне нравится, очень! И вот этот – сиреневый...

А этот? Этот почти чёрный!

Бабушка срезала, а дедушка ставил цветы в ведро, придерживая рукой, пока в ведре не осталось местечка для последнего цветка.

Дедушкин огород опустел, будто уже поздняя осень, а не предсентябрьская пора.

Когда прощались, дедушка сильно плакал. Он вышел на крылечко и стоял, держась за дверной косяк.

Отец похлопал его по плечу. Дедушка было рванулся к нему, но тот взял вещи и пошёл, не оглядываясь.

Дед обнял девочку, и волосы у неё стали мокрыми от его слёз.

Бабушка Фая провожать не вышла, она осталась на веранде.

Отец всю дорогу молчал. Девочка шла за ним и вытирала ладошкой мокрые волосы. Миновали водонапорную башню из красного кирпича. Так же лаяли собаки.

Когда садились в поезд, отец споткнулся, и банка с бабушкиными огурцами разбилась. Ехали в купе вдвоём. Отец пошёл в вагон-ресторан за шоколадкой. Девочка грустила, ей было жалко дедушку.

Потом она стала смотреть на цветы. Те стояли в ведёрке на полу. Большого ведра у проводницы не нашлось, и она дала ещё две трёхлитровые банки. Теперь цветы стояли на столике.

Стала мечтать, как пойдёт первого сентября в школу. Уже во второй класс. В этот раз она пойдёт с большим букетом из самых красивых гладиолусов. И её букет будет лучше всех. Не то что в прошлом году, когда мама сунула ей в руки горшок с цветком с подоконника.

Она снова посмотрела на цветы и подумала: «Дедушка мой самый добрый».

Отца долго не было. Девочке хотелось есть, пить. За окном уже стемнело. Вагон стало качать всё сильнее, и она боялась, что цветы упадут.

Сначала обнимала банки с цветами обеими руками. Устала и стала обнимать одной рукой, склонив голову.

Наконец-то отец пришёл. От него пахло водкой и табаком. Он ничего не принёс. А когда она спросила, сказал, что шоколада в ресторане не было. Кое-как он забрался на верхнюю полку и даже один раз упал, сильно испугав её.

Она всю ночь «караулила» цветы, положив голову на руку, и ей снился старый, знакомый сон: золотое ржаное поле, дедушка с перепелиным гнёздышком и бескрайние цветущие луга...

КУСОЧКИ ХЛЕБА

Прошёл год, как умерла моя мама. По приезде в родной город я поселилась у тётки Фании. Мамина квартира продана, близких родственников не хотелось стеснять. А у тётки Фании трёхкомнатная квартира, и живёт она в ней одна. У неё два сына и дочь. Дочь далеко, где-то в Подмосковье, приезжает редко. Сыновья в городе, живут своими семьями. Старший сын – бизнесмен,

постоянно в разъездах, другой сын каждое утро навещает и приносит ей продукты, хотя в них она не нуждается – все три холодильника забиты до отказа. Вот только уборкой заниматься некому – не дружит она со снохами.

Ну что ж, купила я резиновые перчатки и всё остальное, что нужно для уборки квартиры. Для меня это было в удовольствие. Ведь то же самое я делала и для своей матери, когда приезжала к ней. Но мамы уже год как не стало. А тётя Фания – её лучшая подруга, с войны дружили, и тётя Фания даже приходится нам дальней родственницей. Мой дедушка Фагим – двоюродный брат её отца.

Три дня я занималась уборкой. Заблестела сантехника, заскрипела чистая посуда, посветлело на кухне. А тётя Фания находилась рядом, и всё вспоминала и маму мою, и бабушку, и уже в который раз рассказывала одну и ту же историю, о которой я была наслышана ещё при жизни своей мамы.

Рассказывала о том, что, когда закончилась война, приехали они из глухой деревни всей семьёй в город. Случилась беда: в дом попала молния, и остались они без дома и скотины – всё сгорело. Близкие родственники не приняли. А брат отца, который в это время отсутствовал, наказал домочадцам:

– Пусть живут, если корову продали, а так – не пускать!

А откуда у них корова? Погорельцы они, вот кто. Идти им было некуда, и они просто стояли на улице.

– А твоя бабушка Сахип, – продолжала рассказывать тётя Фания, – пригласила нас к себе, напоила чаем, разделила кусок хлеба на маленькие кусочки, чтобы каждому досталось, да ещё немного постного масла в блюдце налила.

– Пусть хоть что-то у вас в желудке будет, – сказала она.

– А потом мама повела нас по школам искать работу. И в школе при содовом заводе нам дали комнату в бараке. Ой-ёй-ёй, – вздыхает тётя Фания и качает головой. – Не забуду вовек эти кусочки хлеба.

– А мама твоя красивая была, очень красивая. Глаза у неё были голубые, голубые, как небо, а волосы корзиночкой с двумя большими бантами. Ох, и красивая!..

Время от времени она отвлекала меня от работы тем, что показывала мне содержимое холодильников и всякий раз непременно говорила, что старший сын – миллионер, и он всегда интересуется, не надо ли чего купить. Я терпеливо складывала продукты назад в морозильную камеру: контейнеры с мясом, с рыбой, с маслом и прочим-прочим.

Ну что сделаешь! В войну натерпелись, несладко пришлось. У моей мамы то же самое было: один холодильник в комнате, другой на кухне. После её смерти сколько просроченных банок пришлось выбрасывать. Они так похожи – дети войны... Запасливые.

Засияли окна в комнатах, а я всё оторваться не могу – всё какие-то пятнышки нахожу. Мама мне в таких случаях говорила:

– Смотри, до дыр протрёшь...

А тётя Фания сидела в своём любимом кресле возле журнального столика, такая вся аккуратная, в цветастом байковом халате, в белом платочке и переднике с широкими кармашками, и приговаривала время от времени:

– Не упади... Отдохни уж... Вот и дочка моя такая же, не остановишь. Только обижалась на меня зачем-то... А что мама плохого пожелает?.. Приезжала недавно, да только два дня и пожила. Не успела окно помыть здесь. Сказала: некогда ей, работает, – и уехала...

Вот и подоконник стал беленький. Сейчас водружу на место горшки с геранью, закрою снизу картонкой, чтобы не сгорели под жарким летним солнцем.

Да, ещё год назад я делала это и в маминой квартире. Правда, жаль, что не с такой охотой, как сейчас. Да ещё и пререкалась с мамой, она любила поучать. И обязательно что-нибудь под руку скажет.

– Смотри не порежься. Смотри не ударься...

А потом какие-то обиды – и с её, и с моей стороны...

И невольно вспомнился мне один из морозных дней, когда в город пришла настоящая уральская зима. Домой я вернулась после обеда, хотя должна была прийти раньше. Как назло, задержался автобус на Усолье, куда мне пришлось поехать

в аптеку за лекарствами. Прождала больше часа, но зато выдали мне все бесплатные лекарства, купила шприцы, бинты, салфетки.

И от мамы я получила по полной... И голос у неё был прежний, хорошо поставленный.

– Ходила бы ещё!.. Ох, вспомнишь ещё мать!..

Никакие оправдания не принимались. Мама меня не слышала. Обвинения во всех грехах, смертных и не смертных, непрерывным потоком обрушились на мою несчастную голову.

Я ушла к себе в маленькую комнату, закрыв дверь.

Наверно, я неправильно поступила. Надо бы задержаться, надо бы спокойно всё выслушать, а потом...

Эх, мама, какая бы я сейчас терпеливая была...

А тётя Фания всё своё:

– А бабушка твоя кусочек хлеба разделила на всех, чтобы каждому досталось... Масла постного в блюде налила немного, блюде беленькое с голубой каёмочкой... А мама твоя красивая была девочка с большими белыми бантами, и глаза голубые-голубые...

Ни пятнышка на стекле. Солнышко припекает, кажется, и небо стало чище и ярче, такое голубое, как глаза моей мамы.

«Да, моя мама золотая была», – подумала я.

И опять вспомнила, как однажды мать проснулась почему-то ночью, и, когда я подошла к ней, она сказала:

– Ты бы хоть суп сварила.

– Но ведь не сейчас. Утром сварю. Кто ночью суп варит? Два часа ночи, мама.

– Ой-ой, надо же, – покачала головой она и долго охала. – Как же это? Зачем два часа?

– А сколько же ты хочешь, мама?

– Хочу, чтоб было утро, – задумчиво ответила она. И лицо её озарилось радостным светом.

«Да, моя мама золотая была», – вновь подумала я.

Ну, вот и всё, – говорю я, обернувшись к тёте Фании. – Светлее стало. Сейчас цветочки поставим на место, и будет совсем хорошо.

Лето на Урале нынче чудесное. А в дворовом сквере солнышко. Пугаясь в кронах клёнов, роняет свой нежный утренний свет на зелень кустарника, и каждый мой новый день здесь похож на эти золотистые блёстки света.

И я снова залезаю на табурет расставлять горшки с цветами.

А тётя Фания опять своё:

– Не упади! Отдохни уж! Вот и дочка моя так же... Ой-ёй-ёй.
Не забуду вовек эти кусочки хлеба...

Влад КРАСНОЯРСКИЙ

Влад Красноярский (Владимир Семёнович Кузнецов) – поэт, журналист, педагог, искусствовед, общественный деятель. Родился в 1949 г. в с. Красный Яр Большереченского района Омской области. Окончил Тарское педагогическое училище и филологический факультет Омского педагогического института. Автор 15 книг стихов и прозы. Создатель авторских программ на телевидении: «Земляки», «Прогулка со звездой», «Прогулка по Химкам». Руководитель школы журналистики ДДТ «Созвездие» (г. Химки). Вице-президент Петровской академии наук и искусств (председатель Московского отделения), куратор 47 выставок академии. Автор и ведущий программы «Приглашение в мир искусства». Живёт в Москве.

ТАМ У РОДНИКА ОТКРЫТ ИСТОК...

ЧТЕНИЕ КНИГИ

Мне приятно думать, что ты есть –
Эта мысль горит и днём, и ночью.
Книгу я твою хочу прочесть,
И не виртуально, а воочью.

Несколько страничек пролистал –
Всё от слова и до слова важно,
Но спокойней оттого не стал:
Слово можно сжечь – оно бумажно.

Розовый душистый лепесток
Служит школьной памятной закладкой.
Там у родника открыт исток,
В нём была водица нежно-сладкой.

Я, по междустрочью, экстраверт,
Не могу жить без перемещений.
Встречи же с тобой – всегда десерт,
Апогей взаимных угощений.

Каждый день читаю эпизод,
Я его до дырок замусолил –
Пересоленное не залазит в рот,
А другое вовсе обессолил.

В книге есть особая глава
В стиле откровенном и высоком.
От неё кружится голова.
Отравился, что ли, старым соком?

В ней пикантных лесенка штрихов
Редких беспорядочных свиданий,
А из них течёт поток стихов
На кофейной гуще из гаданий.

Самая любимая из книг –
Чувств глубоких радостное жженье.
До конца дошёл и сразу сник:
Будет, если будет, продолженье...

P.S.

Эта книга мне даёт запал:
Прочитаю, а мне мало, мало...
Я тебя с ней, кажется, достал...
Лучше б ты меня с ней доставала...

НЕБА ЖИТЕЛЬ

Сергию Радонежскому посвящается

Русью он с поклоном встречен,
Православия подвижник,
Просветитель, свято книжник,
Сергий Радонежский вечен.

Он рождён под русским небом,
Мира в душах созидатель,
Храма Троицы создатель.
Послушанье – его треба.

Он рождён землёй ростовской
С именем Варфоломея.
Хлеб и воду лишь имея,
Жизнью жил он богословской.

Жил он Божьим человеком,
Тел болезных исцелитель,
Душ заблудших исправитель.
Шёл, как все, жестоким веком.

Перед битвой Пересвету
Дал своё благословенье.
Разнеслось по белу свету
Куликово откровенье.

Получил благое слово
От него и князь Димитрий,
Свет в пути от Одигитрий
Грел воителей вне крова.

Мерил жизнь простою мерой,
Шил он сам себе одежды,
Сеял зёрнами надежды –
Всходы прорастали верой.

Семь веков его молитва
Отзывается в нас эхом.
Не весёлость, не потеха –
Семь веков за веру битва.

В месте, Богу, знать, угодном
На просторах Радонежья –
Память, как река безбрежья,
Здесь течёт о преподобном.

И Господь пред ним явиться
Богородице сподобил,
Чтобы час блаженства пробил,
Чтобы воодушевиться.

Был там с Матерью Господней
Сонм апостолов смиренных.
Тишины слов сокровенных
Не бывает благородней.

То Святое солнцелучье
Бережно хранил игумен.
Звук молитвы – он бесшумен,
Оттого и слышен лучше.

Молодым он принял постриг.
Келья стала его домом.
Был он Господом ведомым
На монашеский свой подвиг.

На Земле он строил много –
За обителью обитель,
Потому он Неба Житель,
И в раю его дорога.

ТА ОБИДА

Та обида давненько прошла,
Будто мелочь в кармане закончилась.
Только режет по сердцу пила,
И душа как-то так скособочилась.

Та обида – прошедший глагол –
Было счастье, в пожаре сгоревшее,
И внутри стал я гол как сокол –
Там пространство живёт опустевшее.

Та обида. Легко без неё
Задышалось мне полными лёгкими.
Разлетелось со слов вороньё,
Мысли стали изысканно лёгкими.

Та обида застала врасплох,
Будто ливень и гром с неба ясного.
Я от боли щемящей оглох,
Превратившись в калеку несчастного.

Та обида (была – не была?)
Лишь остаточным контуром помнится.
Та обида своё отжила,
И в подушку зарылась бессонница.

РАЗГОВОР СО СВОИМ ЦВЕТКОМ

Не зря назвали Лилией тебя –
Как сон-цветок.
В нём аромат и долгое цветенье.
О чистоте и вечности трубя,
Живёт росток –
Он белокрылый Ангел вдохновенья.

Ты над Землёй, как ласточка, летишь
Лучами слов
В надежде доброе в сердцах посеять,
И злым ветрам предпочитаешь тишь
В духах цветов –
Их надо, трепетно любя, лелеять.

Отсюда лёгкость некартинных строк,
В них – чистый голос,
В них – сладость чувственно-напевной речи.
Обочинами пройденных дорог,
Как спелый колос,
Стоишь лицом своей судьбе навстречу.

В сердцах судьбу-злодейку не коришь,
Не шлѣшь проклятье:
Ушло в песок из памяти плохое.
Слеза, зачем ты по щеке бежишь?
Свет на закате –
И слово в нём молитвенно-сухое.

В нём – сон-цветок как белая заря,
Как сок на срезе,
Зовущий вдаль в окне ночной огарок.

Тебя назвали Лилией не зря:
В стране поэзий
Ты мой цветок, судьбе моей подарок.

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

Я с тобой, как на руках у Бога.
Без тебя всё сиром и убого.

У Христа за пазухой с тобой.
Без тебя – хоть в омут с головой.

Мне с тобой, как с радостью венчанье.
Нет тебя – я словно без сознанья.

Я иду с тобой одной строкой.
Без тебя нет рифмы никакой.

Мне с тобой раскованно поѣтся.
Без тебя гуляется и пѣтся.

Мне Земля с тобой, как светлый рай.
Без тебя я ощущаю край.

Рай и в шалаше с тобою, милой.
Без тебя теряю разом силы.

День с тобой, как песня соловья.
Мы в отдельности – никто: ни ты, ни я.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПСЕВДОНИМА

На судьбе мне начертано быть
Обладателем этого дара –
Нипочём никогда не забыть,
Что я родом из Красного Яра.

Там я смысл начинал добывать
Из словесной руды по крупинкам.
Долго будет оттуда звучать
Колыбельная песня-картинка.

В ней – уютно-согретый покой,
В ней – о сказочном тихо поётся.
Мама гладит по спинке рукой,
И уходит за изгородь солнце.

Это солнце ушло, и потом
По всему белу свету искалось.
Я не думал ни капли о том,
Что во мне глубь-река расплескалась.

Сколько раз я себя выручал,
Напиваясь водицы иртышской –
В мыслях часто – бегом на причал,
Где купался счастливым парнишкой.

Сколько раз я себя согревал,
Забираясь в тепло на полати –
Эту радость давненько знавал.
Возвращалась она очень кстати.

...Я с горы научился летать.
Там обрыв был почти Ниагарский.

О поэте вам стоит узнать:
Я с рожденья такой – Красноярский.

Энвер АМИНОВ

Энвер Аминов (Анвар Аминович Девликамов) – прозаик, член МГО СП России. Родился в 1955 г. в Рязанской области. В период с 1972 г. по 1995 г. проходил службу в ВС СССР и РФ. Имеет 3 высших образования, в 1996 г. с отличием закончил РАГС при Президенте РФ. В ноябре 2007 г. в РАГС защитил кандидатскую диссертацию по теме «Судебная власть в федеративных государствах». Награждён серебряной медалью им. Ф.Н. Плевако в 2004 г. и в 2005 г. – медалью ФАП РФ «За заслуги в защите прав и свобод граждан». Является одним из учредителей Региональной общественной организации ветеранов боевых действий и ветеранов военной службы «Доблесть и мужество». В 2015 г. издал книгу «Очерки по истории и культуре села Бастаново» и провёл мероприятия, посвящённые 500-летию своего родового села. Награждён медалями «За духовное единение» и «За заслуги» Председателем Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином.

Живёт в Москве.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗЕМНОЕ УТРО МОЕГО БРАТА

Прошло уже почти двадцать лет со дня смерти моего брата, и каждый год накануне 28 февраля я пытаюсь представить себе, как могло бы пройти его последнее утро.

О чём-то после смерти брата мне рассказывала сестра, что-то я домысливаю, основываясь на своих воспоминаниях о нём.

Мне кажется, что он проснулся в этот день примерно в половине пятого утра. Несколько минут он ворочался на стареньком диване, а потом с большим трудом оторвал своё непослушное тело от постели и стал поочерёдно опускать на пол плохо сгибавшиеся в коленях ноги.

Почувствовав левой ногой пол, он по привычке стал искать правой ногой тапочки. Раньше мама всегда ругалась на него, если он ходил по дому без тапочек. Но мама умерла уже почти три года назад, а привычка ходить в тапочках у него осталась.

Опустив на пол ноги, он оттолкнулся руками от края дивана и пошёл на балкон. Одеваться ему было не нужно, так как вот уже больше десяти лет, ложась спать, он вообще не раздевался.

А в последние два года у него отпала и необходимость чистить зубы. По настоянию сестры он согласился на то, чтобы в местной поликлинике ему удалили все больные зубы. В результате стоматолог оставил ему только два зуба, да и то для того, чтобы цеплять за них искусственную челюсть.

Но уже на второй день он перестал носить неудобный зубной протез и научился обходиться своими уцелевшими зубами. Этими зубами он один раз в день измельчал котлету, либо кусок рыбы или хлеба, и запивал все это бокалом крепкого сладкого чая.

Полученной энергии ему хватало на то, чтобы в течение дня перемещаться в своём жизненном пространстве.

Один или два раза в месяц сестра помогала ему переодеться в чистое бельё, и этот день становился для него баннным днём. После того, как однажды он поскользнулся и упал в ванной, мыться ему приходилось только под присмотром сестры. С её помощью он с большим трудом забирался в ванную, при этом громко ворчал на неё и бессмысленно ругался на почти не гнущиеся в коленях ноги.

Чаще всего сестра молча смотрела на то, как он с трудом совершал свои нехитрые водные процедуры, но иногда она протирала мочалкой его стосковавшееся по воде и мылу тело.

Стоя на балконе, он закурил и вспомнил, как раньше, когда они еще жили с мамой в старом бревенчатом доме, и на его долю выпадали настоящие банные дни. Один-два раза в месяц кто-нибудь из деревенских знакомых обязательно приглашал его в баню, и там хлестал настоящим берёзовым веником. А после парной угощал стаканом жигулёвского пива или даже рюмкой водки.

Это время ушло безвозвратно. И хотя живущий в Москве брат в очередной раз обещал уже нынешним летом построить в селе новый дом и баню рядом с ним, он понимал, что в этом доме ему жить не суждено и в той бане не париться.

Почему-то он был уверен в том, что сегодняшнее утро станет последним в его жизни. Может быть потому, что всю ночь ему снова словно тисками сжимало грудь.

Он вдруг отчётливо понял, что на этот раз ему не удастся дотянуть не то что до лета, но даже и до весны. Сегодня он умрёт.

При мысли об уходе из жизни ему не стало страшно. Он даже почувствовал облегчение от того, что его земная жизнь наконец-то подошла к концу. И продлится она не дольше, чем он докурит последнюю сигарету. Это была «Прима». Хотя на всякий непредвиденный случай у него была припрятана пачка «Золотого руна». Он любил иногда на виду у поселковых знакомых для форса прикурить дорогостоящую сигарету с фильтром. Или даже угостить кого-то из наиболее близких из них.

Но сегодня ему ничего уже не хотелось. Он не стал пытаться понять причину столь стремительной утраты интереса к жизни.

В этом мире его уже ничего не удерживало. На пятидесятом году жизни у него не было ни семьи, ни работы, ни какой-то земной или неземной страсти.

С двенадцати лет почти вся его жизнь была ограничена сначала больничной койкой, а потом – стареньким диваном, на котором он проводил большую часть дня и ночи. Правда, в деревне, где они жили до переезда к сестре, ему было куда как вольготнее. А здесь, в посёлке, доступным для перемещения оставалось только расстояние в двадцать девять метров, которые отделяли диван, на котором он спал, до скамейки рядом с домом. Но самостоятельно он мог добраться до своей скамейки только весной, летом и ранней осенью. С наступлением холодов всё его жизненное пространство снова сужалось до размеров дивана и телевизионного экрана.

Мама, а после её смерти сестра перестали выпускать его на улицу, ссылаясь то на дождь, то на снег, то на гололёд, а то и просто на тёмное время суток.

Такая ситуация сложилась с лета девяностого года, когда мама по настоянию сестры перевезла их в поселковое общежитие. Хотя уже через год по звонку из Рязанского обкома КПСС поселковый совет выделил им просторную двухкомнатную квартиру на первом этаже, он сразу же после переезда из деревни почувствовал себя как искалеченный зверёк, которого насильно запихали в клетку.

Правда, со временем он стал понемногу привыкать к тоскливой и однообразной жизни в поселке. И даже научился различать один день от другого не только по количеству выкуренных сигарет, но ещё и по тому, кто в этот день приходил к ним домой, звонил по домашнему телефону, от кого пришло письмо или открытка.

Потом один день стал отличаться от другого состоявшимися или нет визитами медсестры Веры, которая приходила сделать укол маме, страдающей диабетом. Со временем у мамы случился уже второй инсульт.

И всё же главной отличительной особенностью прожитого дня для него оставалось количество выкуренных в этот день си-

гарет. Бывали дни, когда он становился особенно ворчливым и раздражительным, и тогда он выкуривал по две-три пачки сигарет. Иногда по причинам, непонятным даже для него самого, он становился особенно задумчивым и молчаливым, и выкуривал всего лишь по несколько сигарет. В эти дни он даже не смотрел телевизор, который сделался для него едва ли не единственным окном в мир.

В зале стоял новенький японский телевизор «Шарп», который несколько лет тому назад привёз водитель брата как подарок маме на день рождения.

Может быть, в эти минуты он тщетно пытался найти ответ на вопрос, почему Судьба обошлась с ним так жестоко, ведь он родился вполне здоровым и был до 12 лет шустрым мальчишкой.

Случилось так, что в 1962 г. в последний день летних каникул, играя в прятки с ребятами, он упал с деревянного сруба.

Удивительно, но ему удалось встать на ноги даже раньше, чем, услышав истошный крик соседского мальчишки, к нему прибежала мама. Она даже не успела испугаться, как он взял её за руку и повёл домой.

Но потом, 1 сентября по дороге в школу, он неожиданно остушился и упал на спину. На этот раз ему не удалось встать самому. Его поднял отец и после окончания школьных уроков повёз в трясущейся телеге в районную больницу.

Там помочь не смогли, сославшись на необходимость срочной операции на спинном мозге. В областную больницу, которая находилась в 200 километрах от районного центра, он поехал с мамой в машине скорой помощи.

Потом была операция, которая, как показалось сначала, прошла успешно: через месяц брат уже встал на ноги. В больничной палате остро пахло лекарствами и грустью сидящих рядом родственников больных.

Вскоре его полюбил весь этаж больницы, может быть за то, что он всегда готов был пронести в палату запрещённые к проносу сигареты, конфеты и даже водку, а может потому, что он всё-таки был самым маленьким в палате.

Очень скоро соседи по палате научили его курить и даже несколько раз угостили домашним вином. Вино и водка ему не понравились, а вот привычка курить осталась.

Врачи и медсестры закрывали глаза на проделки брата.

Вернувшись домой в декабре, он стал жить как раньше: играл с ребятами в хоккей, катался на санках и даже помогал отцу пилить дрова. И только в феврале или в начале марта отец обнаружил, что у его сына на спине стал расти горб.

На этот раз в больнице брат пробыл недолго, ему сшили кожаный корсет, который, по мысли врачей районной больницы, должен был предупредить дальнейшее искривление позвоночника. Но почему-то не предупредил.

Поначалу, когда мама, глядя на него, плакала, он никак не мог понять – почему? Правда, потом летом он стал стесняться снимать с себя рубашку, и купался в речке уже в стороне от других мальчишек.

Несмотря на это, жизнь в ближайшие годы вроде бы не стала намного хуже. Он успел закончить восемь классов, и даже три года проучился в кооперативном училище. Ещё были два месяца практики на спиртзаводе в должности помощника бухгалтера.

Удивительно, но за все годы жизни в районном центре его никто не обижал. Может быть потому, что в годы учёбы он почти сразу же подружился с парнем едва ли не двух метров ростом, но потерявшим в детстве левую руку.

Он смог смириться с тем, что не такой, как остальные ребята. И согласился с мамой, что в мире немало таких как он. Они ведь тоже живут, работают, и некоторые из них даже имеют свои семьи.

Казалось, что может и он сможет жить также, ведь он получил хорошую специальность.

Но однажды в гололёд он снова оступился и упал на свой горб. После этого он опять попал в ту же самую областную больницу и, кажется, даже в ту же самую палату. Кажется, всё было, как и в прошлый раз, только возможность быстро ходить к нему в этот раз не вернулась.

И хотя теперь многое ему приходилось делать только с помощью посторонних, он ещё долго не терял способности радоваться жизни.

Но с каждым прожитым годом эта радость куда-то постепенно уходила. В особенности после того, как мама решила на переезд в посёлок, в комнату сестры в посёлковом общезжитии.

И вот теперь, сколько он не всматривался в утреннее небо за стеклом балконной двери, ему никак не удавалось разглядеть за ним чего-то такого, о чём можно было бы пожалеть и вспомнить в последний день жизни.

Словно в киноленте, перед глазами пронеслись наиболее яркие эпизоды его короткой, но многотрудной жизни. Вот ему три или четыре года, и они вдвоём с братом прыгают на кровати в длинных до пола белых рубашках. Но не от радости, а от страха, ведь скоро к ним придёт дедушка с длинным острым ножом для обрезания. Он почти не помнит, было ли ему после обрезания больно, помнит только то, что дедушке долго не удавалось остановить кровотечение.

А вот он идёт в свой первый класс в новом серёньком костюме с огромным букетом розовых пионов и новеньким школьным портфелем в руках. Кажется, что он опять слышит, как звенит его первый школьный звонок. Словно откуда-то из небесной высоты, он видит себя самого среди других первоклашек на школьной линейке. Вот их классный руководитель рассаживает детей по партам. Её она посадила рядом с девочкой Надей, у которой на голове огромный белый бант. Кажется, он опять вдыхает сладкий запах её волос и безнадёжно влюбляется в неё с первого взгляда. Как только научился выводить первые буквы, он написал Наде записку и положил её на школьный дневник. Правда, в слове люблю, вместо двух букв «ю» он написал две буквы «у». Прочитав записку, учительница рассмеялась, а за ней – весь класс.

Со слезами на глазах он тогда прибежал к маме, в последний раз. Больше никогда и никому он не жаловался на те нестерпимые обиды, которые приходилось ему терпеть в своей жизни.

Но тогда он уткнулся лицом в тёплые мамины ладони, и внезапно почувствовал, как ему на голову капают горячие мамины слезы. Подняв голову, он увидел, что мама плачет вместе с ним, словно она уже тогда предчувствовала, какая горькая судьба ожидает её старшего сына.

За окном потихоньку начинало светать. И смерть, по видимому, уже подступала к нему. Но он ещё успел вспомнить, как три года тому назад умерла мама. Как везли её тело в деревню, как оно, туго завёрнутое в белый саван, лежало в доме на кровати, а рядом с ним деревенский мулла громко читал свою молитву.

А потом на кладбище тело мамы сняли с чиназы и опустили в могилу, вырытую рядом с могилой отца, умершего ещё двадцать пять лет назад, над которой они с братом посадили куст рябины.

Внезапно в груди как будто что-то лопнуло, и он почувствовал, что пол под его ногами зашатался, и он упал. Видимо, на крик к нему подбежала сестра, которая тотчас же побежала звать соседку Веру сделать укол.

Но когда сестра вернулась в квартиру и забежала на балкон, было уже поздно. Он успел только тихо спросить сестру: «Неужели это всё?».

По словам сестры, причиной смерти нашего брата стал разрыв сердечной аорты.

Мы похоронили брата рядом с могилами отца и мамы. Кладбищенская земля после зимних морозов была сильно промёрзшей, но могилу вырыли и тело брата зарыли довольно быстро.

Похороны прошли без каких-либо проблем, во всяком случае, для меня. Почти все хлопоты, связанные с оповещением наших родственников и даже с организацией последнего омовения брата, взял на себя двоюродный брат.

Проводить брата пришло много тогда ещё молодых мужчин, которые тогда были его ровесниками. Все мы в тот день были на целых двадцать лет моложе, чем сегодня.

И всем нам тогда казалось, что смерть от нас бесконечно далека. Но каждый раз, когда мне удаётся побывать на нашем сельском кладбище, проходя мимо свежевырытых и не очень

могил, в которых лежат тела друзей моего детства, я убеждаюсь в том, насколько мы были неправы.

Сколько бы ни было отпущено человеку земной жизни, смерть почти всегда находится рядом. И, в сущности, страшно не это, страшно не быть похороненным в свой час в родимой земле с соблюдением всех традиций и ритуалов, переданных нам предками.

Особенно понятной мне стала эта истина в марте – апреле 2020 г., когда действовали наиболее строгие ограничения, введённые в связи с пандемией коронавируса, когда отдельных умерших людей хоронили в закрытых гробах, а, случалось, и вовсе кремировали, оставляя родственникам усопших возможность наблюдать за этим по видео.

И невольно думалось: а не наступило ли то самое время, когда живые будут завидовать мёртвым?

О чём мог думать и о чём мог вспоминать накануне своей смерти мой брат, я, разумеется, точно не знаю, но думаю, что вряд ли он вспоминал в последние минуты своей жизни обо мне. Ведь, как пелось в одной песне, мы с братом, так и «не поговорили» толком в нашей взрослой жизни, а вся его жизнь протекла «словно песок сквозь пальцы».

Я всегда как будто бы нарочно прятался от него за своими делами, вечно ссылаясь то на свои армейские командировки, то на занятость в судебных процессах. Вероятно, как насмешка мог выглядеть и мой роскошный подарок на его последний в земной жизни день рождения: модные осенняя куртка, джинсовые рубашка и брюки, которые он так никогда и не надевал, и которые после его смерти сестра отдала нашему двоюродному брату.

Вероятно, поэтому, что по прожитым годам я давно уже пережил своего брата, мне почему-то кажется, что по большому счёту я теперь «живу взаимы», за счёт несправедливо отнятых Судьбой у моего брата лет.

Игорь ЗУЕВ

Игорь Александрович Зуев – поэт, прозаик. Родился в 1957 г. на Урале. В 1974 г. окончил школу и поступил в МИСИ им. В.В. Куйбышева, а в 1979 г. защитил диплом инженера-строителя. Работал мастером-прорабом. В 1983–1985 гг. служил в рядах Советской Армии офицером. В 1989–1994 гг. учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Работал в журнале «Дружба», позже переименованном в «Россияне». Автор восьми поэтических сборников, включающих в себя как стихи, так и поэмы. Также публиковал в журналах и газетах рассказы, повести, новеллы, стихи. В 1997 г. в альманахе «Истоки» Молодая Гвардия РИФ «РОЙ» была издана киноповесть «Великолепные мошенники!».

Живёт в Москве.

ХРАМ НЕЗЫБЛЕМ СТОИТ...

РОДНЫЕ ИГРУШКИ

Человек воевал о сне,
Наяву спасая людей,
Как-то ночью приснилось мне:
Он уставший кормил лебедей.

Белых птиц с ладони кормил
И с улыбкой смотрел на них,
Вспоминая, как жизнь прожил,
Не оставив в беде одних.

В лютый холод, голодной зимой
Птиц спасал он, словно людей,
Не пройдя мимо бед стороной,
В то злосчастное время страстей.

А наутро на службу опять
Шёл дорогой судьбы своей,
Чтоб людей от смерти спасать,
Как голодных, в мороз, лебедей.

Дома Сашка в игрушки играл,
Что с работы отец принёс,
Где Владимир со смертью решал:
Будет жить или нет – вопрос?

Смерть хотела забрать одного
И другого у жизни отнять...
Но игрушки в руках его
Продолжали людей спасать.

ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА

*Моему отцу
Александру Фёдоровичу Зуеву*

И без меня бы взяли Кёнигсберг,
Но я там был с трофейным автоматом.
И будучи брюнетом, стал я бел,
Как мел, которым пишут все ребята.

Я в школе им писал на той доске,
Что памятною будет мне до смерти.
Писал: «Россия»,
И в моей руке
Мелок дрожал,
Вы в это слово верьте.

Как верил я,
Как верили друзья,
В грядущую
Нетленную победу,
Как и поныне верят сыновья,
Как будут вечно
Верить внуки дедам.

ХРАМ

Разбиваются волны
Холодной угрюмой беды
О скалистые стены
Могучего древнего храма,
И вселенские отсветы,
Богом зажжённой звезды
Исцеляют его
Нанесённые временем раны.

Храм незбылем стоит –
Богатырь древнерусских былин,
Прикрывая собой,
Рубежи, посечённые ветром,
И его благовест
Над судьбою жестоких годин
Вечным гимном любви
Прославляет седые рассветы.

Проносились года,
Тяжело проплывали века.
И летели в него
Супостатов калёные стрелы.
Им навстречу булат,
Силой грозной священно сверкал,
Выметая врагов,
За исконно родные пределы.

А когда по весне,
Воскрешение славя Христа,
Раздавался разлив,
Колокольного медного гуда.
Над страной богоносной
Сияла его высота
Перед взором туманным
Всего православного люда.

И тянулись к нему
Сквозь печали, как те журавли,
Что под осени плач
Покидают родимую землю,
Но устав от тоски,
В чужестранной постылой дали,
Возвращаются вновь,
Расставанье навек не приемля.

Горький дым от пожарищ
Ушедших веков не остыл,
Привкус пепла и слёз
Над зубчатой стеной и поныне,
Но хранят в вышине
Куполов золотые кресты,
Вознесённую к небу
Над Русью
Святую твердыню.

СВЯТОЙ ПАСХЕ

Христос воистину воскрес
С зарёй святого воскресенья,
Когда пролился свет с небес
Божественного вдохновенья.

Тогда мой взор стремился ввысь
В незримые досель пределы.
Оттуда для души неслись
Музы́ки огненные стрелы.

Там, в вечно тайной глубине,
Узрел я дивное блаженство.
То, словно песни пели мне,
Даря святое совершенство

Невидимый незримый хор
Птиц с ангельскими голосами.
О Боже! Музыка узор
Был будто соткан небесами.

И с тех заоблачных небес,
Как гром небесный над землёю,
«– Христос Воскрес! Христос Воскрес!»
Раздался утренней зарёю...

ПАМЯТЬ

Я помню дзот и линию огня,
Кульги дерев, как раны от пожарищ.
В отца стреляли, значит, и в меня,
И с ним был я, как боевой товарищ.

От жара в краске плавилась стволы
И ухала над лесом канонада,
И кровь застыла каплями смолы,
На форме, что давно не для парада.

Потом я помню сумку, красный крест,
И – облаками – белые халаты,
И свет гнилушки – солнца этих мест,
И Рай, куда шли отдыхать солдаты.

Шутили все, меж ними был отец,
Ему сказали: – Ты мастак лить пули...
Там у дверей стоял седой Творец
Отца назад из Рая повернули.

Просился он – куда, мол, без друзей,
Вдруг снова в бой, их не смогу оставить.
Но крикнул я своей силёнкой всей,
И Бог решил его назад отправить.

Кто скажет мне, что не было того?
Передо мной взрываются снаряды,
Засевшие осколками в него –
Былой войны
Смертельные награды.

Сергей КАРАТОВ

Сергей Фёдорович Каратов – поэт, прозаик. Родился в 1946 г. на прииске Тьелга города Миасса. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член МГО СП России. Автор четырнадцати поэтических сборников. Публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Смена», «Октябрь», «Москва» «Московский вестник», «День поэзии» и др. Член Союза писателей СССР с 1983 года.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

ЛАПОТЬ

У нас на Южном Урале по дороге от Тыелги к горе Ицыл ещё в конце шестидесятых можно было видеть редкие лесовозы, вывозившие длинные брёвна с хлыстами, то есть с макушками. Проходит такой хлыстовоз по нижней улице, натружено гудя и вздымая дорожную пыль так, что пешеходам приходится отбегать в сторону от серого облака. Прежде макушки отпиливали за ненадобностью и пускали на дрова. Обычные сосновые и еловые брёвна были короче и назывались «кругляк». Лесовозы с ними не выглядели такими длинными и неповоротливыми. Но леспромхоз хирел на глазах: вырубать стало нечего. А подсаживаемые деревца когда ещё нарастут и созреют до настоящего хвойного леса!

Бывало, взберёшься на гору, а все предгорья между Ицылом и Ильменами расчекрыжены делянами, откуда не один десяток лет страна вывозила строевой лес. На вырубках через год-другой нарастало такое множество земляники, что ягоду возили её эмалированными вёдрами. Ягода необыкновенно крупная, сладкая, душистая. Следом за земляникой эти же вырубки покрывались малинником, да так густо, что посаженные лесниками молодые ели и сосны едва-едва пробивались к свету сквозь буйные заросли березняка и осинника, в которых можно было встретить не только людей, но и медведей. Дорога к Ицылу была вся в жутких колдобинах и колеях, а местами, где сохранилась болотина, были проложены лежнёвки, сбитые скобами из затесанных сверху брёвен.

Около одного такого места над дорогой висел лапоть, привязанный на проводе, натянутом между деревьями.

На пике своей активности леспромхоз выдавал до сорока лесовозов в день. Тогда, сразу после войны, много народу вли-

лось в это производство. Люди месяцами поодиночке валили лес, обрабатывали брёвна от сучьев и сдавали свои деляны, получая бешеные по тем временам деньги. Но таких одиночек было мало. Они работали лучковыми пилами, пригодными для одиночек. Помню, как такой лесоруб-одиночка по фамилии Шигалин вырвался с деньгами на прииск Тыелга и несколько дней пропивал заработок, полученный ещё дореформенными купюрами. Они были большие, зелёные, и на пятидесяти и сторублёвках был изображён Ленин. Дорвавшийся до удовольствий Шигалин так напивался, что терял деньги, когда доставал их горстями из серых штанов. Потом падал рядом с магазином и спал прямо на обочине дороги. Незадолго до этого так же на прииске Тыелга гуляли старатели-золотодобытчики, которые по случаю хорошей выработки пиво заказывали бочками, а водку ящиками. Поэтому на подгулявшего лесоруба-одиночку смотрели понимающе.

А в массе своей лес выдавали большие бригады, куда входили вальщики, сучкорубы, трелёвщики. Последние делали это на лошадях, у которых была специальная сбруя, помогавшая цеплять ствол и тащить его к штабелю, куда эти брёвна укладывали с помощью вальков, наклонно уложенных толстых жердин, по которым с помощью багров люди вкатывали подвезённое бревно. А уже со стеллажа или штабеля лес загружали на лесовоз, тоже закатывая вручную брёвна на машину с прицепом. Потом закрепят уложенный гурт вторыми стойками, стянут стойки цепями, и машина трогается в путь по страшному бездорожью в город. В непогоду лесовоз мог забуксовать на подъёме, а шофёр один. Сам и песок подсыпает, сам и трос цепляет за дерево, если есть лебёдка. Случалось, что лесовозы опрокидывались с косогора, а внизу река сверкает и обрыв метров на двести...

Где-то в начале шестидесятых в леспромхоз начала поступать новая техника: красные трелёвочные трактора, гусеничные вездеходы, автомобили с повышенной проходимостью. Таким автомобилем был многопрофильный ЗИЛ-157, частью скопированный с американского «студебеккера». Этот трёхосный грузо-

вик хорошо зарекомендовал себя на тех бездорожьях. Из них и лесовозы наделали, и просто бортовые грузовики для перевозки людей. Натянут брезентовый тент сверху, повесят на борта деревянные скамейки – вот тебе и транспорт для рабочих. Это позднее сделали закрытые кунги с мягкими сиденьями и окнами по бокам. Но на таких кунгах рабочих леспромхоза не успели повозить. На них людей из рабочих окраин и дальних поселков возили в город на активно строящиеся заводы. Леспромхоз выдыхался. Ещё недавно завербованные люди, приехавшие на заготовку леса и поселившиеся в Тыелге и в деревеньке Индашты, где и находилась контора леспромхоза, начали было обзаводиться жильём, обосновываться по-настоящему в этих краях, а тут хрущёвская перестройка поломала эти планы. Кто-то наверху счёл нерентабельным заготовку леса на Урале, вблизи Миасса, и только что отстроившийся посёлок вынужден был бесславно закончить своё существование. Дома для рабочих, приехавших из разных краев на заработки, строили основательные: целая длинная улица – окна в окна – ряды новеньких рубленых пятистенков с большими печками – на две комнаты и кухню. Живи и радуйся. А тут реформа грянула. Тогда Хрущёв вместо пятилетки ввел семилетку, разогнал половину армии, развалил флот, слепил совнархозы: один центр на несколько областей. Тогда же погорели все областные издательства. Их тоже оставили из расчёта: одно книжное издательство на три области. Местным писателям стало в три раза труднее издавать свои книги, потому что тут же удлинились очереди. Я не помню все «прелести» тех реформ, но одно могу сказать, что для простого жителя страны любые перестройки, как... Стоит только какому-нибудь умнику оказаться у руля страны и произнести слово «реформа», у нашего народа сразу шерсть поднимается дыбом, потому что ничего путного от этих перемен ждать ему не приходилось. Наш народ всегда пребывал в страхе: не дай бог придет к власти очередной реформатор...

Так о чём бишь мой рассказ нескладный? Ну да! Леспромхоз был порушен. Люди опять снялись с насиженных мест и подались кто куда в поисках лучшей доли, если таковая им

хоть где-то ещё светила. Дома, которые простояли с 1954 до 1965 года, пронумеровали, разобрали по брёвнам и увезли куда-то. В поселке Индашты, что в переводе с башкирского звучит как «работа рядом с домом», остались только пара барачков, магазинчик, да два подворья лесников, которые ещё продолжали высаживать на вырубках хвойный молодняк, да следить за огромными массивами лесов, предупреждая древесные болезни и пожары. Индашты в пору рассвета называли Бикельградом, по фамилии директора леспромхоза, обрусевшего немца Бикеля. При нём тогда главным бухгалтером работал пожилой человек по фамилии Смолинский. Бухгалтер дядя Гриша был полным мужчиной приятной внешности, в очках, с тихим голосом, и был очень обходительный с людьми. Всегда, заглядывая к нам, он угощал меня леденцами или печеньем. Чем-то я приглянулся ему. Мы жили бедно, а у них с женой не было детей. Дядя Гриша просил мою маму отдать меня на усыновление. Так я мог бы вырасти в еврейской семье. Но моя бабушка, которая меня очень любила, отказалась отдавать своего внука в другую семью.

Индашты находились от Тьелги в километрах восьми, и туда я свободно стал добираться с семи лет. Одно время мама моя жила в леспромхозе. Я шел пешком и нёс ей в бидоне приготовленные бабушкой свежие пирожки. Вечером я играл с мальчишками в бильярд в местном клубе или смотрел кино. Посёлок не был снабжён электричеством, поэтому свет давал дизельный генератор, который тарыхтел до глубокой ночи. Люди шли смотреть кино или сходились на собрание после подмигивания электричеством: лампочка в любом доме погаснет три раза, значит, в клубе мероприятие.

Летом в жару ребятня купалась в запруде, которую специально сделали, перегородив речку Индаштинку. Вода была холодная, и в ней плавали древесные угли, которые остались вдоль берегов после углежогов. Уголь здесь прежде жгли для металлургического завода в Златоусте. В поселке кипела жизнь – со свадьбами, с новосельями, с празднованиями Нового года, с гуляньями летом на цветущих лугах.

*Как грустно без тебя
Как одиноко.
Душа моя
Частичку потеряла.
И я хочу,
Чтоб уходя далёко,
Она другое имя примеряла...*

В 1967 году мы ещё застали в Индаштах бледное подобие былой жизни, когда проходили к Ицылу со своей походной группой. В местном магазине мы купили недостающие продукты: мясные консервы, сгущённое молоко, вино, хлеб.

Где-то через год я в последний раз увидел лапоть, который висел над живописным участком дороги, по которой мы шли в сторону горы Ицыл, и дальше, к Таганая, за которым раскинулся город Златоуст.

Лапоть этот красовался здесь много лет. Почти все моё детство я проходил или проезжал в этих местах по ягоды и всё время обращал внимание на эту таёжную достопримечательность.

Мама мне рассказала, что сплел этот лапоть Лёшка Камалеев, который работал шофером и возил на своём бортовом грузовике рабочих на таёжные делянки и обратно. Посреди рабочего дня, слоняясь от одной бригады лесорубов до другой, он вспомнил старый опыт плетения лаптей. Липы тут хоть отбавляй. Надрал лыки и сплёл один лапоть, а на второй времени не хватило. Смена заканчивалась, народ домой надо увозить. Тогда он по дороге в Тыелгу остановил машину в этом месте посреди густых зарослей молодых лип, натянул проволоку с дерева на дерево и посередине повесил свой лапоть. Невысокого росточка, он тянулся с борта грузовика, а кто-то из коренастых мужиков подхватил его под мышки. Пристроив свое рукоделие, Камалеев спрыгнул с кузова, сел в кабину и тронулся, а лапоть так и остался. Все рабочие бурно отреагировали на появление такого необычного дорожного знака. Зато со временем он обрёл свою символику, сделавшись ориентиром

для определения дороги. Спросит у рабочих какой-нибудь ягожник дорогу к делянке, а кто-нибудь из мужиков отвечает, затягиваясь самокруткой:

– Дойдёшь до лаптя, а через пару километров свернешь влево. Там по лежнёвке придешь на 16 квартал. Малины – красно!

Лёша Камалеев жил выше нас по переулку со своей мамой, тоже худенькой и невысокой женщиной пожилого возраста. Незадолго до моего появления на свет у них в семье произошла трагедия: вернувшийся в середине войны муж приходил в себя после ранений. Был ещё довольно слаб. Истопила хозяйка самодельную баню-землянку на огороде, первыми отправила отца с младшим сынишкой. Да что-то всё нет и нет их. Мать хватилась и пошла проверить. Земляная баня с тяжёлой насыпью поверх подгнившей крыши обвалилась и придавила отца и младшего брата Лёши. Так они в один миг осиротели.

Лёша был взрослым, но он всё еще не был женат. Оденется после работы: просторный голубой костюм с галстуком, рубашка с накрахмаленным воротничком, ботинки, начищенные до блеска, и пойдёт в клуб. А я ещё пацан, мельницу строю около ручья и наблюдаю, как под струёй воды самодельное колесо крутится...

Лёша идёт мимо, приветливо здоровается со мной, шутит. А в выходной день возвращается он домой, в гору по переулку, и вид у него не такой вовсе. Лёша где-то выпил и пошатывается. Появляется моя бабушка и начинает шпынять его:

– Леший тебя заberi! Женился бы скорее, а не валял дурака. Мать переживает, что внука нет до сих пор. А у тебя одни компании да выпивка на уме.

Лёша понимает, что бабушка права, и не сердится на неё. У него красивое худощавое лицо, большие карие глаза, тонкая шея. Он гримасничает и крутит головой, покрытой пышными кучерявыми волосами. Когда он уходит, бабушка говорит мне: шут гороховый, больше прикидывается, что пьяный...

Видимо, Лёше нравилось производить впечатление на окружающих, что он настоящий мужчина. Моя бабушка дружила с бабой Катей Камалеевой. Они часто вместе пили чай из медно-

го самовара, который я с удовольствием брался разжигать по просьбе бабушки.

Я хоть и намного младше был, чем Лёша, но тоже часто с ним ездил на делянки. Особенно когда он пересел на трехосный ЗИЛ-157. Лёша мне рассказывал, как надо цеплять трос и включать лебёдку, если застрянет машина; давал порулить иногда. Однажды он удивил всех наших мальчишек, вернувшись с делянок без одного колеса. У него лопнул средний баллон, запаски не оказалось, а скаты одинарные. Пришлось Лёше домкратить среднюю ось, крепить её к раме на мощную проволоку в несколько скруток и таким макаром добираться с рабочими до дома. Меня удивило, что он сделал это один, без чьей-либо помощи. Откуда силы взялись в этом щуплом парне? Потом у меня пошла учёба в городе, отъезд в другие края, и видеть своих соседей я стал всё реже и реже. Позднее баба Катя умерла уже без меня, а Лёша Камалеев переехал жить в город. А ещё через некоторое время я узнал, что он уехал в какую-то теплую республику. Не знаю, как сложилась его дальнейшая судьба, но вот изредка нет-нет, да и вытащу из запасников памяти этот лесной пейзаж с ярким солнечным днем, с молодым густым липняком по обе стороны ухабистой таежной дороги, над которой висит лапоть, сплетённый Лешей Камалеевым из грубого немочёного лыка. И вижу счастливые лица рабочих, с гиком проезжающих в бортовом грузовике под этим необычным дорожным знаком.

ОХРА

Толя, темноволосый, угловатый мальчик, вертел в руке гусиное перо и ждал своего товарища Юру, который пошёл домой помочь матери прибраться в козьем загоне. Толя по своему опыту знал, что Юре надо вынести навоз в огород, постелить свежие опилки и принести из-под навеса душистое сено. Он сидел на пригреве, около развороченной бульдозером длинной и глубокой борозды, которая прошла вдоль невысокого, по-

крывающегося первой зеленью холма. Грунт с этого пригорка пошёл на ремонт дороги. Тут каждую весну дороги приходится отсыпать от леспромхоза до самого города. На пожарном депо трижды прогудел большой бронзовый колокол. Уже три часа, подумал Толя. Скоро парни на вечерний клёв снарядятся, а я тут дурака валяю.

Толе надоело сидеть без дела, и он спрыгнул в ров, в дно которого впечатались тракторные гусеницы. В одном месте он увидел, что грунт был необычного цвета. Он скорее напоминал подмалевок у местного художника Князева, который иногда выходил с мольбертом, как он говорил, «на пленэр», и рисовал пруд с гусями, а позади него обязательно синие горы. Рисовал главную улицу Александровского прииска, за которой тянулась другая улица с огородами, а позади сельского околотка синели горы. Рисовал дорогу с деревянным мостом через Поперечную речку, а позади широкой поляны обязательно синели горы. Так его и называли за глаза: Князев Синели Горы. Так вот, увиденный грунт очень заинтересовал Толю. Он нагнулся над этим разноцветным пятачком и стал ковырять его в разных местах: то оранжевое пятно колупнет ногтем, то жёлтое, то вишнёвое. Стал пробовать растирать на пальцах, получается очень гладкая на ощупь, влажная и красящаяся паста. Толя решил не ждать товарища, он отыскал пустую стеклянную банку, набрал в неё этой разноцветной глины и понес её к художнику Князеву. Тот жил в маленькой, но добротно выстроенной самим художником избушке недалеко от конного двора, где он и работал. Сегодня он не дежурил и был дома. На стук в дверь отозвалась жена Князева, которая улыбнулась Толе как старому знакомому и окликнула хозяина. Князев, крехая, вылез из погреба с крынкой сметаны. На его светлой сорочке, как аксельбант, повисла серая от пыли паутина.

Толя показал вышедшему во двор Князеву свою находку. Тот смахнул паутину, подтянул синие спортивные штаны и дружески похлопал по плечу Толю. Выпятив нижнюю губу, он повертел в руках банку, разглядывая содержимое с разных сторон, и сказал, что это охра. Толя слышал краем уха, что слово это как-то связано с красками, но толком не знал, как и где

она применяется. Князев тоже стал растирать между пальцами принесённые образцы и с удовлетворением щелкнул языком:

– Отличная вещь! Краски можно самому делать, сроду не будут выгорать. Это же природный краситель, понимать надо!

– Значит, я могу из этой охры краску сделать?

– Смотря для чего, – почесал в затылке лысеющий Князев.

– Чтобы карету свою новую покрасить.

– Ну, это проще простого.

Но Князев не сказал Толе, как надо приготовить масляную краску. Толя не остался в долгу и не стал раскрывать секрета художнику-любителю, где он раздобыл охру.

Поняв, что охру легко могут отыскать другие охотники до красок, Толя вернулся в свежий ров и присыпал обнажившееся под ножом бульдозера месторождение. Своему товарищу Юре он тоже до времени решил ничего не говорить. Вечером, вооружившись сапёрной лопаткой (подарок солдат, которым Толя помог ночью вытаскивать их самосвал), Савельев отправился на добычу охры. Его холщовая сумка, в которой он носил добычу, когда охотился на щук в Поперечной речке, пригодилась как никогда. С помощью фонарика он высвечивал нужные цвета и копал то тут, то там, на всякий случай набирая разные тона необычного минерала. Вдруг он тоже, когда вырастет, захочет рисовать картины, как художник Князев Синели Горы. Толя копал старательно, даже язык высунул от усердия. Не забыл он и о том, чтобы замести следы. Толя заровнял поверхность рва и даже воспроизвёл лопатой отпечатки траков. О месторождении свидетельствовал только взятый грунт с края бруствера, который Толя сбросил в ров для выравнивания ямок.

Наутро он показал бабушке образцы охры самых ярких цветов: апельсиновый, вишнёвый, рябиновый. Бабушка тут же смекнула, что это такое. Оказалось, что она знала, как надо делать краску из охры.

– Уральская земля богатая, здесь кто за чем пойдёт, то и найдёт, – сказала бабушка.

– А я-то, глупец, у постороннего человека рецепт краски искать пошёл, – стал корить себя Толя.

По совету бабушки, Толя понёс всю охру в баню и разложил её около печки, чтобы основательно высушить. Толкушку Толя выпилил и выстрогал из круглого берёзового полена. Возникла и проблема:

– Бабушка, мне сито надо, чтобы просеять охру.

– Охру ему просеять надо! Как же! Так я и дала тебе, чтобы ты испачкал сито, в котором я муку просеиваю.

– Я отмою...

Потом бабушка дала Толе подсолнечное масло и велела его прокипятить. В кипящее масло Толя стал засыпать мельчайший порошок вишнёвого цвета, – такую краску он захотел получить для покраски своей кареты. И вот краска готова. Толя показал мазки разной густоты, которые он нанёс на фанерку.

Бабушка долго разглядывала мазки, поправляя свои очки с привязанным к ним шнурком от жёлтого ботинка. Самый густой мазок ей понравился больше всего. Теперь можно было красить приготовленную к новой зиме карету на трёх коньках. У него будет самая красивая карета не только среди мальчишек из его шестого класса. Наверняка, у всех мальчишек из Александровского прииска не найдётся такой яркой кареты. Толя вынес кисть и краску, выставил из сарая сделанную им в эту весну карету на середину двора и начал красить, осторожно макая кисть в тёплую краску. Сначала он выкрасил нижнюю сторону, включая и перекладыны с деревянными колбышками, на которые прикручены на шурупы блестящие канадские коньки. Если краска попадала на конёк, то Толя брал тряпку и аккуратно удалял подтёки и кляксы. Верх кареты он покрасил особенно тщательно, да так и оставил своё изделие на солнцепеке, посреди двора.

И дед, вернувшийся с работы, и бабушка, и мама с сестрой, все наперебой стали хвалить карету за её цвет.

– А хотите, я пол в доме этой краской выкрашу, – предложил Толя. Он знал, как трудно было бабушке или маме мыть полы, которые никогда не красили, а при мытье тёрли с помощью проволочной терки и скребка, отмывая доски до их природной желтизны. Года три назад в их доме временно поселилась приезжая девица по имени Зося. Она никому не давала мыть полы.

Всегда сама наберёт в таз тёплой воды и начинает драить пол сначала в комнате, потом на кухне. Если Толя играет на полу с машинкой, то ему пришлось постепенно переползать из одной части дома в другую. Квадрат солнца из окна тоже скользит по полу и медленно передвигается рядом с Толей. А Зося закатит подол цветастого платья, широко расставит округлые ноги и старательно скоблит пол проволочной теркой, не обращая внимания на Толю. А ещё Зося запомнилась тем, что ко всем женихам она относилась одинаково сурово. Поглядит на парня с чубом из-под козырька, в широких брюках с манжетами, в ботинках, начищенных до блеска, скривит лоснящиеся алые губы и скажет: «Да на́ черта он мне сдался!» Ударение на слог «на» Зося делает особенно задиристо и непримиримо, так что жениху не остается никакого шанса на успех. А бабушка опять тихонько пойдёт подыскивать ей ухажера: уж больно хотелось сердобольной удачно выдать замуж полюбившуюся ей трудолюбивую и отзывчивую Зося.

Услышав предложение Толи, что он готов покрасить полы в доме, все женщины тут же согласились с ним. Все понимали, что мыть крашенный пол будет куда проще. Договорились, что дня три никто не должен мочить его, а Толя тем временем будет готовить краску. Для пола выбрали оранжевую охру.

– От неё будет больше солнца в доме, – сказала Толина мама. Она любила, чтобы в доме было светло, и стояли цветы в вазе, пусть даже и полевые. Никто не стал возражать против оранжевого цвета, и Толя пошёл на свое месторождение за одной оранжевой охрой. Опять высушил её в бане, размельчил и просеял. А бабушка дала ему денег на покупку подсолнечного масла.

– Зачем так много масла берёшь? – заинтересовалась продавщица тетя Надя, качая рукояткой насоса, вставленного в большую металлическую бочку. И вот из алюминиевой трубки сбоку полилась тягучая янтарная струя душистого масла. Толя загляделся и не сразу ответил рыжей, веснушчатой тете Наде, зачем ему столько масла понадобилось.

– Рыбу жарить, тетя Надя, я теперь её ловлю помногу, – приврал Толя.

– Какой молодец! – похвалила продавщица, подставляя под кран большую алюминиевую кружку и подавая бидон Толе.

– Смотри, не пролей, – сделала наказ тетя Надя, убирая полученные деньги в выдвижной ящик кассы.

– Не пролью, – сказал Толя и, попрощавшись, вышел в открытую настежь дверь. При виде янтарной струи у него потекли слюнки. Теперь он в первую очередь придёт домой, отрежет кусок чёрного хлеба, посыплет его солью и станет есть, макая в блюдо. Давно я таким макарон хлеб с маслом не ел, подумал он, спускаясь с высокого магазинного крыльца.

Дома он, дожёвывая сдобренный маслом хлеб, принялся разводить огонь в маленькой печурке, построенной дедом для летней готовки прямо с краю огорода. Удобно, никакой копоти и лишней жары в доме. Когда масло раскалилось в чугуне и начало кипеть, Толя поднял кухонным хватом чугунок и отставил его с плиты, закрыв огнедышащее отверстие чугунными кольцами.

Когда оранжевая краска была готова, Толя привёл бабушку, которая чистила картошку и подошла к расставленным красильным принадлежностям с забытым в руке кухонным ножом. Бабушка одобрила краску, макнув в неё указательный палец левой руки и проведя им по лежащей фанерке.

Оставалось вынести лишние предметы из дома и решить, кто и где в эту ночь устроится спать. Сестра ушла к подружке, мать захотела спать на сеновале, где ещё с зимы оставался небольшой запас листового козьего сена. А бабушка с дедом стали устраиваться в чулане. Толя решил, что после обеда накопает червей и сманит своего друга Юру на ночную рыбалку на Коряжистом озере. Там как раз хороший лов плотвы начался.

И вот пол в доме был выкрашен. Краска сохла на знойном летнем сквозняке довольно быстро.

Чай пили во дворе, поставив самовар на вынесенный из дома кухонный стол.

– Лишь бы дождя не случилось, – говорила бабушка, разливая чай из медного крана и оглядывая небо, на котором кое-где начинали собираться тучи.

Как и говорила Толина мама, пол в доме получился солнечным.

Уже на следующий день по полу можно было спокойно ходить. Как только внесли в дом вещи и все занялись своими делами, в дверь кто-то постучал. На стук вышла бабушка. Толя узнал голос её собеседника: это был Князев Синели Горы. Наверное, секрет приготовления краски решил раскрыть, подумал Толя. Он прошагал во двор, по-взрослому поздоровался с художником и позвал его в дом.

Князев Синели Горы изредка заходил к Савельевым, когда ждал автобус до города. Но это бывало зимой, когда лютый мороз гнал в первый же дом, находившийся вблизи от остановки. Тогда-то и заметил художник хорошенькую девушку Зосю. Хотя девушка и высказалась в своём привычном тоне: «Да на́ черта он мне сдался», но приглашение Князева посмотреть его картины она всё-таки приняла. Да так и осталась в его новом доме в качестве полноправной хозяйки.

Князев Синели Горы постоял с минуту, пока зрение после яркого солнца привыкало к помещению. Потом огляделся, и художник сразу же заметил, что в доме появился новый цвет – солнечный.

Тогда художник щелкнул языком и, нагибаясь и трогая пол, похвалил мальчишку:

– Отлично получилось, Толян. Сам додумался или кто подсказал?

РОБИНЗОНАДА

Мальчишки закончили девятый класс. Худощавые, угловатые. Красота не успевала овладевать их лицами – они менялись: у кого-то усеиваясь веснушками, у кого-то смуглостью первого в это лето загара, у кого-то покрываясь тёмным пушком вокруг верхней губы.

Высокий, с длинными руками, Федя торчал посреди лодки-плоскодонки и изображал мачту: он стоял на нижних концах

посеревшей ткани и держал растянутую кверху простыню, которая представляла собой парус. Алик громко хохотал, обнажая ровные белые зубы. Его голубые глаза сияли восторгом из-под кучерявых прядей, спадающих на лоб. Он брызгал, пригоршнями хватая воду из-за правого борта, прямо в лицо Феде, который упрямо продолжал держать парус и только игриво отворачивал лицо, при каждом фонтане брызг смешно закатывая глаза. Веня притулился на носу лодки и шарил руками среди листьев кувшинок и лилий, выискивая самый красивый цветок. Дима сидел на корме, и штыковая лопата, взятая во дворе хозяйского дома, служила ему рулевым веслом. Он тоже трясся от смеха, глядя то на Алика, то на Федию. Все их рубашки и штаны были мокрыми, волосы прилипли, а лица излучали небывалую радость. Ещё бы, они отпущены с трудовой практики на все четыре стороны до самого конца лета!

– Веня, ты у нас впередсмотрящий! – сказал Алик. – Держи команду в курсе дел: куда плыть, сколько и с какой целью?

– Будет сделано! – отчеканил Веня и воткнул в борт короткий нож с яркой наборной ручкой.

В отличие от своих друзей, Вене предстояло подумать о своём близком будущем, поскольку девятый он не закончил. Влюбился, забросил учёбу, а теперь предстояло нагонять упущенное.

Лодка под парусом хоть и не быстро, но двигалась по пруду, волоча за собой зацепившиеся водоросли. Веня смотрел на своё кривящееся отражение, космато свисающее с чёрного борта, и думал о своём... Вот он сейчас попросит команду причалить к ивняковому островку посреди пруда, и никто из его друзей не будет знать, что произойдет потом. А когда парусник отплывёт подальше, он войдёт в заросли и встретится с ней.

Веня давно уже хотел увидеться с Олей именно здесь, на острове, где их никто и никогда не сможет увидеть, где они будут совсем одни на маленьком жёлтом песчаном пятчке среди зелёной крепости из густых ив.

Вполне возможно, что там случится нечто такое, чего он ещё никогда не знал с Олей, но к чему уже больше года стремился всем своим существом. А его друзья будут беспечно плыть в

лодке, ни о чём не подозревая, поскольку они совсем ещё дети, в полной мере не познавшие полового влечения. Веня уже целый год был влюблён в белокурую девчонку с карими глазами и никак не мог найти с ней взаимности. Прошлой весной Оля как-то внезапно похорошела, сделалась такой статной, красивой, независимой. Впервые Веня почувствовал, что Оля – не просто девчонка из соседнего класса, а вполне взрослая девушка, у которой красивая длинная шея, тонкая талия и округлые бедра, проглядывающие из-под укоротившейся юбки.

Они играли в ножик на пригреве посреди парадного школьного крыльца, которым пользовались только по праздникам. Да ещё в солнечный день туда сбегались дети на время перемены. Веня подбросил перочинный нож, и он воткнулся в пол в виде буквы Г. Когда, смерив, сколько сложенных пальцев помещается между перламутровой рукояткой и полом, Веня поднял глаза и увидел фигуристую девчонку, он даже присвистнул при виде так внезапно изменившейся Оли. Та внимательно смотрела на игру парней в ножик, слегка выступив вперёд из девчоночьей компашки. Глаза их встретились, и тут Веня понял, что детские игры для него закончились навсегда. Подобно тому, как перегрев на солнце не даёт о себе знать тотчас же, а начинает сказываться ближе к вечеру, когда к раскрасневшейся коже нельзя притронуться, так и мгновенное восхищение девушкой обернулось непредсказуемыми последствиями лишь через несколько дней. Появилось желание увидеть её еще раз, и Вениамин пошёл разыскивать её в школьном саду, где ещё оставалось несколько дней садово-огородной практики.

– Лузин, – окликнула его ботаничка. – Ты чего это не со своим классом?

– Людмила Михайловна, разрешите мне поработать с этим классом, у меня здесь производительность труда будет намного больше.

– Почему же производительность труда будет больше?

– Здесь земля мягче, копать легче.

– Знает, где копать, – подмигивая приятелям, съязвил один из одноклассников Оли.

– Естественно, – отсёк Веня и посмотрел на Олю. Девчонка зарделась и сделалась ещё привлекательнее, чем прежде. С этого момента Лузин окончательно потерял голову.

Но практика быстро закончилась, и все незаметно разъехались кто куда. Матери Веня постеснялся сказать, что решил поехать в Середняково, которое находилось в часе езды от их посёлка. Соврал, что едет к приятелю в Непряхино. Даже взял бамбуковую трёхколенную удочку и рюкзак с котелком и продуктами для большей убедительности. Объяснил, что едет на рыбалку на непрахинские пруды.

– Лузин, откуда ты взялся? – удивилась Оля и испытующе посмотрела на парня своими карими глазами, столь нехарактерными для её белокурой внешности.

Вся его бывалость тут же пропала при встрече с ней, и Веня пролепетал бессвязно:

– Да так вот, порыбачить приехал.

– Это здесь-то? – удивилась девушка, – оглядываясь на мутный водоём у запруды, изрядно загаженный гусями.

– А что, вполне рыбное место.

– Ну да, здесь отродясь, никто не рыбачил, потому что рыбе неоткуда взяться.

– Неоткуда взяться, говоришь? – растерялся Веня и стал внимательно смотреть на свои пыльные ботинки.

– Ну что нос повесил? Пойдём к моей бабушке, молоком угощу.

– Да не-е, я не пью молоко.

– Тогда квасу налью.

– Вот разве что кваску...

От приглашения стало легко на душе. Лузин осмелел и внутренне просиял от удачного начала. Он даже не захотел останавливаться, чтобы высыпать из ботинок овёс, который набился всюду по дороге в Середняково. Веня долго голосовал на окраине своего строительного поселка, пока не остановился бортовой грузовик, в кабине которого уже сидели попутчики. «Полезай в кузов, – сказал усатый шофер, – в овсе мягко будет». Обложенный брезентом кузов наполовину был засыпан овсом.

На солнце он переливался золотистым блеском. Сыпучесть его была поразительная. Овёс насыпался во все карманы и щели, поскольку Веня то и дело погружался в него из-за дорожной тряски. Овёс этот напоминал зыбучие пески, в которых тонет всё живое.

– Ну, как доехал? – спросил усатый шофер, остановившись около ворот лесничества.

– Обалденно! – воскликнул Веня, проваливаясь до колен и с трудом выбираясь из кузова. – Никогда ещё не доводилось так ездить.

Когда он перелез через борт, наступил на задний скат и спрыгнул на землю, из него отовсюду посыпался овёс и от этого образовался солнечный круг на утоптанной земле.

– Для кого овёс? – поинтересовался Веня у лесничего, встречающего груз.

– Для лошадёнки и для лосей. Мы им тут в лесу кормушки оставляем для зимней бескормицы.

Квас оказался необыкновенно приятным в жаркий полдень.

– Спасибо за квас, – подавая кружку и глядя в глаза Оле, сказал Веня. – Пожалуй, я пойду.

– Куда ты сейчас в такую жару? Тут никакая рыба не будет ловиться. Посиди лучше здесь, в тени.

Отзывчивая, однако, с теплотой подумал Веня. И ему вдруг вообще расхотелось покидать Олю. Вот так бы сидеть под вишнями и любоваться ею, слушать её голос, прикасаться к её руке.

Но долго находиться в забытьи ему не пришлось: вскоре Оля обрадованно бросилась к калитке, около которой нарисовался высокий блондин в серой ветровке. Оля распахнула калитку, и рослый блондин, улыбаясь, выкатил из-за спины волейбольный мяч:

– Идём, там уже все собрались.

Оля тут же оказалась на улице, и они в обнимку отправились в сторону клуба.

Там у них волейбольная площадка, вспомнил огорчённый Вениамин. Оля ни разу не говорила, что у неё есть парень. То,

что они дружат, у Вени не возникло сомнения. Иначе как бы Оля пошла с ним по селу в обнимку?

«Вот тебе и облом! А я губы раскатал, думал, что девушка свободна. Она даже не вспомнила, что оставила меня в своем саду».

Стараясь не спугнуть кур, Веня прошёл к выходу, прикрыл калитку, накинув железный обруч на столб, и отправился к речке. Самым лучшим избавлением от волнений для Вени было какое-то дело. Не может быть, чтобы в горной речке рыба не водилась. Буду спускаться по ней до самого дома. В омутах и бочагах обязательно кого-нибудь выловлю. Веня знал, что в речке Тайнинке есть форели. Сам не ловил, но по слухам знал: форель берёт на дождевого червя. За огородом у лесника была перепревшая навозная куча. Самое то! – подумал Веня, закидывая в банку отменных навозных червей.

Веня ушёл из Середняково необычным путем: не по дороге через гору, а по речке, которая огибает гору и всё равно вытекает к окраине его поселка Тайнинское. По речке идти неудобно: то дерево, упавшее поперёк, то камни огромные, то заросли ивняка и ольхи такие, что обходить приходится по бурелому. После нескольких забросов удалось выудить парочку красавиц-форелек, тут сразу все обиды забылись на Олю.

Мало-помалу улов стал добавляться по мере продвижения вдоль бурной и прохладной Тайнинки.

Дома мать удивилась при виде его улова:

– С каких это пор на непряхинских прудах форель стала ловиться?

– Да я туда не доехал, – сознался Веня. – На нашей Тайнинке нашёл рыбные места.

– Тебе не рыбные места надо искать, а про учёбу думать, лоботряс несчастный! – отругала его мать, снимая передник и собираясь на фабрику.

До осени, когда старшеклассники из Середняково снова станут учиться в Тайнинской школе, ждать было долго, да и смысла не было: Оля всё равно принадлежит другому парню. А тут девчонка новая приехала, красивая и не задавака какая-

нибудь. Веня не растерялся и заговорил с ней первым. Вечером в кино позвал, а после провожал её в другой конец поселка. Там это и случилось с ним в первый раз. Проводил Нину и собрался уходить, вдруг та снова вышла за ворота и окликнула его. Он подумал, что девчонка решила спросить про планы на завтрашний день.

Оказалось, что она не захотела откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня... Они пробрались в чулан, где старая бабушка постелила Нине по её просьбе: дома жарко и мухи мешают. А тут – благодать.

Где бы они ни оказались: на речке, на бабушкином сенокосе, в грибном лесу – всюду Веня и Нина предавались восторгу от близости. Иногда он задумывался об Оле и отмечал для себя, что его кареглазая блондинка тоже занимается э т и м со своим рослым и улыбчивым парнем. И его коробила эта мысль. Он любил Олю и ждал её появления осенью.

Но девушка с карими глазами объявилась в Тайнинском намного раньше. Она пришла в клуб и при появлении Вени сама подошла к нему и сказала, что хотела бы завтра пойти с ним купаться. Веня так и опешил: скоро должна была прийти Нина. К тому же с ней уже была спланирована вылазка на сенокос, где надо было помочь Нининой бабушке перевернуть сено.

Веня не знал, что и делать. С одной стороны обещал Нине, с другой, любимая девчонка позвала в кои-то веки... Нет, решил он, надо соглашаться с предложением Оли, иначе другого случая может не представиться.

– Я приехала с оказией к своей хозяйке, привезла кое-какие вещи для зимы, а заодно тебя решила увидеть. А ты, Лузин, чего это тогда так быстро исчез из Середняково?

– А что мне было делать, если ты ушла с любимым парнем играть в волейбол?

– Да ты что! Это мой двоюродный брат, он приехал из Сибири. Мы с ним давно не виделись. Я его перезнакомила со своими приятелями, вот он и влился в игру.

– Могла бы и сказать...

– Откуда мне было знать, что ты тут же слиняешь? Ревнивец несчастный!..

– Ну, ты даешь! Меня же ещё и обвинила. Могла бы и меня на игру позвать. Нечто я волейбол не люблю!

– Что ты занудствуешь? Виновата, извини!

– Просто обидно, что столько времени зря пропало. Могли бы видеться.

– Так ведь увиделись, радоваться надо!

– И то верно, – согласился Веня. Взгляды их встретились, и от этого взора карих глаз Оли юноше стало удивительно легко и просто. Он притянул её к себе и поцеловал прямо посреди улицы. Оля даже опешила от такой прыти, но только прошептала обескуражено:

– Ты что? Нас же все видят..

Зато на острове, на котором Веня сошёл с плоскодонки, шедшей под парусом, их теперь не видел никто. Парни дружно зубоскалили над Веней, приписав ему синдром Робинзона Крузо. Особенно усердствовал Федя:

– Мыслитель нашелся, ему, видите ли, одному побыть захотелось!..

– От компании отбиваться не есть хорошо! – вставляет своё слово Алик и улыбается.

– Да он не иначе как скит решил на острове построить и грехи свои замаливать, – высказал своё предположение Федя.

Дима тоже не удержался, чтобы не съязвить по этому поводу:

– Вари уху, схимник, а мы за водкой слетаем...

– Да ладно вам, плывите себе, остряки-самоучки тоже мне!

Вот Робинзон и на месте, облегчённо вздохнул Веня. Теперь надо искать свою Пятницу.. Да, здесь уж точно нас никто не увидит. Тем более что и пруд находился на самой восточной окраине посёлка, где близ берега стояли всего два дома, да конный двор около речки Тайнинки. В одном из домов, в котором жили старик Кутиков с бабкой и селилась на время учёбы Оля. Она обещала приплыть сюда на надутой автомобильной камере,

на которой в качестве сиденья были привязаны две доски. Веня знал это плавсредство: на нём старик Кутиков обычно проверял свои мережки по утрам.

Он вполголоса окликнул её, но Оля не отвечала. Заглянул на свой заветный, закрытый от взоров пляж, обошёл все закутки, но девушки нигде не было.

Наверное, ещё не приплыла, – решил Веня и присел на сухой кочке у кромки воды. Прошло с полчаса. Солнце припекало всё сильнее. У Вени в душе закралось сомнение: вдруг Оля обманула и ни на какой остров плыть не собирается. Сидит себе у стариков Кутиковых и чай распивает.

Знал бы, что задержится, удочку бы прихватил... Но прошёл час, а Оля не появлялась. Тогда Веня связал одежду в узелок, взял его в левую руку и, подгребая одной правой, поплыл к берегу. У Кутиковых Оли не оказалось. Старушка сказала, что Оля недавно ушла на перекресток, чтобы на попутке уехать к себе в Середняково.

Ничего себе, подумал обиженный Веня. Вот уж поистине женская логика!

Без всяких объяснений умотать, даже не оставив записки. Он мучительно ломал голову, пытаясь понять причину её странного поведения. Постой, а вдруг это происки Нины, ведь он должен был сегодня увидеться с ней и пойти на их покос...

Войдя в дом Нины, он увидел, что девушка на покос не ушла, а стоит у стола и гладит бельё. При его внезапном появлении Нина опешила и нечаянно обожгла руку об горячий утюг.

– Ой, извини, пожалуйста, кажется, обожглась, – виновато промолвила Нина и побежала к аптечке, чтобы замазать ожог каким-то снадобьем. Она ничем не выдала своего недовольства, что он не появился с утра, как и обещал, а зашёл чуть ли не к вечеру, да еще и стал причиной мелкой неприятности.

Выяснив, что Нина сама по себе ни в чем не замешана в отношении Оли, Веня ушел, раздосадованный тем, что не на ком было сорвать свою злость.

А главное было непонятно, как это получилось, что Оля вдруг ни с того, ни с сего взяла и слиняла к себе домой. Хотя с

вечера она была такая ласковая, внимательная. И целоваться с ней было одно удовольствие...

Да, брат, неудачная получилась робинзонада, пришел к весьма неутешительному мнению Веня. Теперь надо ехать в Середняково и непосредственно у самой Оли выяснить причину её очередного каприза. А может, кто-то из доброжелателей нашептал Оле про мой роман с Ниной. Вот уж на нём я бы отыгрался сполна! – сжал свои увесистые кулаки Веня. Но это могла быть и девица какая-нибудь, которая симпатизирует Оле. Может, сидит с ней за одной партой. Или просто дружит во время учёбы. Кто бы это мог быть? Нет, дорогой мой, тут концов не найдёшь. Пожалуй, придется опять выбираться в Середняково.

Казалось бы, чего еще надо? Нина такая прелестная девчонка, всё при ней. Ан нет, втемяшилась эта Оля со своими причудами и хоть ты тресни, никак нельзя без неё! После вчерашнего вечера вообще голова кругом...

По-моему, она всё-таки чего-то недоговаривает относительно того блондина с волейбольным мячом. Если он ей приходится двоюродным братом, то с какой стати она ходила бы с ним с обнимку? К тому же он должен был быть в их доме, а не притащиться откуда-то с другой улицы. Просто она водит меня за нос, считая несмышлёнышем, которого можно легко обволакивать мнимой лаской и обманывать на каждом шагу. Надо ехать и выяснять всё на месте. Может, даже этому блондину фингал поставить для пущей важности. Пусть знают, что я умею постоять за свою честь.

Накрутив себя окончательно подобными размышлениями, Веня наспех проглотил обед и, ничего не говоря матери, отправился на развилку дорог, чтобы там сесть на попутную машину до Середняково. Развилка находилась на южной окраине Тайнинского, которое заметно опустело после закрытия лесхоза, а народ, который селился в этой части поселка, разъехался кто куда. При приближении к развилке Веня увидел Олю, идущую навстречу, и очень удивился: она не уехала.

Оказалось, что больше часа Оля прождала попутку, а когда подъехал грузовик, то молодой водитель так нахально повёл

себя с Олей, что она испугалась с ним ехать и решила вернуться. А на остров не поплыла потому, что камеру Кутиков проколол во время осмотра рыболовных снастей.

– А остаться и сказать трудно было, почему не появилась на острове?

В конце концов, могли бы просто в лес уйти и пикничок устроить.

– Честно говоря, я боялась оказаться с тобой наедине.

– Почему?

– У тебя вечером был слишком решительный вид. Я подумала, что обманешь меня и бросишь, когда я тебе надоем. Все вы, парни, такие...

– Откуда у тебя такие выводы и обобщения, – не скрывая удивления, спросил Веня.

– Оттуда... Я должна признаться, что обманула тебя: тот блондин не брат мне, а друг. Вернее, был другом. Теперь мы разбежались. Он студент-медик на практике в нашем селе.

Веня тоже хотел признаться о связях с Ниной, но решил отложить разговор до более благоприятной обстановки.

– И что же мы тут стоим? – сказал Веня. – Может, найдём лодку на пруду и махнем на остров?

– Давай!

– Только теперь я тебя и на шаг не отпущу от себя.

– Какой же ты все-таки решительный у меня. Я даже боюсь...

– Бояться надо нерешительных. Слишком долго они запрягают, так что с такими вообще никуда не доедешь.

Марина КОПЫЛОВА

Марина Леонидовна Копылова – поэт, прозаик. член МГО СП России. Родилась в г. Йошкар-Оле, окончила Московский Полиграфический институт в 1990 г. по специальности «Издательское дело, Журналистика», в 2016 – магистратуру ВГИК по специальности «Кинодраматургия». Работала корреспондентом и кинообозревателем в различных СМИ, преподавала фольклорное традиционное пение и театр, иллюстрировала и издавала книги, автор пяти книг, Лауреат II Международного Конкурса им. С.В. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2010 г.)

Живёт в Москве.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Рассказ

...Я тут написала кучу дурных стихов непонятно о чём, наверно, оттого что всё внутри съехало, – вдруг и навсегда...

Когда мы сегодня расстались с тобой, там, в лесу, у автобуса, я поцеловала тебя куда пришлось (пришлось в лоб), и ты осталась внизу, за стеклом, и махала мне рукой, мы улынулись друг другу, как старые приятели, которые не очень опечалены расставанием и говорят весело: «Ну, пока!» – и я потеряла тебя из виду, а ты пошла назад, и когда я затолкнула сумки на сиденье, и автобус ещё не тронулся с места, я бросилась к заднему стеклу и всматривалась в уходящую вдаль улицу, но не видела тебя в ней... Тебя нигде не было, – я испугалась. Автобус ещё стоял, а я думала: зачем мы с тобой изо всех сил бежали эти последние сто метров, боясь опоздать на него? Ты – словно в этом автобусе хранились последние в жизни надежды, обгоняя меня, чуть сбоку, справа, неловко, по гравию, в длинном старомодном плаще; а я – по тому же гравию, но грациозно и слегка небрежно (так мне хотелось или казалось...).

И вдруг я увидела твой плащ на повороте – большой, колоколом, слегка нелепый плащ, серый, и большие мужские сандалии. Ты шла размашисто и деловито. – Это ты покидала меня, а не я тебя. Автобус стоял, а ты уходила. А я впились глазами в тот кусочек поворота, и теперь хотела догнать тебя и зареветь от собственного великовозрастного самостоятельного ничтожества. Но перед прыжком нельзя долго раздумывать и долго смотреть назад. – Я не выскочила и не догнала тебя: ты была уже слишком далеко и, наконец, скрылась за деревьями, и автобус тронулся... И я первый раз в жизни возненавидела город!

Теперь уже полночь. Отец спит, я не могу. Обрезала себе чёлку твоими маникюрными ножницами, но не помогло, не полегчало, гармония утрачена.

Сегодня утром, застилая постель (это было наше первое утро в твоём профилактории), ты сказала: «Мне кажется, ты сегодня не уедешь». Я ответила, что не знаю: мне не хотелось уезжать из леса – и оставаться не хотелось тоже. – А было всего лишь утро. Вернее, так: я не могла найти себе здесь занятие на следующий день и боялась, что он просто повторит первый, – мне было скучно. Да, да... именно «скучно» – это стыдное состояние. Ничьей вины в этом нет, просто я слишком взбалмошна. И я ответила на твой скрытый вопрос: не знаю, посмотрим.

Но Господи! Сколько же было потом глупости и хамства за этот день тебе от меня!

Ужас начался ещё раньше. Едва продрав глаза, я услышала тревожный звон сквозь шум утреннего леса за окнами. Ты на соседней кровати спросила ласковым голосом: «Манюня, проснулась? Одевайся, пойдем за молоком на станцию!» – «А завтрак во сколько?» – спросила я. – «В полдевятого, – ответили с третьей кровати. – А магазин открывают в девять». – «Значит, не успеем?» – «А мы тогда ещё раз, после завтрака, сходим!» – предложила ты, и это был выход!

«Вот ещё, шляться туда-сюда! – рывкнула я, борзо переворачиваясь сбоку на бок, и добавила, игнорируя наступившую в палате тишину: – Мне мозг нужно тренировать, а не ноги».

(Да именно так: «Мне мозг нужно... а не ноги»... – Потом весь день удивлялась: откуда это? из чего выродилась эта дикая фраза?! Наверное, от той случайной знакомой в очереди на консультацию в ГИТИС, студентки Московского Архивного института, – у неё был чудовищный логический темперамент! С чего это я вдруг «бабахнула», прямо даже с её интонацией и даже, кажется, её мыслью?! «Тренировать мозг», всё время тренировать и тренировать, – это единственное, что осталось от разговоров с ней).

В палате стояла глубокая тишина, – и день как-то сразу провалился для тебя, ещё не начавшись. Да? Ну, да. Я приношу тебе

одни страдания и ненавижу себя за это! Я ведь всё понимаю, только уже после, когда всё сказано, сделано, сломано. – Это как легкомысленно проданные летом с книжного лотка, в детстве, твои «Лисы в винограднике» Фейхтвангера и подаренные мне на день рождения в 10 лет «Денискины рассказы» Драгунского; как вероломная уборка на твоей полке в шкафу однажды, – когда ты после работы пришла и открыла шкаф, чтобы достать чистое бельё, – и вдруг осела на ручку кресла и заплакала, потому что ничего не могла найти... Я все время навязывала тебе свою ревизию, свой порядок. «Лисы в винограднике» – к кому они ушли в нашем городе?.. Я потом узнала, что ты привезла их от тети Али, из Ленинграда, это было твоё приданое на свадьбу с отцом... А «Денискины рассказы» – я их, знаешь, за эти годы выучила наизусть, и подумала: ну, вот что они лежат мёртвым грузом, пусть ещё кто-то прочтёт! И приклеила белый форзац с дарственной надписью клеем к обложке по периметру.

...Потом, когда мы заправляли кровати и когда за завтраком сели за разные столы спиной друг к другу, я ненавидела себя и думала: всё, пора уезжать, иначе моим глупостям не будет конца, – день-то большой...

Но утром мы пошли за молоком на станцию. Лесом... Я обалдела, потому что не видела настоящего леса уже три года, ела на ходу молодые сосновые побеги, как меня отец научил когда-то, и болтала всякую чушь, и опять почему-то о своих болезнях, хотя ты ещё в палате возмутилась: «Слушай, сколько можно говорить о болезнях?!» – Но я ответила, что хочу понять, отчего они проходят! А потом я забываю всё моментально. – Ты была озадачена моим ответом и затаилась. Почему-то я продолжаю говорить сама с собой, – видимо, это привычка одиночества, после года работы дворником в Москве. – Но как и о чём теперь говорить с тобой – не знаю... Мне казалось, что после твоей операции на зуб ты тоже ищешь каких-то выходов из болезни в здоровье, но – не с кем об этом проговорить... А оказывается, ты не хочешь говорить об этом. Или не хочешь – при них, при чужих? Но вот мы вдвоём идём, – а ты молчишь, словно они – рядом идут...

О чём с тобой говорить?! Со всем остальным миром я уже почти окончательно разучилась говорить на 23-м году жизни, – а тут, в этом «детском» счастливом лесу с пионерскими лагерями вокруг... язык развязался, и рядом оказалась ты! Самое страшное, что – я вдруг поняла! – что мне в данный момент было даже всё равно, кто идёт рядом, только бы он меня выслушал. И за это «всё равно» я возненавидела себя больше всего в этот день: но я не представляю, не знаю своего собеседника, который рядом: кто он, о чём он, что он ждёт от меня в ответ? Мне это и не важно сейчас. Я могу поранить. Даже тебя. И тебя – наверняка! – Сердца, что ли, во мне нет?..

...И точно, всё началось с моей фразы: «шляться взад-вперёд».

А ты потом весь день словно извинялась, словно считала себя виноватой. Я же в те часы на мир смотрела сквозь зелёные очки, и то, что сейчас вызывает слёзы и приступы совести, тогда вызывало улыбку, хотя веселья не было, а с юмором у меня плоховато, – то есть я совершенно почти без..., и поэтому мне говорят: «Ты сильная». – Ну, а что ещё скажешь такому «жирафу» хорошего. Но ты сегодня была сильнее, когда уходила от меня, со станции.

...А в обед, когда мы вместе возвращались со станции, и я не знала, чем открыть стеклянную бутылку сока, ты так истово начала её открывать о забор соседнего туберкулезного санатория, что я засмеялась: «Мам! Ты бутылку открывай, а не забор ломай!» – Заборчик в самом деле раскачался от твоих ударов. (Ты, наверно, вспоминала, как тебя закармливали яичницей с помидорами после блокады и детского дома, чтобы окончательно вылечить от туберкулеза, вот силушка и проснулась).

А потом мы ходили на «родник», чтобы вымыть мне голову. – Одно название, что родник, – там что-то текло из болотца такого ржавого цвета, железа было много. И голову не промыли. Со всем. Ходила как мочалка весь день. – Вот теперь даже за этим надо – домой! Ты тоже расстроилась и робко предложила взять таз и насыпать туда соды. – Совсем от отчаяния.

У меня, скотины, не хватило духу сказать хоть что-то хорошее тебе, чтоб утешить. Голова чесалась, как под колпаком!

Потом, когда я ехала домой в этом чёртовом автобусе, меня тянуло назад, я редела и редела без слёз: кого жалела? Себя, наверно, иначе ведь не редут. Точно, себя! Хотя и тебя было тоже жалко. Точнее... мне жалко себя в тебе. Весь вечер реву-хожу по дому...

Батю дома застала совсем больным, и ещё стала жаловаться ему, но объяснить, на что (?!), толком не смогла. Он понял только, что у меня совесть не чиста, и надо просить прощенья. У кого-то.

...«Оставайся!» – сказала ты сегодня (или уже вчера?) на мою тираду о желании жить в лесу, в этом профилактории, как в пионерском лагере, в детстве, хотя бы неделю. Ты именно «сказала», – а не «попросила». Ты опять сильнее меня. – А я ответила: «Нет, мне надо в город, надо делать уколы отцу...» – И таким образом, мы обе были «сильные» и «независимые», и с юмором у нас стало – совсем никак.

...Мы шли на станцию, был уже вечер, и моя тяжёлая сумка – у тебя в руках, а лёгкая – в моих, и туча комаров, и страшный грозовой свет над сосняком, и тишь мёртвая, и только когда мы шли через белый-белый песок... белый песок... три раза прокуковала кукушка...

И ты тогда ещё спросила о картоне: подошел ли он мне. Как будто так и должно быть, что ты мне носишь особый плотный картон для рисования с твоего завода. (А я только сейчас, дома, увидела его, – вот когда вошла в комнату, увидела. Он... как маленькое чудо, как «Неженка», оставленная тобой в холодильнике для меня! Ангел мой, мамочка...)

– Он гнутый, – ответила я тебе.

– Гнутый?! – испугалась ты. (Мам! Ну, кто говорит с человеком в спину?! Я же не вижу, что у тебя на лице, не вижу, что ты остановилась, как вкопанная. Ну, не вижу я этого всего!)

– Он гнётся, когда намокает, – видимо, намок где-то...

– Значит, тебе ещё толще нужен?! – ужаснулась ты на полном серьёзе.

– Да ничего мне не надо, – буркнула я. – Я в Москве пять кусков грунтованного картона купила.

(А я хоть представила, как ты выносила эти куски пресс-картона через проходную военного завода? Скотина...)

И мне вдруг действительно стало ничего не надо. Вот передо мной лежат краски. Отличные краски, лучшие на свете – «Нева»!!! – А я смотрю на них с ужасом и страхом, мне не хочется их открыть. Мне вообще их не хочется... И каждый раз теперь, когда случается их все же открыть, – а я это делаю всё реже, – я боюсь, что скоро это желание пропадет навсегда, я остыну к рисованию окончательно: рисовать, как дилетант, больше не хочу, а как профессионал... не решаюсь и не знаю... у них там свои заморочки, они узнают «руку профессионала» сразу... Ох, как страшно заглянуть в свою внутреннюю пустоту! И, что самое грустное – оттуда, из чистого белого листа, больше ничто не выходит мне навстречу... А раньше выходила летящая рыжая собака, дерево... много всякой красоты... А из этого картона – ничего.

...Два часа ночи. Воскресенье. Я не сплю, что-то ещё тебе хотела написать. Да! Отец согласился поехать к тебе сегодня в гости, «если будет хорошая погода». Пожалуй, это будет последнее воскресенье, когда мы будем все вместе. Но всю ночь почему-то идёт дождь. А отец в понедельник уйдёт в больницу на операцию. А у тебя кончится отпуск. А на улице дождь.

Да, вот, наверно, что. Мы, мам, с тобой «сильные», а батя «слабый», а сейчас и подавно. Когда мы с тобой сходимся, видимо, кто-то один должен хотя бы притворяться слабым, иначе это как жизнь на гвоздях. Или попробовать договориться о «равноправии». Как-то. Я попробовала это ему проговорить...

– Какое равноправие!? Она ж мать тебе! – вскрикнул батя и схватился за бок.

И он прав.

Но невыносимо жить от одного сознания, что ты всех мучаешь. То есть я мучаю вас, а не ты, – не торопись обижаться-то! Блии! Когда любишь – всегда мучаешь... Это и в классике везде

написано! Так получается. Потому что не слышишь того, другого, кого любишь. Не слышишь, когда любишь сначала, только когда отойдёшь далеко... Мне страшно сказать тебе: «я люблю тебя, мама»... – но ведь после этого надо же сразу что-то сделать, чтобы человек рядом с тобой от этого хотя бы не страдал, как от кислоты. – Я не понимаю, как всё это объяснить....

Вчера батя показал мне грязный кусок чего-то, – оказывается, воска. Ему двадцать три года, даже двадцать четыре, он с той телефонной станции, где вы с батей познакомились.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, публицист, критик, переводчик. Родился в 1966 году в г. Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работает в Московской городской организации Союза писателей России. Член Правления Союза писателей России, член Правления МГО СП России. Главный редактор литературно-исторического журнала «Великороссь», журнала «Московский Вестник» и газеты «Московский Литератор». Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан, Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия. За заслуги в развитии отечественной культуры дважды удостоен Благодарности Президента РФ.

Живёт в Москве.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПОЭЗИИ МАХТУМКУЛИ ФРАГИ

*Доклад на Международной конференции
«Кладезь мудрости Махтумкули Фраги»,
прошедшей 17–18 мая в Туркменистане в связи
с 300-летием со дня рождения великого поэта
и мыслителя туркменского народа.*

В 2024 году Туркменистан и вся мировая литературная общественность отмечают 300-летие со дня рождения Махтумкули Фраги – величайшего национального поэта и мыслителя туркменского народа. Это знаменательное событие имеет большое значение и для России. Нашу страну связывают с Туркменистаном давние межгосударственные отношения, а также искренняя дружба, обусловленная долгим и плодотворным существованием в составе единого государства – СССР. Народ России с большим интересом относится к яркой и самобытной культуре Туркменистана, важнейшей частью которой является литература.

Махтумкули Фраги – один из мировых гениев поэтического слова. Его литературное наследие является духовным сокровищем Туркменистана, и в то же время неотъемлемым достоянием общемировой культуры. В его стихах органично сочетались традиционные – культурные и религиозные – ценности и представления туркменского народа и поэтическое дарование национального поэта. Имя и творчество Махтум-

кули является концентрированным выражением духовного богатства и самобытности Туркменистана. Его стихи занимают в жизни туркменского народа место, сопоставимое с тем, какое занимает в жизни народа России творчество русского национального гения Александра Сергеевича Пушкина. Выразив в своем поэтическом творчестве мировоззренческие установки и духовные поиски своего времени, Махтумкули поднял их на высокую ступень обобщения и стал ярким выразителем национального туркменского духа в художественном слове. По этой причине его поэзия пользуется неизменной любовью и благодарным признанием туркменского народа на протяжении более чем двух столетий.

В России творчество Махтумкули хорошо известно благодаря талантливым переводам и переложениям целой плеяды русских переводчиков туркменской поэзии, таких, как Арсений Тарковский, Георгий Шенгели, Марк Тарловский, Юлия Нейман и мн. др., посвятивших свой труд благородной задаче – тому, чтобы стихи Махтумкули зазвучали на русском языке с максимальным сохранением своего смысла и духа. В советский период поэзия Туркменистана многократно издавалась и переиздавалась в переводе на русский язык, и центральное место в этих изданиях неизменно занимало творчество Махтумкули – как наивысшая точка развития туркменской национальной поэзии.

В литературоведческой науке и до настоящего времени нет полного единства во взглядах на жизнь и творчество Махтумкули. Исторические сведения о его биографии, дошедшие до наших дней, скупы и подчас противоречивы, поэтому суждения о его творческом пути и жизненных обстоятельствах во многом имеют гипотетический характер. В настоящее время работа по установлению исторической истины продолжается, и сегодня, на основании новейших исследований, принято считать годы жизни Махтумкули Фраги 1724 – 1807. Родился поэт в селении Хаджи-Говшан, в предгорьях Копетдага. Первым учителем и наставником Махтумкули в деле литературного мастерства был его отец, также великий туркменский поэт и мыслитель

Довлетмаммед Азади. Окончив начальную школу, Махтумкули рано приобщился к тяжёлому крестьянскому труду, а впоследствии – к ювелирному мастерству. В дальнейшем поэт получал духовное образование в медресе, в разных районах Средней Азии – в Керки, в Хиве и в Бухаре. Одновременно он постоянно совершенствовал себя в литературном мастерстве. Уже в зрелые годы поэт выбрал себе псевдоним Фраги, что означает «разлучённый».

Говоря о творчестве Махтумкули, необходимо отметить ключевые факты его биографии, оказавшие влияние на формирование личности его лирического героя. Личная жизнь поэта не удалась, что наложило неизгладимый отпечаток на все его творчество. Махтумкули полюбил девушку по имени Менгли, но, по причине недостаточного богатства и неспособности заплатить требуемый семьёй его возлюбленной калым, не смог жениться. Имя красавицы Менгли красной нитью проходит через всё творчество поэта. До конца своих дней он не смог окончательно примириться со своей личной драмой, которая вдохновила его на написание страстных стихов-гимнов красоте и другим достоинствам своей возлюбленной. По дошедшим свидетельствам, впоследствии он женился на вдове Ак-Кыз, от которой имел двух сыновей, которые умерли в раннем детстве.

Стихи, посвящённые родному брату, навсегда покинувшему Родину и канувшему в неизвестность, проникнуты глубокой скорбью и невозможностью примириться с потерей. Поэт призывает брата вернуться домой, к семье, и в то же время старается осмыслить глубину своей утраты. Следует сказать, что в большей степени поэт, сам склонный к далеким путешествиям, страдает именно от неизвестности о судьбе брата. Призывая его вернуться, Махтумкули тоскует об обретении полноты своего рода, без которой он не может обрести внутреннего равновесия. Стихи, посвящённые брату, как и стихи о Менгли, являют собой недостижимые образцы высокой лирики.

В то же время, общественно-политическая обстановка в Туркменистане того времени также складывалась весьма дра-

матично. Постоянная вражда племён и родов, феодальные междоусобицы, агрессия со стороны внешних врагов, проявления социальной несправедливости – всё это не могло оставить равнодушным сердце поэта и налагало отпечаток на тональность и содержание его творчества. Махтумкули остро переживал характерную для его эпохи национальную разобщённость, и эта боль накладывала отпечаток на его творчество, когда он писал: *«Желая успокоить сердце, направляюсь в разные стороны. / Но всюду вражда – душа омрачается туче прежнего»*. Противоречия между жестокостью мира и идеалами гуманизма были постоянными мотивами поэзии Махтумкули. Любовь и сочувствие к народу, приверженность принципам социальной справедливости и равенства всех без исключения людей являются основополагающими принципами лирического героя Махтумкули Фраги.

Махтумкули много путешествовал, что нашло отражение в его стихах. Он странствовал по Ирану, Афганистану, Кавказу, Средней Азии и другим, более отдалённым местам. Путешествия не только расширяли его кругозор, но и обновляли его впечатления, стимулируя его творческое воображение, вдохновляя на написание новых стихов. Его стихи изобилуют географическими названиями, именами исторических персонажей и сюжетами народных сказаний. Ярко выраженной особенностью творчества Махтумкули является его душевная широта и открытость навстречу всему миру. Будучи патриотом Туркменистана, искренне и горячо стремящимся к укреплению единства туркменской нации, он испытывал искреннюю симпатию ко всем народам, и в этом отношении поэт также стоял на высоком уровне культуры, в рядах передовых людей своего времени.

Махтумкули Фраги утвердил классическую туркменскую поэзию, создал недостижимые образцы стихосложения, на основании которых происходило дальнейшее развитие туркменской поэзии. Традиционная туркменская поэзия, как и поэзия азиатского Востока в целом, развивалась в рамках канонов, необычайно разнообразных, но имеющих ряд общих внешних

признаков и ограничений. Творческий гений Махтумкули наполнил традиционные формы новым содержанием. Его лирический герой достиг высокой степени исповедальности и эмоционального воздействия, не прерывая связи со сложившимися традициями, но напротив, укрепив их и задав новую высокую планку для развития.

Необходимо сказать о стилистических особенностях поэзии Махтумкули. Классическая туркменская поэзия, развивающаяся в русле единой среднеазиатской традиции, в значительной степени обусловлена внутренним ритмом стихотворения и поэтическими рефренами, утверждающими ключевые образы того или иного поэтического текста. Стихи Махтумкули буквально переполнены поэтическими образами, которые переливаются, подобно волнам в море, создавая неповторимый поток почти визуальных впечатлений. Поэзия Махтумкули воздействует на читателя многообразно – через смысловое наполнение, через звукопись, через воображение, через мысль и через художественные символы. Как подлинно великий мастер, Махтумкули до многих уровней поэтического прозрения доходит интуитивно, повинувшись внутреннему чутью художника. Соприкосновение с подобными прозрениями оставляет впечатление истинного чуда. В туркменской литературе и до Махтумкули были талантливые поэты, оставившие достойное наследие потомкам, но литературный язык прежних времен был архаичен, отмечен иноязычным влиянием, что затрудняло его восприятие простым народом. Махтумкули стал в стихах говорить со своими современниками на понятном живом языке, соответствующем реалиям текущей действительности. В этом состоит его новаторство, его революционная роль в развитии туркменской литературы.

Поэзия Махтумкули дифференцируется тематически, раскрывая различные ипостаси его лирического героя. Следует отметить, что его лирический герой неразделим с личностью поэта, и его переживания есть переживания самого Махтумкули. Искренность любовных признаний, пафос патриотических призывов и проповедей, исповедальность религиозных откры-

вений, горечь от разочарований и потерь – все эти и многие другие элементы поэзии Махтумкули обусловлены обстоятельствами его действительной жизни, как внешней, земной, так и внутренней, духовной. Выше уже говорилось о том, что несчастная любовь стала вечным спутником его лирического героя. Внимательно прослеживая внутреннюю логику этого горячего и безнадёжного чувства, читатель обнаруживает, что Менгли из стихов Махтумкули уже давно не тождественна той земной девушке, к которой неудержимо влекло молодого поэта, а являет, по сути, некий возвышенный идеал, подобный Беатриче – возлюбленной Данте, или Лауре – возлюбленной Петрарки. Таким образом, в образе Менгли, порождённом частным фактом биографии Махтумкули, нашла выражение одна из фундаментальных традиций мировой поэзии, подарившая человечеству ещё один незабываемый образец возвышенной, бескорыстной и безнадёжной любви. Поэт страдает, ревнует, воспекает, упрекает, умоляет – и каждое слово его исполнено глубокого искреннего чувства. Эта страница творчества Махтумкули особенно близка каждому человеку, независимо от национальности и эпохи.

Особое значение в творчестве Махтумкули имеет тема патриотизма, также проходящая через весь его творческий путь. Гражданская позиция поэта обладает объёмным характером, затрагивает все главные аспекты бытия туркменской нации. Поэт призывает туркменские племена к единству, чтобы в едином порыве противостоять внешним врагам. Махтумкули понимает, что без национального единства невозможно сильное государство. В своих призывах к единству он прибегает к самой многообразной аргументации – и к лучшим человеческим качествам, и к требованиям религии, и к чувству самосохранения народа. Только при достижении общественного согласия, основанного на братском сосуществовании и принципах взаимопомощи, на уважении к религиозным ценностям, можно достичь подлинного единения народа и государства, способных противостоять внешним вызовам. Эти идеи особенно актуальны сегодня, в нынешнем расколе мира. Поэзия Махтумкули даёт ответы

на вечные вопросы бытия, подтверждая свою неизбывную значимость.

До недавнего времени не было точно установлено количество сохранившихся оригинальных произведений Махтумкули Фраги. Не сохранилось даже автографов поэта, все источники дошли до нашего времени в виде списков, а также в виде устной традиции. К сожалению, часть его стихов была уничтожена еще при жизни поэта, при драматических обстоятельствах, когда враги напали на него и на его сородичей. Это событие отражено в ряде стихотворений поэта. Можно с сожалением предположить, что, по воле судьбы, мы оказались лишены значительного количества его произведений. Однако и сохранившегося оказалось достаточно для того, чтобы обеспечить Махтумкули место в ряду великих поэтических гениев человечества.

Махтумкули являет собой подлинно народного поэта, никогда не терявшего связи с устной традицией народного творчества, с нуждами и бедами простых людей, горячо переживавшего все беды и горести своего государства. Нельзя не отметить неразрывную связь его стихов с народным фольклором. Это важнейшее качество стало одной из определяющих причин, по которым талантливый поэт превратился в фигуру общенационального значения. Только органичная связь с народом, с его чаяниями и стремлениями, способна наполнить формы литературного таланта живым гуманистическим содержанием и сделать поэта подлинно великим. Афористичность многих стихов Махтумкули, меткость определений, свежая художественная образность – эти и другие достоинства способствовали широкому распространению его творчества в народной среде. О неразрывной связи поэзии Махтумкули с народной жизнью свидетельствует то обстоятельство, что его стихи органично прижились в устной традиции народного творчества. Многие его стихи исполнялись бродячими певцами – бахши, и именно через их песенное творчество дошли до наших дней.

Заслуги Махтумкули Фраги перед туркменской литературой неocenимы. Туркменский литературный язык в его произведе-

ниях обрёл новую силу, новые стилевые средства. Будучи великим поэтом, он оставался живым человеком, яркой личностью, патриотом, глубоко неравнодушным к судьбам своего народа и своего Отечества.

Народ России чтит память национального гения туркменского народа – великого Махтумкули и его бессмертное поэтическое наследие.

МАХТУМКУЛИ ФРАГИ (1724—1807)

СМЕЛЫЙ ЗА ОТЧИЗНУ ЖИЗНЬ ПОЛОЖИТ...

ЖИЗНЬ ПРОШЛА...

Жизнь моя прошла в одной печали,
Рок бездушный труд мой уничтожил.
Книги мои в реку побросали,
Я смотрел им вслед и жизнь итожил.

Нас враги внезапно захватили,
И друзей побили беспощадно.
Книги, что написаны мной были,
Унесло водою безвозвратно.

Выпала кому-то рабья доля,
Многие остались здесь, рыдая.
Кто за злато выпущен на волю,
Ведь за жизнь – цена недорогая.

Обошлась судьба со мной жестоко,
Горько голова моя поникла.
Ведь унесена была потоком
Жизнь, что мной была сокрыта в книгах.

Те на правый путь смиренно встали,
Тот продолжил мирный труд на благо.
Кто-то будет век ходить в печали,
Чтоб без слёз не сделать уж ни шагу.

И терзаться буду я до смерти,
Рок коварен, лжив и беспощаден.
За какие я грехи в ответе,
Просветите, братья, Бога ради?!

НЕ ЗНАЮТ ТЕБЯ

Только ты краса и счастье, но душа тебя не знает,
Мир заполнила собою, но и мир тебя не знает.

Тайно в реку испытаний своего пловца отправил,
Всех вокруг пытал я встречных – ни один тебя не знает.

Будет грех тому, кто скажет, что не от тебя всё в мире,
Путь твой дальний, путь нелёгок, край родной тебя не знает.

Всё вокруг, земля и небо, красоте твоей покорно,
Ты властительница мира, только мир тебя не знает.

О тебе тоскует море, бури, штормы поднимая,
О тебе оно слыхало, но оно тебя не знает.

И земля молила небо, безнадежно сомневаясь,
Как найти тебя, молило, но никто о том не знает.

Вот Махтумкули смиренно у знакомых вопрошает.
О тебе сказали много, но тебя они не знают.

Я ХОЧУ ИЗВЕДАТЬ СЧАСТЬЕ...

Красота лесной поляны, ароматный мой цветок,
Коль сорвёшь его – увянет, так не будь к нему жесток.

Я грехами крепко связан, люди были злы ко мне,
А душа моя рыдает, нет покоя и во сне.

Нитки жемчуга на шее, на устах её слова,
Я любви жестокой жертва, так зовёт меня молва.

Ты жеманна и прекрасна, стан твой словно кипарис,
Надо мною ты смеёшься, утоляя свой каприз.

В страсти яростной сгорая, я твоей любви прошу,
А в душе тоска блуждает, я любви своей страшусь.

Я хочу изведать счастье, позабыть про смертный час.
Не боюсь судьбы жестокой, лишь огонь бы не угас.

О Фраги, ты словно птица, есть охотники повсюду,
Улетит душа из тела, ей в могиле тесно будет.

СКАЖИ!

Ветер! Брату, что в разлуке с домом брошенным, скажи!
Что рыдает о потере, обо мне ему скажи!
Тот, кто дома дни и ночи необласкан был, скажи!
Где теперь он, неизвестно, ты найди его, скажи!
Позабытому Всевышним, изнемогшему скажи!

Что случилось с ним – не знаю, догадаться не спешу,
Душу бедную терзаю, слёз вовек не осушу.
Все отдам богатства мира, но на брата погляжу,
Коль враги его пленили, рассказать о том прошу.
Мой недуг – неизлечимый, ты про то ему скажи!

Разлучив его с Отчизной, мрак судьбу мою покрыл,
И отец, и мать в печали – то ли жил он, то ль не жил.
Он разлукой неуместной, как руками, их душил,
Я опять от этой мысли свои очи прослезил,
О моей душевной боли свету целому скажи!

Жизнь моя давно распалась, и куда теперь бежать?
Отвернулись херувимы, мне б в земле теперь лежать.
Оторвали мне и крылья, не могу теперь летать,
Пуст карман мой, и за брата нынче нечего мне дать.
О душе моей убитой свету целому скажи!

Чтоб заблудший возвратился, я молюсь и день и ночь,
Слёзы очи льют рекою, не могу прогнать их прочь.
Наступили дни разлуки, мы в игру вовлечены,
Мы с моим родимым братом навсегда разлучены.
В двух мирах моя опора, духу светлому скажи!

БРОВИ ТВОИ

Я красавицу увидел – черноброва и нежна,
От красоты её в смятенье в небе Солнце и Луна.

И не жаль расстаться с жизнью из-за этой красоты,
Стан такой и грудь такую никогда не видел ты.

Увидав её улыбку, слыша голос девы юной,
Молкнут арфы безнадёжно, кротко умолкают струны.

Для влюблённого прекрасней всех земных она красот,
Час разлуки в сердце друга пламя адское зажжёт.

Взор её во всех влюблённых разжигает пламя страсти,
И поэт теряет голос, пред её повержен властью.

Красотой она способна соблазнить и сатану,
Если только пожелает, на войну пошлёт страну.

Я, Махтумкули смиренный, лишь Всевышнему молюсь,
Пред Аллахом лишь единым в этом мире я склонюсь!

ЗАПЛАЧУТ

Грудь мою тоска сдавила, неизбывная тоска,
Сам могучий наш владыка плачет, глядя на меня.
Боль в душе моей таится, злая ноша нелегка,
Всякий встречный зарыдает, лишь посмотрит на меня.

Юность в старости припомнишь, и заплачешь иногда,
И богатый станет бедным, и к нему придёт беда.
И гора растаять может Божьей волей без труда,
Даже камень зарыдает, тот, что около меня.

На печальный вздох ответят все, кто близко подойдёт,
Люди смолкнут удивлённо, слон бездушный упадёт.
Тигр окажется бессильным, вместо волка станет кот,
Даже птицы зарыдают, лишь посмотрят на меня.

Стыдно мне порой бывает за подобные дела,
К благам мира равнодушен, я не вижу этих благ.
Нет друзьям моим покоя, да простит меня Аллах,
Все друзья мои рыдают, лишь посмотрят на меня.

Нам страдать велел до смерти наш Создатель навсегда,
И страдать без всякой меры нам назначила судьба.
Соловьи молчат весною, петь не могут от стыда,
И мороз свирепый плачет, лишь посмотрит на меня.

Кто не любит, не страдает, не рыдает по ночам,
Тот любви ещё не знает, лучше для него молчать.
Путь угаснет для любимой жизни скорбная свеча,
И мертвец заплачет даже, лишь посмотрит на меня.

Говори об этом смело всем вокруг, Махтумкули.
Коль беда пришла – рыдаешь, и бледнеет скорбный лик.
И счастливый раз хоть в жизни каплю горьких слёз пролил,
Плачут и богач, и нищий, лишь посмотрят на меня.

МОЙ АЗАДИ

Заглянул к себе я в душу, что как гость в моей груди.
И она покинет тело в час заветный, Азади.

Как предвестник той разлуки, ветер небо бороздит,
Десять лет о милом брате я рыдаю, Азади.

Сколько я бродил, скитался – годы, годы позади,
Сад засох, цветы поникли – вышло время, Азади.

Что за страшное страданье, свет померк, тоска в груди,
Льются слёзы без предела в ожиданье, Азади.

Я искал в краю далёком средство горе усладить,
О моей беде по миру ходят слухи, Азади.

О моём тяжёлом горе всем поведают в пути,
Но судьбы своей бояться я устал, мой Азади.

Я, Махтумкули смиренный, говорю тебе – приди,
Потерял я волю к жизни, я устал, мой Азади.

НЕ НАСТУПИЛА ДОЛГОЖДАННАЯ ПОРА

Завлекла меня в ловушку беспощадная судьба,
Не настанет для страдальца долгожданная пора.
Не могу терпеть разлуку у погасшего костра,
И пока не наступила долгожданная пора.

Сорок минуло, терпенье уж исчерпано моё,
Сердцу больно от сомнений, и сегодня – как вчера.
Безнадёжностью глухою переполнено житьё,
И пока не наступила долгожданная пора.

Вот пришла беда неожиданно, взбудоражила народ,
Всё в разрухе повсеместно, всё больней из года в год.
Словно пёс, что мою руку то укусит, то лизнёт,
И пока не наступила долгожданная пора.

Бедняка не замечают, на него не бросят взгляд,
Никогда в его карманах золотые не блестят.
Он всегда к земле привязан, несчастлив и небогат,
И пока не наступила долгожданная пора.

Злой завистник в сердце копит только зависть для людей,
Даже на себя не тратит, чтоб богатству стать крупней.
Нет в его богатстве блага, с каждым годом он бледней,
И пока не наступила долгожданная пора.

Лицемеры правду ложью, не смущаясь, нарекли,
Всех лжецов они в халаты в благодарность облекли.
Их бессмысленные клятвы вновь за истину сошли,
И пока не наступила долгожданная пора.

Лицемеры показали, каковы они в делах,
Нам всечасно говоря, что заповедал так Аллах.
А лжецы нас поучают, как достигнуть высших благ,
И пока не наступила долгожданная пора.

Пусть слова твои пронзают всех лжецов, Махтумкули,
Чтоб лжецы и лицемеры снова совесть обрели.
В дальний край лететь хочу я, коль Всевышний исцелит,
Но пока не наступила долгожданная пора.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мыслью о родной Отчизне пробудился я, мой друг,
Получил неожиданно вести я о родине, мой друг.

И душа бунтует в теле, не найдёт она покой,
Душу посвяти народу, честь и жизнь свою, мой друг.

Долго страсти бушевали, вот терпению конец,
Прояснился мой рассудок, словно парус в море, друг.

От улыбки мимолётной счастье с радостью идёт,
И в минуты ожидания так же счастлив я, мой друг.

Всё в округ благоухает, всё в сиянии садов,
Жизнь прошла, но не настала для меня весна, мой друг.

Хоть Всевышний осчастливил смертных милостью своей,
Только я один несчастен, не был счастлив я, мой друг.

О Фраги, ведь слёзы с кровью льются из твоих очей,
Лишь улыбка глаз любимых в жизнь вернёт тебя, мой друг.

ПОСМОТРИ!

Если хочешь ты узнать джигита,
Ты о нём порасспроси любого.
Прежде, чем с джигитом тем водиться,
Посмотри, как крепко держит слово.

Если ты в поход идёшь далёкий,
Если победить ты хочешь в битве,
Выбери коня, чтоб был высокий,
И его с пристрастьем осмотри ты.

Если у тебя динар найдётся,
Грудь не открывай для ветра злого,
А невесту выбрать соберёшься,
О её семье узнай ты строго.

Меч и конь – джигита всё богатство.
Он сплеча врага рубить желает.
Хочешь видеть, как он ценит братство –
Посмотри, как он гостей встречает.

Одному богатство дал Всевышний,
У другого – пусто за душою.
Но ко всем приходит смерть неслышно,
Всех она уводит за собою.

Не любим Всевышним жалкий скряга,
От него и братья убегают.
Любят тех, в ком щедрость и отвага.
Трус же – первым битву покидает.

Трус семь раз в бою погибнуть может,
Только дома он глядит героем.
Смелый за Отчизну жизнь положит,
Своё имя славой он покроет.

Деспоты о жалости забыли,
И народ нещадно грабить стали.
Дьяволу все душу заложили,
Деньги в рост давать друг другу стали.

Сатана лишь одного желает –
В грех ввести того, кто слаб душою.
Он людей от веры отлучает
И влечёт в пучину за собою.

Смелый не чуждается веселья,
Может погасить в душе обиду.
Не таит он ненависти в сердце,
Нет у злобы в сердце у джигита.

На чужбине, с близкими в разлуке,
Можно и с чужими подружиться.
Нужно подавать лишь честным руки,
А людей нечестных – сторониться.

ПОМИЛУЙ МЕНЯ!

О Аллах, помилуй, Всемогущий!
Жизнь моя прошла в тоске, в печали.
Я грешил, как каждый, здесь живущий,
Этим я сегодня огорчаюсь.

Если не простишь меня в день судный,
Что ж, Аллах, тогда я буду делать?
Путь мой был мучительным и трудным,
Я играл судьбой своею смело.

Нет сил, чтоб устремиться в бой мне,
Злата нет, что б мог раздать я бедным.
Но душой и сердцем я с Тобою,
Будь же Ты ко мне, Всевышний, щедрым.

Люди все хотят иметь богатство,
Мне ж пошли сокровищ Ты духовных.
Не хочу я видеть святотатства,
Не оставь меня в миру греховном.

Раб я Твой, Тебе судьбу вверяю,
Давший жизнь мне, дай мне и спасенье!
Я, Махтумкули, к Тебе взываю,
Чтоб простил мои Ты прегрешенья!

Перевод с туркменского Ивана ГОЛУБНИЧЕГО

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

КАК ВОСПИТАТЬ ЧИТАТЕЛЯ? ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Круглый стол

2024 год Указом Президента РФ В.В. Путина объявлен Годом семьи в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей. В Год семьи особое внимание уделено сохранению традиционных семейных ценностей. К ним относятся любовь, верность, уважение, взаимопонимание и поддержка. Эти ценности являются основой крепкой и счастливой семьи. Крепкая семья – это залог стабильности и процветания общества.

Важной проблемой семьи является образование детей, и в том числе воспитание в них желания и необходимости чтения книг.

В МГО СП России состоялся Круглый стол на тему: «Как воспитать читателя? Проблемы семейного чтения». Публикуем мнения участников этой встречи.

Татьяна КОТИ
писатель, член МГО СП России

ЧТЕНИЕ – ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЯ

Как бы ни привычна была эта фраза нашему уху, однако именно в ней и заключена вся правда об образовании и воспитании наших детей. Сохранение любой нации и народности в любой исторический период невозможно без языка, культурных традиций и генофонда. А язык должен развиваться и устно, и письменно. Ибо если письменных источников не остаётся, пески времени всё заметают, и в памяти народной, в лучшем случае, остается лишь имя народа, когда-то жившего на этой земле. И примеров тому множество. Существование письменности подразумевает и наличие навыка чтения, и передачу знаний, и морально-нравственные законы общества. Вот и получается, что через чтение мы сохраняем себя, свою идентичность. Человечество сумело прочитать клинопись на глиняных табличках, и теперь мы знаем самую древнюю поэзию на земле – шумерский эпос о Гильгамеше. Мы прочитали новгородские берестяные грамоты, и оказалось, что в девятом веке практически всё население города, включая детей, было грамотным.

Обучение чтению, настрой на чтение ребёнка – это задача не только родителей или школы, но и важнейшая на данный момент задача всего общества и власти. Ребёнку трудно само-

му сидеть и читать, а ещё и обсуждать, и анализировать прочитанное. Дети хотят играть, гулять, общаться с друзьями. Поэтому, естественно, чтение должно заинтересовывать и постепенно превратиться в привычку. Проблема чтения возникла не случайно сегодня, когда различные электронные игрушки и приборы, интернет занимают все внимание, а придуманные на скорую руку герои интернет-мультфильмов и сериалов влияют на поведение и моральные приоритеты детей. Дети быстро попадают в зависимость, и родителям практически невозможно этому явлению противостоять. Тем более что цензуры теперь не существует, и какой контент заложен в произведения, чему эти произведения учат, какие ценности закладываются в подсознание, обычно родители серьёзно не проверяют. Ребёнок занят – и хорошо! Вроде ничего страшного не смотрит. Какие-то мультяшные герои что-то кричат, скачут, стреляют – и ладно. Взрослые работают, им некогда смотреть детские передачи. Бабушки и дедушки живут обычно отдельно, и особого влияния на воспитание и развитие детей в наше время не оказывают. И ребёнок остается один на один с интернетом, который может завести его куда угодно, в любой дремучий лес исполнения желаний с неизвестными последствиями.

И, исходя из сегодняшних реалий, государству стоит уделить детскому чтению повышенное внимание и не пускать решение этой проблемы на самотёк. Сказав ребёнку: возьми книжку и читай, добиться успехов невозможно. Думаю, настало время новых подходов к обучению чтению, и чтению осмысленному, вдумчивому; нужна несколько другая методика, подразумевающая вовлечение ребёнка в процесс активного чтения. Учитывая свой многолетний педагогический опыт, я полагаю, что необходимо уже с детского сада приучать детей к книге, научить уважать и книгу, и труд и талант писателя. Нужно на занятиях часть времени выделять на чтение детьми вслух и про себя разных художественных произведений, обсуждать прочитанное, т.к. часто дома дети не успевают прочитать заданное, им не хватает времени сделать все уроки. Дети перегружены, школьная программа пытается вложить в детские головы всё больше и больше

информации, а это неверный подход. Пришло время по-другому учить детей.

Школе необходимо перестраиваться. Для ребёнка чтение – это труд, а не удовольствие. Задача педагогов превратить этот процесс в увлечение, в радость ожидания встречи с любимым героем. И отбор книг должен производиться тщательно и вдумчиво. Книги стоят дорого, далеко не каждая семья может позволить себе покупать книги. Но читать надо именно бумажную книгу, по старинке, разглядывая иллюстрации. Электронные книги здесь не помощники. Скорее, эти книги – дорожный или туристический вариант для любителей чтения. У детей необходимо развивать творческое мышление, воображение, интерес к прочитанному. Дети имеют прекрасную зрительную память. Чтение повышает общую грамотность, малыши легко запомнят правильное написание даже трудных слов. Чтение влияет и на развитие устной речи, помогает правильно выстраивать фразы. Не зря древние греки говорили: «Кто красиво говорит, тот красиво мыслит». Библиотеки могут помочь в этом школе. Когда-то советская школа этим занималась, и результаты были впечатляющими. А сегодня очень хотелось бы услышать, как наши дети говорят: Читать – это модно! Читать – это круто!

Книга

*Ты никогда не будешь одинок,
И никогда ты не узнаешь скуки,
Когда возьмёшь, как драгоценность, в руки
Духовной мудрости божественный исток –
Любимой книги тёплые страницы.
С восторгом прочитаешь пару строк,
И разум, как обычно, восхитится,
И диалог опять возобновится
С героем, что ступил на твой порог.
Ты никогда не будешь одинок!*

Наталья РИТТИНА
писатель, член МГО СП России

КНИГИ ТРУДНО ЗАМЕНИТЬ «КЛИПОВОЙ» ИНФОРМАЦИЕЙ

В наше время, когда технологии захватывают нас всё больше, особенно важным является вопрос: нужны ли современным детям книги?

По моему мнению, работа с книгой – по-прежнему важная часть программы развития личности. Чтение – это не только возможность для подавляющего большинства получить новые знания, но и способ развить в себе воображение, речевые навыки, грамотность, критическое мышление и даже эмпатию! Поэтому книги трудно заменить «клиповой» информацией из Инета.

Что я, – педагог по своей основной профессии, – могу посоветовать родителям, заинтересованным в том, чтобы их ребёнок полюбил читать книги, – как привлечь к книге внимание ребёнка?

Мои советы очень просты!

Во-первых, предлагаю использовать детскую любовь к играм!

Создайте для своего ребёнка особый «уголок для чтения»! Уютный! С мягким креслом или пуфиком, яркими диванными подушками и пледом...

Такой «уголок» может стать для вашего ребёнка настоящим «магическим местом», где он с удовольствием будет проводить

время с книгой. Особенно если вы сами составите ему компанию и почитаете книгу вместе.

Во-вторых, покажите своим детям пример.

Если они видят, что вы увлечены чтением, то, скорее всего, захотят читать книги тоже!

В-третьих, выбирайте книги, которые будут интересны вашему ребёнку.

У каждого человека есть свои предпочтения. И наши дети – не исключение!

Интересуйтесь, чем увлечён ваш ребёнок! Находите для него книги, которые его точно заинтересуют. Пусть они будут разными по содержанию: от приключений и фантастики до классической и научно-популярной литературы.

И, наконец, можно поощрять ребёнка за прочитанную книгу. Иногда достаточно похвалы. Но, можно, к примеру, устраивать семейные литературные вечера, чтобы обсудить содержание книги. Семейный литературный вечер – это не только замечательный способ провести время вместе, но и отличная возможность развить у ребёнка любовь к чтению и улучшить его речевые навыки.

К сожалению, в современном обществе, где все заняты работой, учёбой и другими делами, довольно сложно найти время для семейных литературных вечеров. Но не стоит забывать, что даже очень короткие «книжные сеансы» могут иметь большое значение для наших детей!

Другая проблема, помимо отсутствия времени, – наши интересы могут не совпадать с интересами наших детей. Вполне возможно, что вашему ребёнку скучно «вместе читать» и, тем более, обсуждать прочитанное!

В таком случае, можно попытаться вызвать у него интерес к книгам, выбирая для него «интерактивные» книжки-раскраски, с яркими наклейками и заданиями, позволяющими ребёнку участвовать в развитии сюжета. Такие современные приёмы помогают детям активно взаимодействовать с книгой.

И возможно, со временем, у вашего ребёнка проявится интерес и к чтению!

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Важно помнить, что проблемы семейного чтения – это не повод отказываться от этой прекрасной практики! При желании, всегда можно найти способы преодолеть «преграды», чтобы сделать совместное чтение книг увлекательным и значимым событием для всей семьи!

Геннадий КИСЕЛЁВ
писатель, актёр, член МГО СП России

ЕСЛИ БЫ В ДЕТСТВЕ НЕ СТАЛ ЧИТАТЕЛЕМ, ИЗ МЕНЯ БЫ НЕ ВЫШЕЛ ПИСАТЕЛЬ

На встрече с юными читателями одной из московских библиотек пятиклассник задал вопрос, который поддержал весь класс:

– А как вы стали писателем?

Я на мгновение задумался, и, неожиданно для себя, ответил так, как до сей поры не отвечал:

– Прежде чем стать писателем, ребята, я стал читателем. И читателем я тоже стал не сразу. В нашей семье существовала традиция, которая передавалась из поколения в поколение.

Чтение вслух. Практически каждый вечер после ужина вместо белой скатерти на стол стелилась бархатная тёмно-зелёная праздничная скатерть. Из старинного книжного шкафа бабушка доставала книгу, надевала очки, и начиналось ежевечернее священнодействие.

По идее, я должен был бы возиться в своём углу с игрушками. Но меня было не отогнать от стола. Собственно, никто и не отгонял. Считалось, что я всё равно ничего не пойму. Главное, не мешал взрослым. Но это было не так. У бабушки был удивительно мягкий и в то же время звучный тембр голоса. И эта

гармония, в сочетании с обволакивающей душу музыкальностью фраз, затягивала меня в иной, пока ещё недоступный мир.

Однако, наступало время, когда пора было ложиться спать. Я не протестовал, как иные дети. Стоило забраться под одеяло, как мама раскрывала книжку и в детской появлялись любимые персонажи: доктор Айболит, Буратино, Чиполлино, Незнайка с коротышками, Иван-царевич и Василиса прекрасная.

Днём, рассматривая книжки, я пытался понять, каким образом нарисованные герои сказок оживали во время маминого чтения. У меня же это не получалось, хотя я изо всех сил таранился на буквы, похожие на муравьёв, божьих коровок, кузнечиков.

И не получалось до тех пор...

В общем, мы с мамой гуляли. И я, совершенно случайно, обратил внимание на вывеску, украшавшую застеклённую дверь. Я ткнул в неё пальцем, хотя мне это категорически запрещалось, и произнёс:

– Мама, а как называется эта буква?

Она пригляделась и с удивлением ответила:

– Это буква «к».

– К... – повторил я. – А за ней?

– За ней стоит буква «а».

– А... дальше?

– Следующая буква «ф».

– Ф... а последняя?

– А последняя... – мама с недоумением поглядела на меня, – последняя называется буквой «е». Тебе-то это зачем?

И тут я понял, что означали букочки в моих книжках.

– Кафе... – неуверенно произнёс я. – Слышишь, мама, Кафе!

Мама схватила меня за руку.

– Повтори, вернее, прочти ещё раз!?

Я прочёл это слово три раза подряд.

– Сейчас, сынок, – торжественно произнесла она, – мы зайдём в «Кафе» и отпразднуем твой успех. Ты уже можешь читать.

Но на этом я не остановился. Разглядывая меню, я спрашивал у мамы, как называется та или иная буква. В результате мой

кругозор расширился: пломбир, сливочное, фруктовое, дюшес и так далее.

Однако нам было пора возвращаться домой. Мама предложила временно покончить с ликбезом и заняться шоколадным мороженым. Когда мы возвращались, я сходу прочёл на вывеске чудесное название: «Кинотеатр “Заря”».

Увы, заход в самое любимое мной заведение не состоялся.

В семье к случившемуся отнеслись прагматично. Купили азбуку, мы разрезали её на буквы, и я, вместе с бабушкой, принялся азартно складывать из них слова. С тех пор перед сном я сам проводил время с любимыми книжными героями.

Переступив порог школы, я сразу же явился в библиотеку. Библиотекарша слышать не хотела о выдаче книжек первоклашке. Наконец, она сдалась и протянула мне тоненькую книжицу. Я быстро прочёл несколько предложений. Ворча себе под нос, она разрешила её забрать. Проглотил в один присест. На следующий день, явившись в библиотеку, я протянул книжку обратно. Библиотекарша побагровела и потребовала пересказать её содержание. Пересказал.

Когда я учился в третьем классе, бабушка по каким-то делам поехала к сестре в другой город. Вечернему чтению грозило временное забвение. Тогда я попросил маму расстелить праздничную скатерть и прочёл родителям первую главу из «Трёх мушкетёров» Александра Дюма, которая навсегда сделалась моей настольной книгой.

Вторую главу мне не дали прочитать, отправив в кровать. Но у меня под подушкой лежала книжка английской писательницы Этель Лилиан Войнич «Овод». Её приходилось читать, зарывшись под одеяло с электрическим фонариком в руке.

Вот так я стал читателем.

А писателем я стал из-за той же любви к книгам. Заболела наша учительница. Свободного педагога не нашлось. Не знаю, что подтолкнуло меня к доске. В мой адрес полетели насмешки и подковырки. Мне было «до лампочки». Захотелось пересказать классу недавно прочитанный фантастический роман. Через несколько минут я овладел аудиторией. До звонка ребята

сидели не шелохнувшись. Естественно, в сорок пять минут я не уложился. А утром...

Утром, когда я вышел из дома, во дворе меня ожидал почти весь класс. До школы я продолжал начатый накануне монолог. Об этом узнали педагоги. Мой дар рассказчика начали использовать на школьных мероприятиях, на различных самодеятельных смотрах. Однажды я заметил, что я уже не пересказываю. Я на ходу сочиняю и выдаю, что в голову придёт.

В один прекрасный день я сел за стол, достал чистую тетрадь, обмакнул ручку в чернильницу, и описал, как я стал читателем и рассказчиком. И отнёс сей опус в городскую детскую газету. Его приняли. А через какое-то время опубликовали. Мало того, моё сочинение снабдили предисловием о том, как полезно регулярное чтение.

Что творилось дома и в школе – не передать словами. А потом моим родителям позвонили и попросили вместе со мной прийти за гонораром. Но это был единичный случай.

Моя профессиональная публикация случилась позже. Я горжусь тем, что Сергей Владимирович Михалков оценил мою книжку «Кулисы или посторонним вход разрешён» и написал к ней аннотацию.

Эта книга сыграла определённую роль в судьбе некоторых ребят, прочитавших её. Например, мне написала Трошина Валерия. Тогда ей было тринадцать лет, и она училась в седьмом классе Лицея №11 города Великие Луки.

«Когда наш преподаватель принёс на занятие книгу в красной обложке, я подумала, сейчас он начнёт читать нам что-нибудь скучное. Он попросил сесть на первые ряды, сам поставил стул ближе к середине и открыл книгу. Эта затея – читать нам по несколько глав из книги на каждом занятии, показалась мне неинтересной и бесполезной, но куда же было деваться...

Я не уловила первые строчки истории, но точно помню, она называлась “По военной дороге”. Слова проходили как-то мимо. Как будто боком. Мне не хотелось слушать. Но вскоре будто кто-то сказал мне: “Послушай, а ведь книга действительно очень интересная”. И я принялась слушать, вникать в суть проис-

ходящего. Узнала про мальчика, идущего в пятый класс, про его младшего братика, их маму и папу. Житейские проблемы этой замечательной семьи. Окружающих их людей. На первом занятии нам прочли только две истории из книги, но мне уж очень хотелось продолжения. У меня сразу возникла мысль найти книгу в библиотеке. Увы, её там не было. Я пошла домой, сохранив интригу услышанных глав. С нетерпением ждала следующего занятия.

Почти неделю я наслаждалась книгой. В отрывках узнавала себя, даже несколько героев мне кого-то из моих друзей напомнили. Книга увлекла меня полностью. И не только меня. По поведению моих товарищей было видно, что им тоже интересно слушать. В книге были моменты смешные, трогательные, грустные, и я переживала их вместе с героями. Книга написана легко. Приятно слушать. И очень хочется прочитать её снова».

Вот я и ответил на вопрос «Как воспитать читателя?». Чтобы вы не подумали, что я фантазирую, зайдите на сайт Санкт-Петербургского журнала «Невский Альманах». В шестом номере за 2015 год они опубликованы в моём очерке «Говорят, наши дети перестали читать».

Нет, не перестали. Они читают. Надо только помочь им в этом. И они будут читать еще больше!

Дарья ЖДАНОВА
Старший библиограф
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина

РЕБЁНОК СПИТ? НЕТ, ЧИТАЕТ!

Читать книги мне было, в прямом смысле, на роду написано. Дома читали все. Всегда. С вынужденными перерывами на работу и повседневные дела.

Дело в том, что у меня очень «литературная» семья: мой прапрадед, Лев Григорьевич Жданов (это литературный псевдоним), в своё время был очень популярным историческим писателем. Его произведения переиздавались и в наше время. Его дочь, моя прабабушка, Татьяна Львовна Жданова, писала стихи и переводила с норвежского. Её муж, мой прадед, Лев Владимирович Шифферс, был поэтом, переводчиком, писал радиопрограммы и сценарии (самый известный его герой – Антоша Рыбкин). Их сын, мой дед, Лев Львович Жданов, был переводчиком, знал пять языков, переводил таких авторов, как Джеральд Даррелл, Тур Хейердал, Рэй Брэдбери, Клиффорд Саймак, Артур Кларк, Джой Аддамсон, Жак-Ив Кусто и многих, многих других. Его жена, моя бабушка, Тамара Леонидовна Жданова, работала в издательстве «Советский композитор». Моя мама много лет работала литературным редактором и иногда занималась переводами с английского.

И, как видите, такие люди просто не могли не любить и не уважать книги, и такое же отношение они прививали с самого детства мне. Я люблю и уважаю книги. Как же иначе?

Я ещё лежала в детской кроватке (за решёткой), а мама уже читала мне вслух. Поскольку мне было всего несколько месяцев, и я всё равно ничего не понимала, мама читала то, что было интересно ей. Одной из первых, прослушанных таким невменяемым образом книг был «Смысл творчества» Бердяева. Ничего не помню.

Но уже, так сказать, с колыбели книги для меня были обязательной частью окружающего пространства. Как стул, стол, кровать...

Когда же начала читать сама, то мне давали только увлекательные книги. Сначала самые простые и понятные. Что может понять маленький ребёнок? То, чем он сам живёт, что его окружает, во что он играет. Одни из моих первых самостоятельных книг (которые я берегу и время от времени листаю до сих пор) – это «Что происходит ночью» Ирены Лусе, «Послушный зайчонок» Гайды Лагздынь и, конечно, «Игрушки» Агнии Барто.

Незамысловатые стихи Барто и Лагздынь запоминались легко, и мы с мамой устраивали для бабушки свой «Необыкновенный концерт» мои куклы и мягкие звери читали (моим голосом) разные стихи, а иногда и пели.

Со временем книжки стали посложнее. Самостоятельно я прочитала от начала и до конца такую «сложную» книгу уже в первом классе. Это были «Людвиг Четырнадцатый и Тутта Карлсон Первая и Единственная» Яна Экхольма. А потом мама дала мне читать «Русские волшебные сказки» с иллюстрациями Николая Кочергина, и мы до сих пор с ней иногда переговариваемся: – Кто летит? – Василий-царевич. А кто сидит? – Фёдор-царевич. – Вот, братан, попали!

А ещё я очень любила в детстве «Конька-горбунка» Ершова. Да и сейчас люблю, – он такой весёлый, такой хулиганистый! Однако самая моя любимая книга из детства – «Как стать волшебником» Дианы Дуэйн. Она просто замечательная!

Надо сказать, никто никогда не контролировал моё чтение. В том смысле, что меня не заставляли что-то обязательно прочитывать или дочитывать до конца книгу, которая казалась мне

скучной. Как только мне становилось неинтересно, я откладывала книгу и брала другую. У нас это было просто – только руку протяни.

Книги в нашем доме стояли и стоят везде – на полках, в шкафах в два, а то и в три ряда, и лежат почти на всех доступных поверхностях. И не видно этому конца.

К сожалению, примерно в классе пятом такое живое и свободное чтение закончилось. Приходилось читать совсем не увлекательные произведения, да ещё за это ставились оценки. К тому же, я читаю медленно, до сих пор. Лично мне это несколько не мешает, а вот в школе требовали читать на время. Даже выставляли на доске «почёта» графики с количеством прочитанных слов за какой-то небольшой отрезок времени (кажется, одну минуту), и я всегда оказывалась где-то в самом конце и оценки мне ставили, как вы понимаете, соответствующие. Ужас! Если бы не мои домашние, мне бы навсегда отшибли желание читать.

У нас есть фотография, на которой я лежу с большой книгой русских сказок и читаю ТАК УВЛЕЧЁННО, что абсолютно не замечаю, что творится вокруг. Я не слышала маминых шагов, не видела вспышки фотоаппарата, и очень удивилась, когда мама показала мне фотографию.

Я до сих пор вспоминаю этот момент и часто думаю, как бы хотелось снова читать, как тогда – в детстве.

По-моему, чтобы дети читали, надо, чтобы все вокруг читали, ну хотя бы в семье. Тогда это не будет восприниматься как повинность и тяжкий труд. Это будет самым обычным делом. А уж если книга увлекательная!..

А ещё родители должны помогать детям, – читать им вслух, хвалить за успехи, обсуждать прочитанное, узнавать, что понравилось или не понравилось в книге. И уж совсем было бы здорово – обыграть прочитанное. Как, например, мы с мамой отыграли (спели и почти сплясали) всех «Бременских музыкантов».

Я уже сказала, что книги просто обязаны быть увлекательными, истории должны затягивать прямо-таки с головой,

чтобы не хотелось отложить книгу куда подальше и уткнуться в гаджет.

И не стоит ругать ребёнка, если он не хочет или не может прочитать книгу, возможно, она пока не подходит ему по возрасту или просто «не его»? Хорошо бы подобрать ему другую книгу и постараться найти такую тему и таких героев, про которых **ЗАХОЧЕТСЯ** читать.

Людмила АХРЕМЕНКОВА
писатель, член МГО СП России

71 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ

Да, да: здесь нет ошибки! Не температура воспламенения бумаги в 451 градус по Фаренгейту, а именно комнатная температура в 71 градус сегодня стала опасной для книг.

Ещё на заре телевидения Рэй Брэдбери «беспокоился о том, что телевидение превратит людей в идиотов» (прямая цитата). В своём романе он описал фантастический город, в котором команда пожарных, вооруженная огнемётами, отыскивала в домах горожан книги и сжигала их. Книги сжигали вместе с домами, а их владельцев отправляли в тюрьму. Тех, кто не хотел расставаться со своими книгами, сжигали вместе с книгами. Почему? Город находился в стране победившего телевидения, где люди обожали проводить время в телевизионных комнатах, с экранами во все стены и потолки. Как отмечала героиня романа: «Телевизор говорит вам, о чём надлежит думать, и вколачивает это вам в голову. Он всегда и обязательно прав». Книги пробуждают свободную мысль... Поэтому их нужно изъять и сжечь.

Прошло 70 лет, и стало понятно, что писатель ошибался. Сегодня не надо рыскать по домам, не надо никого сжигать. Книги стройными рядами пылятся в домашних библиотеках, время от времени старички и старушки читают их своими подслеповатыми глазами, но дети, отроки и отроковицы, юноши

и девушки книг не читают. В самом деле, зачем читать, если в твоих руках есть маленький компьютер, в котором хранятся все программы ТВ, вся Ленинская библиотека и свободное творчество твоих одноклассников? К тому же, с его помощью можно даже позвонить:

- Алло!
- Ты чего делаешь?
- Я? Ничего. А ты чего?
- И я ничего...

Впервые за долгие годы (после введения обязательного среднего образования) наши учителя и родители столкнулись с проблемой нечитающих детей. Не читающих и не пишущих. Учёные давно установили связь между мелкой моторикой руки и степенью развития мозга. Писать прописи оказалось полезным для интеллекта. Точно так же, как и читать. Понятно, что из первых трёх шагов освоения *Знания* (ознакомление, понимание, воспроизведение) просмотр видеоматериалов застревает на стадии «ознакомление», создавая иллюзию, что *Знание* достигнуто в полной мере.

Как известно, занятие чтением и чистописанием в начальной школе воспитывает в детях настойчивость, усидчивость, дисциплину и трудолюбие. Что мы имеем в начальной школе сегодня? Из расписания чистописание исчезло. Красивое начертание букв в прописях образца 1937 года заменили в 1968 году на убогую скоропись, и теперь красивый почерк встречается так же редко, как слон на трамвайных путях.

Мне посчастливилось оканчивать советскую школу. Нас учили учителя, которые сами когда-то учились у педагогов, служивших ещё в царских гимназиях. Мы приходили в 1-й класс абсолютно безграмотными, а через три месяца уже прощались с букварём. В начальной школе каждый день у нас было три основных предмета: *Русский язык, Арифметика, Чтение*.

Сейчас уроков *Чтения* в школе нет. *Чтение* заменили *Литературным чтением* и *Окружающим миром*. Казалось бы, какая разница? Всего-навсего разделили предмет и сменили акценты. На самом деле разница существенная, примерно такая

же, как между *я плачу* и *я плачу*. Учебник для чтения «Родная речь» был обо всём: в нём и литература (стихи, сказки, рассказы), и верблюды, и суслики, и органы чувств, и Куликовская битва, и Отечественная война 1812 года – словом, окружающий мир, изложенный в доступной для пересказа форме. Как видим, ведущей деятельностью в начальной школе было ЧТЕНИЕ, которое от *ознакомления* продвигало учащихся к *пониманию* и *воспроизведению*. В *Литературном чтении* главным стала литература, а в *Окружающем мире* – окружающий мир в якобы научном изложении энциклопедических статей, разбавленных «коммуникационными» вставками: «Подумай и ответь...», «Вспомни свои наблюдения на лугу...». Как можно ответить, не подумав, или вспомнить свои наблюдения, если не наблюдал?

Мир неотвратимо меняется. Спортсмены первыми осознали, что нужно меняться вместе с ним, и уже провели «Игры будущего» в Казани, развернув компьютерных игроков в сторону физической нагрузки. Вот и нам нужно развернуть детей от компьютеров к книге. Для начала было бы хорошо вернуть в школу уроки *Чтения*. Как говорят мудрецы в открытых источниках интернета: «Миром правят те, кто читает толстые книги, а не шарит в интернете».

Вернуться к временам, когда книга была единственным источником знаний, уже не удастся. Но в основе всех информационных потоков по-прежнему остаётся книга, печатное слово. Чтение книг нужно сделать престижным. Большая работа библиотек в этом направлении вызывает уважение. Но нужно искать и новые формы. Может быть, объединить усилия школ и библиотек в едином государственном проекте? Одним словом, нужно искать! «Бороться и искать! Найти и не сдаваться!»

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА
писатель, член МГО СП России

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ЧИТАТЕЛЬ ВЕРНУЛСЯ К КНИГЕ

Все мы, читающая публика и пишущие люди, обеспокоены положением дел в нашей российской литературной политике. Читать стали мало. Это факт. У этой проблемы есть, конечно, объективные причины. Их много. Начнём, как говорится, плясать от печки.

Почему много читали раньше, в былые времена?

Потому, что это было признаком образованного человека. Знать классику и новинки значило уметь вести непринужденную литературную полемику, слыть интеллектуалом. Телевизоров не было. Интернета и мобильных и подавно, и люди таким образом восполняли недостаток эмоций, чувств, событий, которых не хватало в реальности. Посредством книг, мыслей и идей авторов, они размышляли о несовершенстве жизни, вырабатывали свой взгляд на мир, формировали свою жизненную позицию и приоритеты. Мировоззрение.

После 1917 года мир разделился на две системы. Два лагеря и политика советского государства предусматривала в произведениях авторов и следование определенной идеологии. Превосходство социалистического образа жизни над капиталистическим. Хорошо. Продолжим.

Министерство Культуры и Образования СССР курировало поток текстов, опекали молодых талантливых авторов, держали

высокую планку литературных произведений. Одновременно с этим они, естественно, смотрели их на соответствие идеологии СССР, содержание текстов на предмет отражения тех целей и задач, которые нужны были для воспитания советского человека, формирования его социальной личности. Коллективизм, патриотизм, хорошие человеческие качества, желание жить и трудиться на благо общества. Следили за тем, чтобы публикуемые произведения несли в себе преимущества социалистического строя, моральные и нравственные ценности строителей коммунизма. Это имело огромное значение.

Однако, это совершенно не мешало появляться шедеврам и даже, если можно так сказать, своевременно рождало их. «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Разгром», «Молодая гвардия» и т.д.

Во время Великой Отечественной войны появилась плеяда молодых талантливых писателей и поэтов. Достаточно назвать имена Симонова, Бондарева. Лейтенантская проза. Послевоенное восстановление страны дало своих авторов. Комсомольские стройки.

Книга в советском обществе строить и жить помогала. Читали везде. В транспорте, в парках и скверах, в библиотеках записывались в очередь, чтобы почитать только что вышедший роман, повесть, сборник стихотворений. Книга была лучшим подарком и не оставалась непрочитанной. Что касается переводной иностранной литературы, то и её было много, кроме, разумеется, откровенно враждебных СССР авторов. Книги сопровождалась вступительной статьёй и другим аппаратом, просматривая который читатель мог прекрасно ориентироваться в тексте произведения.

Книги издавались государственными издательствами, и написав хороших роман, писатель получал читательскую аудиторию по всей стране, а время отбирало лучших авторов, которые впоследствии составили классику советской литературы.

Много издавали национальных авторов, представителей союзных республик. Переводили. Так появились имена Думбадзе, Гамзатова, Кулиева, Карима и др.

Издавалась и изучалась программа школы классика русской литературы.

На лето школьникам давали списки авторов, которые надо прочесть на каникулах и написать свои впечатления о книге.

Появившееся в 60-х гг. XX века телевидение мало что изменило, да и не могло оно тягаться с властителями дум молодого поколения. Ими оставались, прежде всего, писатели. Умной, интересной книге радовались и зачитывали её до дыр.

Но все, как мы знаем, круто изменилось в начале 90-х. Страна распалась. Строй изменился. И началось.

Нет идеологии. Строй непонятный, но вроде капиталистический. Демократия. Свобода слова. Отсутствие цензуры.

Государственные издательства прибрали к рукам холдинги. И понеслась. Что хочу, то и печатаю. СВОБОДА! Полилась грязь на советский строй. Все советские писатели были преданы анафеме. На арену вышли Солженицын и компания. Появились прикормленные западом кликуши. «Покайтесь!» Делать нечего. Стали каяться. Замазали чёрной краской всех: Ленина, Сталина и кто помельче. Появились произведения, которые писали, оказывается, что называется, в стол. «Повесть непогашенной луны», «Факультет ненужных вещей», «Дети Арбата». Такие издания, как «Огонёк». Сначала глотали эти «шедевры», но очень быстро от них стало мутить. Однако чёрное дело своё они уже сделали. Начался раздрай в умах и душах людей. Советская власть, оказывается, была преступна. А вот теперь-то заживём по-правильному! Зажили?

В стране началась безработица. У руля – олигархат. Полная разруха в армии и промышленности. Внешнее управление западными кураторами. Тут и пропустили падение до уровня плинтуса качества литературной продукции. Не до литературы сейчас. Потом поправим. Борьба за умы колониального, как считали американцы, населения началась. Появились низкопробное чтиво в ярких обложках про жизнь бизнесменов. Как у них. Псевдоисторические пасквили на социализм. Замазать. Замарать. Затаптать навсегда! Чтобы и не вспомнили. Изменилось времяпровождение. Из библиотек перекочевали в виде-

осалоны, клубы. Началось завоевание сознания. Или, вернее, упразднение сознания российского человека. Расцвела торговля наркотиками. Целые кладбища по всей стране с памятниками молодым, сгоревшим от этой дури.

А что же властители дум? Наши литераторы? А ничего. Кто ручкался с черносотенцами, чёрт знает с кем! А кто и просто притих. Хорошо. Потом появились представители литературы, кормящиеся от рук Запада. «Демократы». Свято место пусто не бывает.

Рынок завалило страшилками про советскую власть. Как известно, если хочешь обмануть, добавь в текст немного правды. Добавляли.

Ближе к концу 90-х – начала нулевых начался век интернета и мобильной связи. Книги стало можно читать с компьютера, телефона. Очень удобно, часто – бесплатно. Читай – зачитайся.

И что же?

Да вот ничего. Росли поколения в вакууме идеологии. В западной пропаганде индивидуализма, комфорта, власти денег. А зачем читать? Можно все просмотреть в новостной ленте. Чаты. Сайты. Посты.

Появилась новое чтение. Миниатюры, короткие тексты, к которым я не имею никаких претензий, кроме одной. Они одни не могут отразить отношения к обществу, в котором мы живём. Они не ведут к размышлениям. Прочитал и побежал дальше. Да. Есть в России писатели. И много. И разных. Но что ловить в их произведениях? Над чем думать, что вычленять и сохранять в сознании, а что отбрасывать, как чуждое, неприемлемое для тебя?

Кто мы? Куда мы идём? Каковы наши ценности? Вера? Она нужна. Но одна вера не может определять путь государства, тем более светского.

Все смотрят в телефоны. А там, извините, «Тихий Дон» не прочитаешь. Не тот формат.

Поймите. Я не имею целью хаять ютуб и дзен, но я хочу, чтобы читатель вернулся к книге. К печатной. Чтобы ночью у него в окне горел свет не потому, что он играет в очередную компьютерную игру, а читает. Читает книгу. Вы скажете, что это

невозможно. Времена уже изменились. Обратного хода нет. Всё так, да не совсем.

Чтение и обсуждение книг всё же осталось в локальных литературных сообществах, библиотечных кружках. Только там ещё сохраняется литературный дух.

В такой массе произведений без чёткого государственного издательского и литературного руководства не обойтись. Литераторы уже привыкли стучаться в закрытые на все замки двери книжных холдингов. Это надо в корне менять.

Мастодонты книжной индустрии печатают одних и тех же, набивших уже оскомину, писателей. Даже тех, которые предали, убежали и позорят Россию. Зайдите на их сайты. Это они предлагают читать сегодняшней молодёжи?

Вот сейчас Россия ведёт со всем напряжением сил тяжелейшую военную операцию. А кто побежал через Верхний Ларс? Молодёжь. А почему? Потому что в стране не было идеологии.

Нет! Была идеология индивидуализма и комфорта. А вот если бы они были воспитаны русской литературой и пониманием, что такое Родина, то не побежали бы.

Невозможно советскому, русскому человеку, воспитанному на Пушкине, Гоголе, Достоевском, вот именно этому, правильно воспитанному человеку, каковым я себя считаю, жить в чужой стране. Он лишён своего родного языка. Своей литературы, Он глух и нем. Он уцербен. Сколько бы он в этой стране ни прожил.

Вот сейчас мы все смотрим сводки с фронта, призывы: «Идите добровольцами!» И идут. И это просто чудо! Потому что, родившись и выросши в полном отсутствии идеологических ориентиров, они всей душой любят Родину и сознательно хотят за неё сражаться и умирать. Живы ещё деды и отцы. У этих ребят-воинов еще есть история, продлённая во времени, у них есть понятие Отечества. А что будет дальше? Это «Я – Пуп земли. Люблю себя и живу только для собственных удовольствий!» развратило поколения.

А если бы тридцать лет они впитывали хорошую литературу с идеологической составляющей, они бы не были так эгоистичны и дезориентированы.

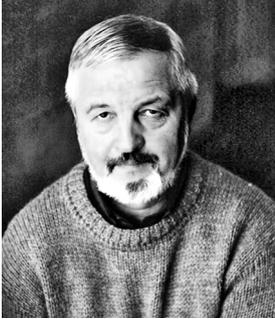
И ещё. Как без хорошей литературы изменился русский язык, построение речи, общение за эти годы! Стало даже модно неправильно писать и выражаться. Появились жуткие словечки. Не хочу здесь приводить.

Для исправления литературной политики и увеличения количества читающей публики надо открывать государственные издательства, продвигать молодых авторов, возрождать любовь к чтению молодёжи, а издательствам и книжным магазинам – не предлагать ей пустые фэнтези в нагрузку с боксами с пластмассовой фигней из этих, с позволения сказать, «произведений», только бы повысить продажи. И о чём они там ещё прочтут? О властелинах разных колец и волшебниках-недоучках? И это ещё в лучшем случае!

Мы читали «До свиданья, мальчики!», «Батальоны просят огня».

Надо делать ВЫБОР. Как СВО заставила нас изменить приоритеты в политике, так необходим государственный контроль и в литературе. Я понимаю, что трудно. Но это необходимо. Особенно сейчас. А проблема детского чтения – та же, что и взрослого.

Только ещё сложнее.

Александр ТОРОПЦЕВ
писатель, член МГО СП России

ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ?

Мы хотим вернуть себе «звание» самой читающей страны в мире. Мы хотим, чтобы наши дети читали больше и чаще. Цель благородная и благодарная. Но при этом мы забываем, что «хрущёвские пятиэтажки», выполнившие свою роль, приютившие и обогревшие миллионы советских людей, не являлись произведениями архитектурного или градостроительного искусства. Да, их надо было строить. Но это не значит, что сейчас, когда интерес к литературе заметно снизился, когда России грозит, в том числе, и интеллектуальная катастрофа, мы должны пичкать наших детей дешёвой (прости, Господи) книжной продукцией только потому, что юным читателям это нравится и им надо больше читать.

Сейчас в жизнь идут те молодые люди, которые 5–10 лет назад запоем читали многотомник английской дамы, а также её продажных подражателей, и нам хорошо известно, как мало познали в школе дети. Выросшие на фэнтези. Между прочим, читали они много (!), гораздо больше, чем читали дети 1950–1970 годов, если брать по валу. Но даже средние выпускники школ пятидесятилетней давности знали и понимали, и чувствовали красоту литературного слова куда лучше современных молодых людей.

Одной из причин этой разинтеллектуализации молодёжи является, по моему мнению, тот факт, что родители (и общество,

и государство в целом) дали своим детям (а государство своим будущим гражданам) полную свободу в выборе игр, забав, чтения. Что нравится, то и читай. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не мешало.

Грубейшая ошибка взрослых, которые, осознав её, в настоящее время принялись искать пути из создавшегося тягостного положения. И уже это хорошо.

И ещё одна важная оговорка. Мне нравится литература самая разная и по жанрам, и по адресату, и по художественным средствам, и по писательскому почерку. Лишь бы это была литература, лишь бы произведение было написано талантливым, сознающим меру ответственности своего таланта перед согражданами автором, лишь бы произведение укрепляло государственный иммунитет.

У меня есть большие сомнения в том, что эту важнейшую задачу – приучения детей к чтению – мы будем решать мудро, да простят меня все, кто болеет душой за это дело, кто обязан его выполнять в силу своего служебного положения. И причиной моих личных сомнений является тяготение россиян к очень хорошо известному в разных деловых и научных кругах «методу тыка»: сначала сделаем, а потом будем думать, почему всё так получилось. Так даже атомную бомбу создавали. Пронесло. Цепная реакция не распространилась на всё и вся. Вздохнули учёные с облегчением и продолжили свою работу.

Но дети, но чтение – это даже не водородная бомба. С древнейших времен дошли до нас мысли величайших мудрецов, пытавшихся понять и оценить ребёнка. Не получилось! Мысли-то были замечательные, да поэтической строкой написанные, но никто за предыдущие пять тысяч лет так и не смог создать теорию детства и написать формулы, используя которые, мы могли бы принимать решения и претворять их в жизнь.

А если нет теории детства и формулы ребёнка (как, впрочем, и человека взрослого), то имеем ли мы право внедряться в столь сложные и тонкие духовные, душевные пространства?

Мне не раз приходилось слышать от девушек и женщин, дочек писателей и других интеллектуалов, о том, как много

они прочитали уже к двенадцатилетнему возрасту, особенно на дачах. А сам-то я, например, активно читать начал в этом самом возрасте, получив в школе знаменитую «Историю Древнего мира» для пятого класса. Взхлёб я прочитал учебник. Учебник, подчеркиваю.

И стал завсегдаем Жилпоселовской библиотеки и других библиотек города Домодедово. Да, меня больше интересовали исторические герои и события. Влюбился я в историю, первая и, как позже оказалось, самая настоящая любовь.

Но, как ни любил я историю, а о главных мальчишеских делах не забывал: речка Рожайка, леса, поля, стога, пруды и прудики, постоянные мальчишеские игры, разборки, а потом еще и девчонки ... конечно же, всё это мешало мне читать.

А может быть, помогало? Помогало мне развиваться не спеша, не насилуя себя? – Мне кажется, что помогало. Никто и ничто не повлияли на мое естественное взросление, на мой естественный интеллектуальный рост. Да-да, я не могу похвалиться великими достижениями, но, между прочим, те девушки, о которых я выше говорил, сделали ещё меньше меня. А некоторые из них читать совсем перестали.

В каждом человеке, племени, народе, государстве сосуществуют в динамичной взаимосвязи три типа мышления: А. образно-интуитивное; Б. прагматическое; В. системное. Обычно какое-то из этих трёх типов мышления превалирует, гораздо реже – доминирует.

Ни одно из этих типов мышления нельзя назвать хорошим или плохим, как, например, нельзя назвать плохим или хорошим синий цвет глаз, или зелёный, или коричневый в крапинку и так далее. Плохо может быть только одно: отсутствие любого из этих типов мышления, либо гипертрофированное преобладание любого из них над двумя остальными. Хорошо, когда они дополняют друг друга, помогают друг другу, украшают внутренний мир человека, уникального, многогранного как шар.

Суть обозначенной проблемы заключается, во-первых, в определении преобладающего типа мышления в каждом, кон-

кретном ребёнке, а также (и это ни в коем случае нельзя забывать!) – в том государстве, в котором ребёнку предстоит жить и реализовываться; а также в определении качества времени.

К сожалению, родители в редчайших случаях угадывают превалирующий тип мышления ребёнка. А гораздо чаще, совсем часто, они не обращают на это никакого внимания. «Надо приучать ребёнка к литературе, надо делать его читающим человеком».

Каждый родитель должен (в идеале, естественно) с одной стороны, тонко чувствовать внутренний мир своего ребёнка, его тип мышления, а с другой стороны, знать качественные особенности времени, то есть того этапа, в котором ребёнку повзрослевшему предстоит совершить главные его дела, производственные, либо творческие, а также семейные, житейские. Естественно, и этот фактор должен определять «круг чтения» ребёнка.

Никто пока не написал, да и вряд ли это будет сделано, формулу, по которой каждый родитель сможет составить Кривую скорости прочтения и освоения разного рода литературного материала в зависимости от совершенно разных обстоятельств – аргументов. Возраст и типы мышления, физические и другие способности и возможности конкретного человека, время суток, возраст и т.д., и т.д. В конце концов, некоторым людям просто вредно много читать! Увлечение чтением может стать своего рода наркотиком. Приведу личный пример. Моя дочь, ещё до поступления на журфак МГУ, увлеклась Лермонтовым. Она читала мне наизусть поэмы великого поэта, и я был счастлив. Читала она всё и по программе журфака, и другие книги. Физически крепкая, она не заметила, как «перетренировалась», и теперь каждая книга дается ей с трудом – голова болит. Да, есть в этом и моя вина. Но как я мог остановить дочь, запретить ей читать много и быстро? Кто ответит на этот вопрос? – Да никто.

Я внимательно просмотрел двухтомник «Мифы народов мира», и, удивительно, ни у одного племени или народа я не нашёл бога или богини чтения. Даже великие греки, по сути, разработавшие теорию Муз, не дали людям Музу чтения. Столь же великие обитатели Индостана даровали людям Сарасва-

ти, супругу Брахмы, творца, богиню всех наук, связанных с творчеством. Она покровительствует музыке и поэзии. Её еще называют богиней мудрости, знания, искусства, красоты и красноречия. Но не чтения, будто бы читать совсем уж легко, было бы написано. Вэнь-чан, китайский бог литературы, покровительствует всем литературным делам, вплоть до сдачи писателями государственных экзаменов, после которых успешно преодолевшие этот барьер получали право занять чиновничий пост, даже самый высокий. Некоторые учёные считают, что культ Вэнь-чана появился в XIII–X вв. до н.э. в провинции Сычуань и вскоре быстро распространился по всей Поднебесной. С тех пор прошло уже три тысячи лет, а китайцам почему-то так и не понадобился бог чтения.

И другим народам тоже. И это обидно. Был бы у людей бог, отвечающий конкретно за чтение, и никаких вопросов бы не возникало.

А книга, следует напомнить, является и хорошим собеседником, и кладезем информации, необходимой для обдумывания того или иного действия, и, что очень важно, самим действием! Людям, ответственному за укрепление государственного иммунитета, нужно крепко подумать над тем, какие книги читать юным и молодым соотечественникам и, главное, как настроить их на высокую литературную волну.

Однажды в конце лета, вернувшись на Жилпоселок из таганрогской деревни, я, подойдя к друзьям, услышал азартную речь Вовки Волкова, который уже прочитал «Двадцать лет спустя». Какой он был гордый! Как завидовали ему пацаны! Как все мы хотели прочесть романы Александра Дюма. Но в библиотеке на них была большая очередь. Мы записывались на Дюма и ждали, ждали... А Вовке книги приносил отец из библиотеки предприятия, в котором работал. Тяга к чтению была у нас огромная. Мы ни в чём не хотели уступать друг другу.

Чтение можно сделать модным, как было, например, в 60–70 годы прошлого века, когда на толстые журналы стояли в очереди, когда собрания сочинения русских и зарубежных классиков можно было приобрести только по большому слу-

чаю или по такому же большому благу. Модой можно управлять с пользой для всех: для читателей, издателей, государства. Но пока наше государство почему-то не желает возглавить этот «модный» процесс. Почему? – Лично я отвечать на этот вопрос не берусь.

А всё вышесказанное и процитированное говорит, прежде всего, о сложности задачи. Казалось бы, она на вид проста: надо приучить (или приручить?) молодых и юных сограждан к чтению и осмыслению шедевров мировой и, особенно, отечественной литературы. Но как это сделать? Как всё учесть – в конкретном человеке, в его окружении, в обществе, в государстве?

Учесть всё просто невозможно. А значит, чтобы не навредить хотя бы одному конкретному человеку, нужно... забыть об этой важнейшей задаче? Пустить всё на самотёк, вспомним известную мысль древних китайских и др. мыслителей: недеяние есть тоже деяние, или «вода течёт туда, где ниже и в этом её добродетель», или что-то ещё в этом роде?

Лично я против такого подхода к проблеме повышения активного интереса наших соотечественников к литературе.

Я считаю, что из создавшегося положения есть один выход: наименее безболезненный, гуманный, даже весёлый. Это – Всероссийские Литературный Олимпиады.

Для того, чтобы пробудить у россиян былой интерес к чтению и осмыслению литературы, необходимо и достаточно учредить Всероссийскую Литературную Олимпиаду (далее ВЛО).

ВЛО окажет неопределимую помощь в возрождении читательского интереса юных и молодых граждан России к трём главным богатствам нашего государства: русскому языку, народам России и российской земле. Она же сыграет важную роль в воспитании и образовании юных и молодых граждан России, поможет преподавателям школ и ВУЗов, всем работникам сферы культуры, в частности, библиотекарям, а также родителям, а значит, – в укреплении и повышении государственного иммунитета Российского государства.

Состязательность является одной из субстанциональных качеств человека. Этим качеством нужно пользоваться так,

как то делали древние греки, а также в IV–XVII вв. обитатели Индостана и Поднебесной, Японии и Кореи, Великой степи и Центральной Азии, Ближнего Востока и Средиземноморья, Центральной, Северной, Западной и Островной Европы, а также других цивилизационных центров планеты Земля.

При умелой организации этого действия оно может принести государственную пользу в исторически кратчайшие сроки: достаточно будет провести две Литературные Олимпиады, чтобы возжечь в душах юных и молодых людей активный интерес к русскому языку, к русской литературе как основе всего русского.

Кроме того, ВЛО может стать хорошим вложением капитала для бизнесменов и других заинтересованных лиц.

Анастасия БОРИСКИНА
кандидат педагогических наук,
член МГО СП России,

КАК ВОСПИТАТЬ ЧИТАТЕЛЯ?

О пользе чтения для детей и взрослых сказано и написано много. Чтение развивает логическое мышление и расширяет словарный запас ребёнка; формирует модели поведения подростка, показывает зло и добро поступка, развивая нравственную позицию в отношении отечественных идеалов; делает богаче личность юноши и девушки; расширяет кругозор взрослого человека, влияет на его речевые навыки; для пожилого человека чтение является необходимым инструментом улучшения памяти, дарит ему положительные эмоции, и наконец, для всех чтение – это дружба с книгой.

Вот книга попадает в руки читателя, он открывает её и оказывается в увлекательном мире изображённой или преображённой реальности. Напомню строки всеми известного с первого класса стихотворения Валентина Берестова «Как хорошо уметь читать»: «Как хорошо уметь читать! / Не надо к маме приставать, / Не надо бабушку трясти: / Прочти, пожалуйста, прочти...». Не надо, поскольку можно взять и прочитать. Но мало взять и просто прочитать, нужно прочитать и понять прочитанное, шагая от книги к книге, сделать чтение увлекательным и полезным путешествием.

Чтение – это полезная привычка, оно не только делает нас культурными образованными людьми, но и стимулирует моз-

говую активность, поскольку благодаря новому образуются нейронные связи, а чтение всегда новое, даже, если читаешь хорошо забытое старое.

Ещё один интересный факт: в институте Гэллапа в США сделали попытки понять, какие черты присущи успешным людям. Выяснилось, что из 1500 наугад опрошенных известных людей каждый прочитал за год в среднем 19 книг, и 10 не относящихся к художественной литературе, а 9 к художественной. Получается, что книга реально может сделать своего друга человека успешным в делах.

В день защиты детей, 1 июня 2004 года я имела счастье принять участие в международном психологическом форуме «Ребёнок в цифровом мире» (организаторы МГУ, РПО), и моё внимание привлёк доклад доцента Патрасского университета Нектариос Стеллакис под названием «Усиление привычки чтения в семье путём внедрения цифрового чтения». Учёная рассказывала о том, каким образом можно усилить привычку семейного чтения. Для этого используется возможность не только читать, но и создавать свои истории через цифровое приложение и цифровые шаблоны. Детей привлекают яркие образы и возможность создавать интересные сюжеты.

Здесь, конечно, вспомнила проект, который подготовила со своими учениками «Пожизненно влюблены. Антология литературного творчества». Мы тоже создавали свои истории, и для этого не использовали какие-то шаблоны, младшие подростки опирались на личный читательский опыт. Всё дело в том, что текст художественной литературы (будь то рассказ, повесть или роман) развивает духовно-нравственный потенциал читателя, формирует эмпатию и альтруизм, стимулирует мыслительные процессы. И если есть возможность зайти не через Интернет, развивая привычку читать, то лучше, конечно, организовать живое общение читателя с книгой. Объясню, почему.

В 90-х годах XX столетия появляется понятие «клиповое мышление». Не все специалисты увидели тогда угрозу этому явлению, но все сошлись в одном мнении, а именно в том, что клиповое мышление не должно стать преобладающим, этот тип

мышления не дает взглянуть на целостную картину мира, тогда как хорошее чтение собирает разрозненные образы воедино. Для большинства детей/подростков язык символов и образов недоступен, им проще работать по заданным образцам, эталонам, схемам. «Если вернуть человеку право на образное мышление, можно всё поставить на свои места» – отмечает А.Г. Соколов (Соколов А.Г. Природа экранного творчества. Психологические закономерности. С. 66).

Как психолог, отмечу, что творчество развивает правое полушарие, которое связано с воображением человека, и отвечает за способность воспринимать мир без ограничений пространства и времени, даёт возможность фантазировать, создавать творческие продукты: живопись, литературу, кино и др. Участие учащих в литературном проекте развивает субъект личности. Почему это важно? Субъектность дает возможность ребёнку/подростку быть решительным, самостоятельным, чётким в своих намерениях, оно выражает активность личности, ясное отношение к себе, открытость себе. Одним словом, оно позволяет ребёнку/подростку лучше понимать себя, движение своей души, рефлексировать на собственные поступки и слова.

Первые шаги в литературу начинаются с осознанного чтения. На мой взгляд, литература – это самый увлекательный и полезный предмет в школе, который нельзя проигнорировать. Нельзя отдать на откуп ученику что-то прочитать дома, заменить русским языком, я говорю о принципиальных вещах. Чтобы классика была прочитана и понята, сначала нужно научиться читать вдумчиво, выступать с исследованием текста, прибегая к критической литературе. Многие художественные произведения нуждаются в комментариях учителя, глубоком анализе произведения, на который юный читатель в начале своего становления ещё не готов, но к этому должен прийти.

И вот создание собственного литературного произведения, будь то сказка, стихотворение или эссе, возможно благодаря хорошей начитанности. Приведу пример из эссе «Бородино» моего ученика Сивцова Глеба: *«Россия! Для каждого русского человека это слово что-то означает. Мы русские люди, насто-*

ящие русские люди, гордимся своей Родиной. Она жива воспоминаниями, своим величественным прошлым, а наша задача – сделать таким же величественным наше будущее» (Борискина А.А., детско-взрослая общность любителей литературы. «Пожизненно влюблены. Антология детского литературного творчества». С. 52). Далее Глеб описывает само Бородинское поле и в заключение проводит параллели с историей своей семьи, с защитниками Отечества Великой Отечественной войны 1941 – 1945 года, и, конкретно рассказывает о своём деде. Такие работы – это не просто какие-то игрушки в стиле коллажа в сети Интернет, что само по себе не плохо, нет, но именно в проекте «Пожизненно влюблены» мы имеем дело с движением души, когда московский школьник, демонстрирует нам и знание истории, и умение писать, и авторскую позицию. Всё это стало возможным благодаря глубокому прочтению произведений о войне, нравственному анализу поступков героев.

Другими возможными, доступными, а главное – любимыми способами воспитать читателя стали литературные гостиные, творческие вечера, встречи с писателями и поэтами, совместные проекты со школьными и детскими библиотеками Москвы. Здесь нет ничего нового. Многие учителя-словесники – энтузиасты, которые пытаются сделать свои уроки яркими и незабываемыми.

Но я, пожалуй, привнесу что-то новое, поскольку дети и подростки мало знакомы с именами современных писателей и поэтов. А ведь литературный процесс – это процесс непрерывный. Так вот, специально для этого мы с Мариной Анатольевной Замотиной подготовили сценарий для учебного фильма «Пацаночка» в бытность моей учёбы во ВГИКе. В основе любого фильма лежит текст. На этапе прочтения спектакля мы обращали внимание на нравственное содержание текста, благодаря отзывчивости Марины Анатольевны была возможность организовать встречу детей и с ней. В завершении работы мы пригласили наших актёров и их родителей на просмотр в ЦДЛ, а юная актриса, сыгравшая главную роль, которая в начале проекта читала по слогам, перед началом учебного года

к 1 сентября пришла в первый класс, бегло читая и оценивая прочитанное.

Чтобы воспитать читателя требуются годы. Никогда не поздно открыть книгу и начать читать, вопрос один: «Что?». Именно в детстве и юности закладывается и любовь к книге, и вкус к её выбору. Как в рекламе, хочется сказать: «Ты этого достоин», читайте только хорошую литературу. Выбор всегда за читателем, но, если ему привили вкус к хорошему чтению, он никогда уже не променяет классику на её дешевую подделку.

Наталья АНТОНОВА
писатель, член МГО СП России

ЕСЛИ НЕ ЧИТАЕТЕ ВЫ, ТО И ДЕТИ ЭТОГО ДЕЛАТЬ НЕ БУДУТ

Я начала читать очень рано, в 4 года. Мы жили в коммуналке, в одной комнате – две семьи. Днем я часто оставалась в компании старшей сестры, ей было 11 лет. Она меня научила читать. А что ещё было желать? Гуляли, конечно, играли. Но книга – это волшебство, таинство. Очень было интересно узнать, что же там, на удивительных страницах.

Но, как и сегодня, во времена моего детства тоже читали не все! Как и учились не все. И вообще – всегда в жизни есть место бездельникам и разгильдиям, которым вообще ничего не нужно.

По мере моего взросления книги всегда оставались в моей жизни. И сейчас, на восьмом десятке лет, я продолжаю читать. Но не так активно, как раньше.

Понятно, почему. Появилось много новых источников информации. У книг эта функция практически сошла на нет. Да и не только дети, но и мы, взрослые, не по энциклопедическому словарю теперь ищет ответ на вопрос, а «гуглим».

Примета времени! Всё в электронном виде – музыка, кино, книги, документы.

Детей мы сегодня тоже воспитываем в новых условиях. Не согласна с утверждением, что наши дети сегодня не читают!

Читают! Ещё как читают! И читают много активнее, чем мы в их возрасте. Другой вопрос: что они читают? И где?

Ответ может быть однозначным – читают в интернете.

Правильно. А вы где читаете? Посмотрите на пассажиров городского транспорта. Лет 20–30 назад у всех в руках были газеты-журналы-книги. Сейчас планшеты и телефоны. Как у взрослых, так и у детей. Так что незачем посыпать себе голову пеплом, дескать, пропало поколение! Какие мы, такие и дети. Но можно научить детей читать «правильные» сайты, находить интересные и нужные материалы. Да и книги никто не отменял. Если вы сможете заинтересовать ребёнка, он прочтает то, что ему понравится. А если не сможете объяснить, чем хороша эта книга, то – соответственно, читать он не будет.

В книжные магазины я давно не заходила, нет в этом необходимости, книги покупаю в интернете. А вот в кабинете нашего ответственного секретаря МГО СП России бываю часто. В коридорах и у входа в МГО СП России всегда есть книги, которые можно взять себе. Даром! Детских книг я никогда там не видела. Интересно, почему? Не выкладывают сотрудники или их быстро разбирают?

В кабинетах у сотрудников книг много, в нашей, «детской секции» – тоже они есть, но меньше, чем у «поэтов». Почему?

Книги мы дарим, не храним в организации, – ответила секретарь.

Как я обрадовалась, увидев несколько книг Ирины Токмаковой! Классика! Чудесные издания. Книги моего детства. Я даже помню некоторые стихотворения Ирины Токмаковой наизусть.

Новый для меня писатель, Наталья Ритина. Какие книги! Посмотрела, полистала, почитала, увлеклась. А иллюстрации? Шикарные издания.

Новая книга Геннадия Киселёва. Как будто встретила старого друга.

К чему я это говорю? Как и в книжном магазине, всегда не знаешь, что ждёт тебя под обложкой красочного издания. А если принять во внимание, что и в магазины из-за их фантастической дороговизны мы ходим редко, то актуальным сегодня стал

вопрос выбора. В магазинах книги можно полистать, а если ты делаешь заказ в интернете?

Книг много, как выбрать интересного автора? Жаль, что перестал выходить журнал «Детская литература» (был когда-то такой навигатор детского чтения). Правда, можно почитать отзывы в интернете, но там столько глупости и необъективности, что настроение портится. И очень раздражают явно заказные хвалебные рецензии.

Наверное, я сказала много прописных истин. Но ничего нового не происходит в воспитании. Из года в год, из века в век – всё одно и то же.

Не будет ваш ребёнок хорошо говорить, если вы с ним с детства не разговаривали. А если он не говорит, то и не читает.

Говорите с ребёнком. Беседуйте с ним. Читайте ему и с ним вместе. Смотрите с ним кино, ходите в театры. Квесты, настольные игры, игры компьютерные – тоже нельзя исключать. Но важно знать, с кем и во что играет ваше чадо. Нельзя сажать ребёнка с книгой и говорить: «Читай», а самому ложиться на диван с телефоном. Надо участвовать в жизни ребёнка. Дети все видят и понимают!

Я в этом не сомневаюсь, как и уверена в том, что современные дети – умные, талантливые, много знающие и умеющие столько, сколько нам в их возрасте и не снилось!

Выпросила у ответственного секретаря МГО СП России книгу Натальи Риттиной про Егорку, который камень Алатайрь искал. Что-то мне подсказывает, что мне желательно с этой историей ознакомиться. Надо ликвидировать некоторые проблемы в знаниях!

Евгений РЫК
писатель,
доктор философских наук,
член МГО СП России

ЧИТАТЕЛЬ ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ

Враги нашей страны говорят: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». Это о том, что с 1956 по 1999 год мы сами столько раз переписывали свою историю (и учебники по истории), что это вызвало злые ухмылки недругов и расстерянные мины соотечественников. Ну что это такое, когда в книгу воспоминаний маршала Жукова вписали историю, как полководец, приехав в штаб 18-й армии, «решил посоветоваться с полковником Брежневым, но того не оказалось на месте, он был в войсках»?! Всё, «конечная, поезд дальше не пойдёт». Началась чехарда с учебниками истории для школ: чуть не каждая область России стала выпускать свои. Выпускающих можно понять: им надо защищать диссертации. А как понять наших детей?!

Точно такая же, если не печальнее, «история с географией», а точнее, с преподаванием русской литературы. Сперва решили услышать живых классиков, рассылали им анкеты «Что бы Вы посоветовали читать подрастающему поколению?». Классик И. Стаднюк ответил: «13-ти томное собрание сочинений Сталина». Классик А. Солженицын: «Книги А. Авторханова». Рассылающие такие опросы СМИ, видимо, чтобы заставить читателей посмеяться, помещали ответы на одной полосе. Но было не смешно. И тогда учебники и хрестоматии по родной

речи и литературе для школ опять стали собирать, как «Лего», кому как вздумается. И снова без учёта детской психики, предварительной подготовки и интересов. Велик «Тихий Дон»? О да. Но жесток, эротичен, психологически надрывен. И «велик» ещё и по объёму. Талантлив «Один день Ивана Денисовича»? Безусловно, но тогда целый урок надо посвятить объяснениям что такое «параша», «вертухай», «ШИЗО», весь набор 58-й статьи УК, а там пунктов и подпунктов – что звёзд на небе. Откуда их даже преподау знать, ибо они 1926 года редакции?! Нужен в антологии Иосиф Бродский, Василий Аксёнов, Сергей Довлатов? Они – украшение нашей литературы. А почему они тогда оказались за границей? Да из-за своей же литературы и оказались.

Уже и многим взрослым неясны термины из книг Булгакова, Ильфа и Петрова, Бабея. Там очень многое связано с конкретной эпохой, её героями, стилистикой, бытом. Кто юным учительницам объяснит, что значит «Торгсин», «столовка при ЖАКТе», «лишенец», а там подобное – на всякой странице.

Юрий Любимов, замечательная история современного советского театра. Его лишили гражданства СССР за антисоветскую риторику в его спектаклях и заграничных интервью. Вроде власть просто защищалась. Но как объяснить в школе (или в школе жизни), что Юрий Петрович при этом был членом Бюро Ждановского райкома партии Москвы?

И навсегда сталкиваешься с дуализмом толкований творчества, браков и кончин Есенина и Маяковского.

Любимое занятие родителей – не членов Академии педагогических наук – задать вопрос: «А кто виноват?». Сегодня не 1937-й год, виноватых найти трудно. А найдёшь, он заверещит: «Я из лучших побуждений!».

Та же проблема и в кино для детей: «Неуловимые мстители» интересней «Тимура и его команды», потому что в первом фильме у детей в руках настоящее оружие и мстят они врагам не по-детски. И Гарри Потер занимателен в первую голову, что он учится не арифметике или химии, а колдовству и чародейству. А автор – бывшая школьная учительница, кстати.

Где ж прививка для любви к чтению?

Что-то запрещать? Уже не раз было, и ни к чему хорошему не привело.

Что-то рекламировать изо всех сил? И это имело место, и с тем же результатом.

Книжные издательства, книжные магазины и библиотеки – все светочи знаний. Но это только в том случае, когда кто-то к тем светочам тянется. А что делать с теми, кто не тянется и не хочет? Приходит неокрепший ум в «Светоч» и просит книжку «про шпионов». А более взрослый в либерии – о гаданиях или эзотерике. А в ответ: «Вон касса, вот книжка». Свечение на этом и заканчивается.

Я и сам преподаю (только детям постарше, в университете) и знаю историю с китайскими иероглифами в словах «Учёба, Обучение». В них, в иероглифах, есть один обязательный, значивший «Розги». Но, увы, мы на практике применить их не можем (впрямую). В высшем образовании они виртуальные – зачёты и экзамены. А «розги» – это отчисление или «армия». Да, иногда действует. И всё же, заучить правильные ответы в 30 вопросных билетах проще, чем прочесть 4 тома «Войны и мира». И формально ответивший на 3 зазубренных вопроса в билете будет считаться интеллигентом с дипломом вуза – поди притерись, вот герб, вот печать...

Кино о самой школе тоже не внушает доверия. «Доживём до понедельника» хороший фильм. И сериал «Большая перемена» тоже хороший. Но оба хороши всем, что не связано с уроками и преподаванием. С чем угодно: с любовными линиями, бытовыми, комическими, но только не с теми 45 минутами классных экзерсисов.

А в «Республике ШкиД» дан и обратный ход событий, когда учитель с классом поёт «Не женитесь на курсистках...». Это конец педагогики.

И есть ли выводы и предложения?

Да, есть. Ошибка в преподавании гуманитарных наук скрыта в методологии именно «работы над ошибками» и способах их предотвращения.

В классах (по литературе) пишут в обязательном порядке изложения или сочинения. Пишут ВСЕ, а читает только ОДИН преподаватель. Он же ставит и озвучивает оценки. И – ВСЁ!

А вот есть и другая методика – устной защиты своей работы, пусть и в одну-единственную страницу (вспомните сцену из «Доживём...» про «троих мальчиков и троих девочек»). Юный или молодой человек так учится общаться с окружающими, а в этой связи дома старается писать лучше, интереснее, со ссылками и цитатами.

Класс обязан задавать вопросы отчитывающемуся. А в глаза трудно сказать неприятное, следовательно, все тоже работают на помощь докладчику. Не мной это придумано, но мной опробовано. Педагог лишь направляет, поощряет ответчика, а уж точно не унижает и не высмеивает его попытки.

Знаете, а это окрыляет многих! Ведь приятно, когда тебя поощряют соученики и преподаватель. «Стимул», как известно, острая палочка у погонщика слона, что колет животное в уши. У педагога или родителя эта «палочка» – игровой момент, поддержка начинающему.

Необходимо воспитать сперва любопытство, затем привязанность, а как результат – будет страсть к чтению. Это не психологический практикум, а искусство. Ему надо учиться.

Да, к несчастью, идеальных учебников, обучающих этому, нет. Каждый раз, с каждым отдельным человеком приходится разрабатывать свою методологию. Тут уж всё зависит не от того, кого вы обучаете, а от вас самих.

«Философия» переводится с греческого как «Любовь к мудрости». Добавьте сюда щепотку вашего личного опыта, каплю юмора и большую ложку терпения – и на плиту!

Марина ЗАМОТИНА
писатель,
член Правления МГО России

НЕ ЗНАЮ, КАК ВОСПИТАТЬ ЧИТАТЕЛЯ

Я росла одна в семье, была любимым ребенком. Но не скажу, чтобы со мной много занимались родители, отец всегда был в командировках, мама тоже работала. Когда я родилась, одна из бабушек вышла на пенсию. И моим воспитанием до школы занималась она. Но бабушка жила отдельно, поэтому я ходила в детский сад. И ездила с садом летом на дачу, хотя и к родственникам в деревню меня возили. Кстати, в Белоруссии я даже читала по-белорусски. Помню, что там было две толстых книжки, которые не давали мне покоя. И я приставала к деду, он мне читал, а я пыталась разобраться, почему слова так странно звучат.

Конечно, с нами много занимались в детском саду. Помню яркие картонные книжечки с рисунками Конашевича.

Помню, в школе во 2 классе нас привели в школьную библиотеку. Весь класс. Показали на стол, где были выложены книги. Разрешили подойти и взять ту, которая понравится. Я схватила «Волшебника Изумрудного города». На всю жизнь запомнила. Нам тогда объяснили, как работает библиотека, куда мы регулярно ходили. А ещё на нашей улице – через десяток домов от школы – вскоре открылась детская библиотека, которая по сравнению со школьной была богаче. Читали мы, школьники, с удовольствием.

Есть мнение, что, дескать, в СССР кроме чтения книг детям нечем было заняться. Ничего подобного!

Напротив школы был кинотеатр, где шли и детские фильмы в том числе. Ходи – сколько хочешь. На нашей улице Бахрушина была эстрада, где проходили концерты. И огромный экран, где кино показывали. Про Дом пионеров я даже не знаю, что сказать. Там мы чем только не занимались! Да и у нас дома всегда были телевизоры в каждой комнате и на кухне. Мама работала мастером по ремонту телевизоров. «Сапожник не был без сапог». А я весь день дома одна. Казалось бы, пришла из школы, и смотри телевизор!

И тем не менее. Дома у нас всегда были книги. Родители старались покупать, а точнее, доставать художественную литературу. Мама много читала, я тоже так делала. Глядя на неё, конечно же! И даже перечитывала некоторые книги по много раз. Точно знаю – если читают родители, то будут читать и дети.

Конечно, как всегда и везде, все дети разные, и растут в разных условиях. И у нас в классе (и во дворе) были и бездельники, и двоечники, кому брать в руки книги совсем было ни к чему.

Но это были скорее исключения из правил.

Время вносит свои коррективы, и уже мои трое детей выросли совсем в других условиях. Для начала скажу, что книг у нас дома столько, что в нашей квартире и на даче живут они, книги, а не мы!

В основном с детьми мы читали летом. Но увлечь их чтением я смогла поначалу только через фильмы. Я еженедельно уезжала на работу. Рано утром в Москву, в четверг днём – обратно. И обязательно привозила кассеты с фильмами. На Горбушке меня знали все продавцы соответствующих ларьков. Помню, если старую версию «Хождения по мукам» А. Толстого я купила на одной кассете, то новый фильм, а там коло 10 серий, пришлось покупать – каждую серию отдельно. В первый приезд на Горбушку денег не хватило, дорого. Фильмы мы смотрели с сыновьями вместе, дочь – когда как. Она была маленькая. Но когда я уезжала на работу, ребята читали! И когда встречали меня на остановке автобуса, то по пути к дому, а это полтора

километра, нам было о чём поговорить. Когда подросла дочь, все повторилось.

Более того, если мы уезжали отдыхать, то брали с собой ноутбук с фильмами. Смотрели, читали! Отдыхая на итальянском острове Искья, мы как-то не успели досмотреть серию из новой версии «Преступления и наказания». Так бежали из ресторана вечером! Досмотрели. Выдохнули. Вышли на променад. И долго говорили о том, чем одна экранизация отличается от другой. Книги у нас собой не было. Дочь читала Достоевского уже в Москве, но тогда мы уже посмотрели спектакль, так что было чем дополнить впечатление.

Мы ещё всегда старались посмотреть театральные постановки по школьной программе. Но в 90-е особого выбора не было. Наверстываем сейчас. Правда, средний сын в нашей семье читал мало, только то, что было нужно. А вот будучи студентом, увлёкся фантастикой. Почему это произошло – не знаю. Не мой жанр! И его отец читает другую литературу. А он, устроившись в студенческие годы на работу – дежурить по ночам в салоне сотовой связи, по пути на работу заходил в книжный, покупал книгу и читал. Из 500 рублей ежемесячного заработка каждый вечер тратил 200 рублей на книгу! Надо же, не жалел!

Старший сын в итоге стал филологом, дочь экономист и художник, но читает много. А у среднего фантастика по-прежнему в приоритете. Но книжки перед работой уже не покупает. Все, кстати, очень любят журнал «Мир фантастики», бумажный вариант. Читают от корки до корки.

Так получилось у нас в семье с воспитанием читателей. Хорошо это или плохо, не могу сказать. Главное, по-моему, жить интересно. Гулять, ходить и разговаривать. Мой муж любит лес, гулял, пока мог, там с детьми и всё время им что-то рассказывал. А я – убранист. Обожаю болтаться по улицам больших городов. Как мне кажется, без цели. Но всегда, прочитав название улицы, тут же «гуглю», почему они так называются. С детьми мы в выходные ходили в театры, на выставки, и старались возвращаться домой «поверху», то есть на автобусах или троллейбусах, с пересадками. Почему? Чтобы посмотреть по сторонам.

Москва – любимая и прекрасная. Сколько всего можно посмотреть у нас в городе! Например, идём в выходные в египетские залы Пушкинского музея. Готовимся. Читаем. Смотрим фильмы.

Я уверена, что нет у нынешней молодёжи проблемы с тем, читать или не читать. Есть интерес и желание жить интересно? Значит, будут и читать в том числе. Если нет интереса к жизни – не будут.

Как привить им интерес к жизни? У меня всё получается как-то само собой. Чему меня научили мои родители, то я старалась передать детям. Время добавило возможностей. Это же отлично! Значит, надо этим пользоваться в полной мере. Понимаю, что все дети разные, кто-то может не разделять интереса родителей к тому или иному развлечению.

Важно с детства стараться понимать своих отпрысков. И не от случая к случаю, а «вести их по жизни».

Да, сейчас мне уже взрослые дети иногда говорят, что, мол, ты не любишь кукол, а потому не водила нас в кукольный театр. Действительно, это так. Но мы в другие театры ходили. А ещё я не люблю сказки и фантастику, но это не помешало им читать это самостоятельно. Как-то от другой литературы они к этому пришли. Кстати, я им объясняла, почему я не люблю фантастику. Если что-то не нравится мне, не значит, что этого не надо читать.

Книги в нашей семье любят. Вижу, что у всех моих детей свои библиотеки. Не такие, как у меня. Очень разные. Но они не жалеют денег, покупают книги, перечитывают. Комиксы, например. Обсуждают между собой, в своих семьях. И с нами, с родителями.

Да и в ноутбках, планшетах, телефонах они тоже читают! Как и вся современная молодёжь. Разве это плохо?

Хотя книгу ничто заменить не может. Я думаю, что в нашу семью книги пришли и от бабушки, которая родилась в глухой белорусской деревне в начале XX века, потом уехала в Ленинград, где устроилась на военный завод и всю жизнь работала крановщицом в горячем цехе. Дома у неё была небольшая

библиотека, книги покупал ей сын. Она выписывала два журнала – «Работницу» и «Крестьянку», собирала номера. Читала и перечитывала их! Кстати, мы с ней часто обсуждали содержание журналов. Особенно «Работницы». Мне она на дни рождения по возможности дарила именно книги. Совсем недавно нашла их. «Ленинград в произведениях русских художников» и такая же Москва.

Наверное, я от неё переняла отношение к книге, хотя никогда об этом не думала. Только сейчас, когда поняла, что не знаю, как ответить на вопрос о воспитании читателя.

Психологи и педагоги знают ответ, а я могу только ориентироваться на свой житейский опыт. Согласно которому, проблем семейного чтения не будет, если в семье есть мир и понимание, любовь к жизни, стремление стать человеком и добиться успехов в учёбе и работе.